



Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 4 раз в год

Учредитель
Ю. Мандрика

№1 (21)

Издатель
ООО «Издательство
Юрия Мандрики»

Главный редактор
Ю. Мандрика

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Сдано в набор 15.02.2002.
Подписано в печать 13.03.2002.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «TimesET». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. 13,02.
Тираж 300. Заказ №860.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление

ДИАЛОГ(МОНОЛОГ) ПИСАТЕЛЯ

- А. Омельчук.* Плоское лицо — орлиный нос (о расовой уникальности Сибири) 3
А. Омельчук. Вечность в эту осень. *Сценарий* 9
А. Омельчук. Прикосновенье. *Сценарий* 11

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

- М. Знаменский.* Дневники (*Отрывки*) 13

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

- Н. Горбачева.* Дневниковая проза М.С. Знаменского 46

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

- А. Петрушин.* Тайна «золотого парохода» 51

ИЗ АРХИВА

- В. Ефремов.* Тюмень восемнадцатого столетия 58

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

- Е. Панишев.* Сказки бабушки Марии 68

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

- А. Чернышов.* За псевдонимом не скроешь своей некомпетентности 100
С. Пархимович. Краеведческая периодика региона: в поисках жанра 104
Вл. Рогочев. Сибирская одиссея Анатолия Омельчука 107

КУРИЛКА «ЛУКИЧА»

- Ю. Мандрика.* Десятая муза меняет профессию 112

ФРАГМЕНТ ГЛАВЫ ИЗ НЕНАПИСАННОЙ КНИГИ

- В. Чупин.* Где жила Павла Петровна? 115

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- К. Носилов.* По Туре, Тоболу и Исети 137

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

- С. Кубочкин.* Кто вы, герои «Кашеевой цепи»? 172

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

- В. Белобородов.* Без ума от синемá 192

СООБЩЕНИЯ

- С. Белов.* «Пути Соввласти» и «дорожка Симонова» 201
Н. Жукова. А. Крылов, СТГ и И. Словцов 204
Ю. Соловьева. «Товарища... считать проверенным» 216

TRIVIA

- Суета вокруг «Лукича» 219
Я и великие. Как я у Гольдберга сало украл: Почти анекдот ... 223

Омельчук Анатолий Константинович родился 27 февраля 1946 г. Выпускник Томского университета. С 1966 г. в журналистике. Автор книг об истории освоения и сегодняшнем дне нашего края: «Салехард» (1978), «Зов Арктики» (1980), «Рыцари Севера» (1982), «К. Носилов» (1989), «Манящий свет звезды Полярной» (1993) и др. В издательстве Ю. Мандрики выдержала два издания книга «Частное открытие Сибири».

С 1992 г. — президент телерадиокомпании «Регион-Тюмень». Постоянный автор журнала «Лукич».

Плоское лицо — орлиный нос (о расовой уникальности Сибири)

Представьте, если бы информантства мира сообщили об открытии... нового континента. Хотя это невозможно, но понятно — фурор! Sensация!

Континентов всего шесть.

Человеческих рас, как нас учили, — три.

Так вот, тюменский антрополог Анатолий Багашев открыл новую человеческую расу.

Кто-нибудь об этом слышал?

Вы — слышали?

Тем более, особо не мудрствуя, доктор истории А.Н. Багашев назвал новооткрытую расу принципиально и патриотично — западносибирская.

Во-первых, это соответствует геоантропологической действительности, а во-вторых, совершенно же ясно, что Сибирь, как особый континент, не могла не породить отдельной, особой, уникальной человеческой расы.

Доктор исторических наук Анатолий Багашев

возглавляет в Институте проблем освоения Севера Тюменский научный центр антропологии и этнографии.

Он отвечает на вопросы Анатолия Омельчука.

Омельчук: До вас о западносибирской расе ученые подозревали?

Багашев: Нет. Хотя история эта, конечно, имеет глубокие корни.

О расовом своеобразии коренных народов Западной Сибири стали говорить примерно с 30-х годов XX века, когда экспедициями МГУ проводились антропологические экспедиции. Обнаружилось, что население Сибири не укладывается в про-



стю схему смешения между европеоидными и монголоидными группами. Материалов было мало, но этот комплекс своеобразный наш выдающийся ученый Виктор Валерьянович Бунак предложил обозначить как «уральская раса». С существенным накоплением материалов к концу XX века стало ясно, что эпизодические наблюдения не случайны. Когда коллектив сибирских антропологов проанализировал все эти материалы с современных позиций, оказалось, что это закономерность. Население характеризуется достаточно четким своеобразием, и это не позволяет говорить, что народы Западной Сибири возникли как результат смешения между представителями местных монголоидных и европеоидных групп.

Омельчук: Я, школьник 50-х годов, подозревал о существовании только трех четко выраженных рас — белой, черной, желтой. Западносибирская раса — четвертая? Какая по цвету, кстати?

Багашев: Желтая. Входит в число рас восточного «ствола». Все население можно разделить на две крупные группы рас — западную, куда включаются европеоиды, негроиды, и восточную группу, куда включаются монголоиды, австралоиды и наша западносибирская раса.

Омельчук: То есть сегодня ученые выделяют и основные расы, и расы второго порядка. Так?

Багашев: Да. Рас много. Очень много. Разные исследователи выделяют от 2 до 250 рас. Что в основе дифференциации, разделения? Цвет кожи — это сразу бросается в глаза. Цвет кожи связан с цветом волос, с формой волос, с формой глаз, с формой носа, и все это связывается в комплекс. Чем крупнее комплекс, тем более мелкие расовые подразделения мы выделяем.

Омельчук: Западносибирская раса — мелкое подразделение или крупное?

Багашев: Мелкое.

Омельчук: Обидно?

Багашев: Но это не умаляет ее значения. Она имеет очень глубокие корни и возникла, по нашим предположениям, в те времена, когда шла дифференциация восточного «ствола» на две ветви — американскую и азиатскую.

Омельчук: Специфические особенности нашей, сибирской расы? Тот, кто, как я, родился в Западной Сибири, может смело себя причислять к этой расе?

Багашев: Нет, что вы! Что такое раса? Раса — исторически сложившаяся группа людей, связанная в той или иной степени формой кровного родства.

Классическими представителями западносибирской расы являются ханты, манси и селькупы. Плюс значительная часть тюркоязычного населения — это чулымские тюрки (ныне, к сожалению, практически исчез-

нувшие, но еще в 40—50-е годы прошлого века по этой группе коренного населения удалось собрать материал). Группа бабарабинских татар, северная группа тоболо-иртышских татар. Но более южные группы — они, в принципе, в этой же линии генезиса, в этой же стадии развития антропологических особенностей. Однако постоянные связи с югом, влияние населения южных областей привело к тому, что у них эти расовые особенности выражены, но очень слабо, тем не менее до сих пор мы еще их фиксируем.

Омельчук: И все-таки основные антропологические признаки расы?

Багашев: Ярких внешних признаков, как цвет кожи или форма носа, толщина губ, нет. В основном эта раса выделяется на костном материале, на черепках. Очень четко проявляется наиболее характерная особенность — американоидность: это плоское лицо, но орлиный нос.

Омельчук: Индейцев Америки вы включаете в сибирскую расу?

Багашев: Нет. Индейцы Америки — самостоятельная раса. Но это — один из признаков, который их сблизает. Многие другие, не менее важные, признаки свидетельствуют о том, что разделение произошло очень давно. Очень давно. Видимо, еще в эпоху палеолита — 40—50 тысяч лет назад.

Омельчук: Расизм — это политическое обвинение, вас в сибирском расизме не обвиняют?

Багашев: Нет, не обвиняют. Мы стоим на четких позициях популяционной концепции расы, основной ее фундаментальный принцип в том, что нет связи между расой и языком, расой и культурой. Как только мы связываем расовые особенности с особенностями в культуре или с особенностями в языке — это прямой путь к расизму.

Омельчук: Численно сибирскую расу в современном состоянии вы просчитали?

Багашев: Это, наверное, около 60—70 тысяч населения. Но это сейчас.

Если мы будем спускаться в глубь веков, возьмем, например, первое тысячелетие, то численность населения окажется заметно больше. Во втором тысячелетии до нашей эры, видимо, еще больше.

Естественные процессы ассимиляции приводят к исчезновению части представителей того или иного расового типа.

Многие расы ведь не дожили до нашего времени. Те расы, которые существовали в эпоху бронзы или в эпоху раннего железа, многие исчезли в результате сложных политических, исторических событий. Здесь, в Сибири, спасла географическая изоляция. Очень сложные северные таежные районы. Сюда ни татаро-монголы, ни кочевники далеко не

проникали. Это спасло представителей этой расы от полного исчезновения.

Омельчук: Но это умирающая, исчезающая раса. Вам удалось ее застичь, как бы сказать, на последнем шаге исчезновения?

Багашев: Нет. Пока существуют носители этих этнических комплексов, раса будет существовать.

Однако общая тенденция — расо-генетическая, расо-эволюционная, — если брать ее в глобальном масштабе, неизбежно ведет к нивелировке расовых различий. И через какое-то количество веков все население земного шара будет представлять один расовый тип — это будет раса земная. Земная раса.

Омельчук: Хотел бы задать вам один политический вопрос. Есть такой политический термин, почти политическое обвинение — «желтая опасность». На ваш взгляд, взгляд ученого, может существовать желтая опасность?

Багашев: Нет. Здесь больше политической окраски. С исторической точки зрения, демографические процессы, происходящие в Юго-Восточной Азии, действительно довольно бурные. Это несколько запоздалый этап в расово-эволюционном плане. Через некоторое время демографическая ситуация там стабилизируется, и уровень рождаемости будет примерно такой же, как во всем мире.

Омельчук: Вас много, ученых-исследователей, которые



Анкета * анкета * анкета * анкета * анкет

В этом номере помещены ответы нескольких краеведов на следующие вопросы:

1. Что такое краевед?
2. Пример для подражания?
3. Что сегодня позволяет в дорогу?

1 Если честно, я не люблю слово «краевед». Районовед... Областевед... Округовед... Регионовед... Ощущаю некую уничижительность, умалительность.

Слова «родиновед» не существует. Не родилось, не прижилось.

Краеведов искренне люблю. Что такое краевед? Философ, осмысляющий себя в этом мире. Глубинный человек, осознающий связь времен, человеческих поколений, непрерывную, непрек —

занимаются проблемами западносибирской расы, или вы в гордом одиночестве?

Багашев: К сожалению, классических, исторических антропологов, которых я в Тюмени представляю, очень мало в России. Надо приветствовать то, что с 1 сентября в ТГУ открылась третья кафедра в России, где будут читать курс антропологии. Кафедра археологии, антропологии и этнографии.

Омельчук: Скажите, какими сейчас исследованиями вы персонально занимаетесь, чтобы ученый мир признал научно выделенную западносибирскую расу?

Багашев: Научное сообщество — российское, да и зарубежное — признает наши рабо-

ты. Во Франции в Бюллетене Антропологического парижского общества вышла очень положительная рецензия на эту работу. В нашей центральной печати высокие оценки.

Многие вопросы стали ясней, какой-то сумбур, который творился до этой классификации, утих, все как-то разлеглось по полочкам, по ящичкам.

Классификация — не самоцель, это инструмент понимания тех или иных процессов, протекавших на конкретной территории Сибири.

Омельчук: Я понимаю, для Багашева это — открытие жизни. А для науки?

Багашев: Сложно прямо говорить, но первое, что дает открытие, — это показывает единство происхождения насе-

та * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета *

рашающуюся эстафету человечества. Мудрец, понимающий, что космос, космическое начало проявляется в каждой конкретной точке — ручье, пруду за околочей, березовом колке, кургане среди пашни...

2 Если отвлекаться от узкого понимания понятия «краевед», конечно, великий Пришвин. Он сопрягает космос человека с родным местом. Он приписал человека природе, обозначая ее конкретно.

Раньше женщина могла родить прямо на пашне, на поле. Представляю: моя родина — сенокосный луг... Я из этих дурманящих трав. Многообразие человечества свидетельствует, что оно не обязательно только с пальмы и из пещеры, но и с лугов, пашен, пампасов и саванн...

«Незабудочный» Михаил Пришвин осмыслил немые — мое: его краеведение возвращает современника в лоно природы. А глубины его и высоты его, естественно, начинались с не —

ления, которое сейчас объединяется в уральскую языковую семью. Шли споры о том: самодийцы и угры — это представители уральской языковой семьи и связаны они родством или нет?

Впервые антропологические данные позволяют положительно ответить на этот вопрос, мы имеем дело с прауральским народом, который постепенно в ходе исторического развития раскололся на отдельные части, но в прошлом был единым этносом, единым народом.

Это основная подоплека выделения этой особой локальной расовой единицы.

Омельчук: Анатолий Николаевич, вы обмолвились, что рано или поздно мы придем к одной (единой) земной расе. Обидно!

Смотрите, какое человеческое многоцветье! Бог такую человеческую мозаику создал, а человечество стремится даже к антропологической унификации. Разве это хорошо?

Багашев: Нет. Человечество само по себе не стремится. Это объективный процесс. Но это очень длительный процесс! Посмотрите, на территории США формируется особая раса — афроамериканская, где представители и негроидной, и монголоидной американской расы, и европеоидной. Они постепенно в едином котле «вывариваются» в антропологический новый комплекс.

К счастью или несчастью человечества, это объективный процесс, такова закономерность развития.

анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкет

разделенной любви... это тоже образец.

ЗКак — то мне посчастливилось отдыхать у подножия легендарного Олимпа, пить греческое вино в местной пивнушке на фоне солнца, закатывающегося за Олимп...
Осень. Меняющаяся погода. Олимп играл в сине — сизой дымке. Я мучительно вспоминал, где я уже видел это, в какой своей жизни?

Вспомнил!

Это же Константин Панков, его картина «Горы играют». Толь — ко на акварели Панкова играют горы Приполярного Урала...

В энциклопедии «Югория» не нашел имени этого великого художника — уроженца Березовского района. Хочу снова побывать на его родине, в мансийском поселке Щекурья, и, если удастся, рассказать об этом забываемом гении.

Тень падающих листьев...

На воде.

Анатолий Омельчук

Вечность в эту осень

Сценарий

Осень в горах.	Оно везде не просто хорошо
Осень в полярных горах.	— прекрасно.
Полярная осень	Но нет прекраснее его,
в полярных горах.	чем в горах.
Это Полярный Урал —	Бабье лето.
Стык Азии и Европы.	Жизнь еще раз — и это пре-
Бабье лето —	красный миг! — показывает
Стык лета и осени.	свое величие и непрекращаю-
Здесь, скорее, стык лета	щееся могущество.
и зимы.	Бабье лето.
Эти речки всегда холодны.	Жизнь — и это прекрасный
Но в эту пору — особенно.	миг! — как бы смиряется со
Эти горы всегда горды.	смертью.
Они редко кого	Согласиться со смертью —
подпускают к себе.	жить вечно.
Сегодня они в предчувствии.	Бабье лето — согласиться
Их гордость скоро станет белой.	со смертью.
И практически недоступной.	Бабье лето — предвестие
Они невысоки.	вечной жизни.
Но — величественны.	В каждом штрихе бабьего лета
За этой красотой	— величие и вечность жизни.
прячется другая.	Полет листа.
Не допускающая к себе.	Блик на воде.
Горы — непрерывная красота.	Шорох птицы.
Скрывая горизонты —	И тишина.
Они открывают —	Вы не слышали
человеку — новые.	первозданной тишины?
Только надо зайти в эти горы.	Она здесь...
Притяженье гор — как при-	Притаилась, как
тяжение сердец.	первая зеленая звезда.
Неотвратимо.	Женщина в горах — встреча
Всесильно.	двух вечностей.
Всепоглощающе.	Встреча...
Иногда не представляешь, как	Загадки жизни
можно жить в горах и не сго-	и тайны земли.
реть от каждочасного восторга.	Жизнь сурова и тверда,
Казалось бы, к этой красоте	как камень.
невозможно привыкнуть.	Как нежный камень,
Невозможно.	посторонившийся для цветка.
Кто-то привыкает.	Последнего цветка в эту осень.
Бабье лето.	

Вспомню:

Есть в горах с их острыми вершинами и пиками, покато-плавными плато, умиленно-уютными домиками и серебряными берегами неугомонно-прозрачных речек нечто такое, что в любой зачерствевшей душе возродит ребенка и поэта, тронет за сердце, как прикосновение руки матери или любимой. Может, здесь человек становится выше, поднимается не над собой, а — в себе.

И случайно ли рядом эти два слова — горний и горный? Я бы сказал, что горний дух рождается в горах.

Мы ходим по вечности.

Но — горная вечность — спрессованная вечность.

Мы помним про излучение урана.

Но излучает каждый минерал — каждый камень.

Что излучает?

Может, это еще неведомо ученым, но ощущает, чувствует и понимает человеческое сердце?

Наше сердце — самый чуткий и знающий прибор.

Но не изобретен еще метод перевода с языка сердца на привычный. На привычную слышимую речь.

Века человечество ищет этот метод перевода. Может, ближе всех к истине поэты...

Магия гор, наверное, в этом каменном излучении. Вечны, как камни. Камни вечности. Чье сердце услышало это притяжение?

Излучает, «говорит» всякий минерал. А если здесь, как ут-

верждают знатоки, собралась «вся таблица Менделеева», можно понять, как мощна каменная разноголосица, энергетически подзаряжающая сердце человека.

Магия гор — это мощь, помноженная на красоту.

Что может быть сильнее этого?

Камни вечности...

Свой язык.

Мы только не приобрели? — Или нам не открылся? — Не дано открыться? — общий шифр взаимопонимания.

Человечество обречено, коротечно обречено, если не будет найден язык общего понимания. И обречено перспективно, если не найдет общий язык с природой.

Камни вечности.

Они говорят. Это мы не слышим.

Они говорят. Просто фактом своего существования.

Что они хотели бы сказать? Нам? И пусть не оскорбит это величие человека: я несовершенный — и только — голос этого ручья. Этого листа. Этого камня.

Примет вечности.

Среди этой прекрасной тверди вдруг отчаянно поймешь:

Природа обойдется без нас. И ничего не потеряет, как это ни обидно для человека.

Ничего!

Ничего...

Ничего?

Но кто же осознает ее и поймет, как она прекрасна?

Вечность в эту осень...

Прикосновенье

Сценарий

* * *

Это — отпечаток его руки —
 Так гласит легенда.
 Но он не просто отпечатался
 В вечном камне,
 Но — запечатлелся
 В вечном человечестве.

* * *

Прикосновенье
 Рукой к эпохе
 Под пальцами — тысячелетия
 Соприкосновенье эпох
 Народов
 Традиций
 Обычаев
 Устремлений
 Прикосновенье душ —
 Через столетия.
 Открытие.
 Даже слова:
 Вифлеем
 Кедрон
 Голгофа
 Гефсиманский сад
 Наполняясь плотью
 Вещностью
 Обретая место в пространстве
 Наполняются временем...
 И время — исчезает:
 Прикосновенье душ.

* * *

— О чем ты думаешь?
 — Я думаю о смерти.
 Укоряют:
 — Может, рано?

Может...
 Но размышление о смерти —
 единственно плодотворное
 раздумье о жизни —
 и ее смысле.
 Помимо самой жизни, естественно,
 в ней никакого смысла нет.
 Искать его — занятие
 само по себе откровенно
 бессмысленное,
 и, полагаю, разгадка
 смерти, **смысл смерти**
 дает возможность
 оценить человеческое бытие.
 Рано ли?
 Или — никогда не поздно?

* * *

Гефсиманский сад...
 Предисловие к предательству.
 Вас обольстило детство жизни,
 Безудержная любовь матери,
 Суровая нежность отца,
 Радости открытия
 божественного мира.
 Вы не думаете об этом...
 Но вас предадут
 В свое время
 Вам не простят
 высоких помыслов
 Самые верные,
 Самые преданные,
 Те, кто повторял:
 — Учитель!
 Вас распнут.
 В руки —
 которые нежно гладила мать,
 Вам вобьют ржавые гвозди.
 Жизнь жестока.

Это дорога страданий
 Это путь на Голгофу
 Из Гефсиманского сада —
 Лунной тени вечных олив.

* * *

Любовь — проявление
 Бога в человеке.
 Значит ли это, что он
 проявится во всяком?
 Любовь — это реже,
 чем талант, дарование.
 Убивающий любовь —
 так либо иначе —
 убивает Бога в себе.

* * *

Кто Христос?
 Обделенный любовью.
 Мужчина,
 не востребованный женщиной,
 И поэтому
 сам ставший Любовью?

* * *

Иисус — урок.
 Мы так устроены:
 Мы мечемся — всю жизнь! —
 Между греховной радостью
 Обычной жизни

И строгой ответственностью
 Перед страдающим
 человечеством.
 Не обольщая себя надеждой,
 что можем
 впустить этот мир в себя —
 как впустил он.
 Иисус — неусвоенный урок.
 Урок, не до конца усвоенный —
 ибо естество жизни
 притягивает нас к земле,
 к земным трудам и радостям.
 Но мы редко поднимаем глаза
 к небу.

* * *

Иисус —
 Это упрек
 Или немой вопрос человечеству:
 В этот мир
 Зачем приходит человек:
 Ради радости?
 Ради печали?
 Что оправдывает наше брненное
 существование?
 Страдание?
 Или все-таки счастье?
 И уже два тысячелетия человек
 в христианском человечестве не
 находит.
 Но ищет ответ.

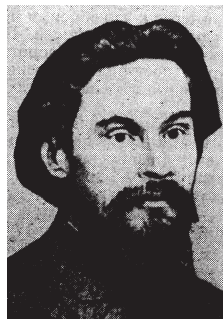
2000 г. , Гефсиманский сад

Михаил Степанович Знаменский [14 (26).5.1833, г. Курган Тобольской губ. — 3(15).3.1892, г. Тобольск], художник, мемуарист, краевед. Учился в Петербургской образцовой духовной семинарии, где были классы рисования. Служил учителем рисования в Тобольской духовной семинарии. Сотрудничал с журналами «Искра», «Маляр», где опубликовал несколько сотен карикатур.

Автор мемуарных повестей о детстве, проведенном среди декабристов («Исчезнувшие люди» и «Тобольск в 40-х годах»), а также популярных очерков по истории края («Искер», «Чувацкий мыс» и др.).

Наиболее полно представлено творчество М. Знаменского в книге «Исторические окрестности города Тобольска», вышедшей в свет в тюменском издательстве «СофтДизайн» в 1997 г.

Дневники (Отрывки)*



21-го вторник. Сентябрь 1862 г.

Берусь за пустую тетрадь в пустом доме. Я один с собаками — Эрмина Федоровна с Анисьей только что уехали в Денисово за грибами.

Какова-то будет поездка... По небу двигаются облачка, чуть ли не нашпигованные изобильным дождем, и сейчас только что прогремел гром, но мое желание им — удовольствия и удовольствия.

А пока для убийства времени буду писать, возвратившись на несколько часов

назад — потяну на бумагу день.

Проснулся по обыкновению в девять <...>. Затем все утро прошло в печении пирожков, в укладывании их и, словом, в

* Печатается по рукописи, хранящейся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Рассказывают, что в начале шестидесятых главный хранитель, ныне покойная, Вера Ивановна Трофимова ездила в командировку в Ленинград в Пушкинский дом. Целый месяц сидела она в отделе рукописей и переписывала вывезенные в свое время И.С. Абрамовым дневники тобольского художника и писателя.

Рукопись воспроизводится частично. При подготовке ее к печати доцент филологического факультета ТГУ Н.Н. Горбачева отобрала лишь те страницы, в которых просматривается единый сюжет.

Подробнее о судьбе рукописи см. в нынешнем номере материал Ю. Мандрики «Десятая муза меняет профессию». — *Прим. издателя.*

сборах за грибами. Проводив наших, я пошел в сад, отыскал под <...> банку с рыжиками, а в шкафу графинчик с водочкой и сочетал законным браком рюмку водки с парой рыжиков, шафером при сем был подсохший ломоть хлеба, потому что не нахожу ничего против этого. Люди гораздо суше этого ломтя бывают даже губернаторами. Если я упомяну, что кофе заварено и стоит на самоваре, значит, я доберусь до настоящей минуты, когда я кладу перо и иду маршировать по комнатам и заглянуть — не потух ли самовар? Не пора ли перелить кофей? Кофе перелито. Несколько шагов отмеряно. Сходил в свою бывшую комнату, отверг предложение какого-то малого с орехами и снова в своей комнате откладываю в сторону перо и чернильницу и берусь за карандаш и за свой бесконечный мертвый дом.

Явл. первое... Анна.

— Кто там?

Ан.: Это я, барич, сала нужно под жаркое. — Показывает ложку и ложкой делает жест, как она будет брать сало под жаркое.

— Возьми.

Анна уходит.

— Кто там?

— Это я, барич, сала взяла под жаркое.

Я нахожу, что это хорошо, и бегу отворять переднее крыльцо приехавшей барыне.

— Эрмина Федоровна дома?

— раздается за дверью.

— Нет, нету, в деревне.

— В какой деревне?

— В Денисовой, — и я получаю за эти сведения любезнейшую улыбку, причем могу любоваться не совсем-то тщательно выщипанными зубками мадам Андрониковой.

В городе час, а в моем желудке чашка кофе и три пирога, и я недоумеваю, как людям может хотеться кушать; что касается до меня, то я бы готов был отказаться и от обеда, только закурил бы папиросу и рисовал. Солнце куда-то исчезло, должно быть, тоже за грибами, того и жду, что дождь пустится рыться в траве, отыскивая ягоды.

В городе два часа, а в нашем доме я все еще один. Дождь, должно быть, из сочувствия к моему одиночеству и из желания разделить его стучится в мое окно, у которого я рисую-рисую, и во мне рождается смутное ожидание, что наши воротятся сегодня домой, предоставя дождю рыться в траве. <...>

Вода ли с вареньем, папироса ли, одиночество или серенькое небо располагают к дремоте. Только миг дремлет-ся, как сквозь сон слышится ржание Малютки, и я иду своим сонным шагом узнать своими сонными глазами, почему он ржет — ржет он потому, други мои, что Иван идет ставить его на место.

«На же тебе за это, Иван, книгу «Иллюстрацию», — говорю я сонным голосом, и отку-

порываю и поправляю колокольчик под двери, чтобы он не спал за меня. А сам с комфортом полагаю свою плоть на свою кроватку, а духом переносюсь в Денисово и хожу, и беру с нашими грибы — словом, вспоминаю прошлое, а в настоящем дремлет. Но вот стукнула калитка, скоро зазвенел колокольчик, и я иду в надежде встретить Николая Степановича.

— Казимир Осипович, — говорит мне мальчуган лакейской профессии, — просили у вас тех, что были, да еще картинок, — и подает мне портфель, который начинается хламом и рисунками из мертвого дому, окончание которых придется ждать долго.

Проводив малого с портфелем, я намерен снова лечь прислушиваться к тиканью часов, смотреть на серое небо и удивляться безнравственным похождениям мух и дремать, переносясь в Денисово.

Мычание коров возвращает дух мой, он влезает в мое тело, лежащее на кровати, встряхивает его, ставит на ноги и ведет к калитке, коровы входят и передаются на руки Анны. Дух мой порывается снова свалить мое тело на кровать и блуждать, где ему вздумается, тело повинуется и валится на коротенькую кроватку.

Явился и Н.С., явился и самовар, и после чашки чаю начался следующий разговор.

— Ты дома?

— Дома, а что?

— Я пойду к Сорокину.

— Иди.

И я иду, иду и нагоняю самого Сорокина.

— Ну что, довели колесницу просвещения до места?

— Да пойдемте поскорее ко мне. Хочется отдохнуть.

И сидим мы и отдыхаем-сумерничаем. Курим и болтаем. Сорокин рад поболтать — после целодневного занятия рассказывает, как он хорошо время провел на заимке Петра Петровича.

— Там один купец живет екатеринбургский, меня познакомил с ним, который ездил со мной, и мы застали у них помочь, вечером угощение. Скрипка и танцы, ну и мы пустились танцевать.

— Что же вы танцевали-то?

— Да русскую. Знаете, этот купец женат на одной девице из бордели. Ах! Какая хорошенькая! Это прелесть! Только манеры самые бордельные: руками взмахивает, кричит, садится эдок, — и он показал, как она садится. <...>

Поболтав еще кое о чем, я взялся за фуражку и, отвергнув все уговаривания остаться, пошел. Пошел и Сорокин со мной. Вечер отличный, поэтический вечер, луна, одним словом, поэзия. <...>

Вечер поэтический, и Яков Алексеевич принялся опять рассказывать про удовольствия на заимке и про хозяйку.

— Ее не Юлией ли зовут?

— Нет, зовут ее Надеждой Дмитриевной...

И от Над. Дм. разговор перешел на более откровенную речь, и Сорокин пуст. откровенничать.

— Ах, какая история вышла со мной раз в школе, просто ужас! Там жила горничная, и вдруг, вообразите, пишет мне записку, так, бестия, фамильярно, на «ты»: милый друг, приходи в баню, я тебя буду ждать там-то. Я собирался в класс, именно в школу, распечатал, прочел да второпях, вместо того чтобы уничтожить, и сунул в карман, а сверху платок положил. Прихожу в класс, объясняю, выдерживаю платок и продолжаю себе покойно, потом перехожу в другой; кончился и другой класс, я иду домой, только там есть маленькая такая бойконьякая девочка Цветкова, прибегает и отдает. «Ваша, — говорит, — записка, вы обронили». Ах, Боже мой, что со мной было! Я побледнел весь и говорю: «Нет, это не моя». «Нет, — говорит, — ваша, адрес ваш». Я взял, бежать, прибежал, развертываю, там шелк лежит, значит, читали. Я еще глупость сделал: после того два класса, и не ходил... Ведь этим я хуже сделал?

— Да.

— Ну а вы что на моем месте бы сделали?

Я не придумую.

— Я бы взял да и сказал: «Ах, это Сидора Коркича или Луки

Иваныча», — что-нибудь в этом роде, ведь почему же бы знали, от мужчины или от женщины — имя подписано не было.

— Не было, да. Но вот рука-то женская, скверно написано.

— Мало ли кто скверно пишет. Ах, это Сашенька Черемшанская идет. Ну, вы домой?

— Домой.

— Я направо. Прощайте. <...>

Чудная звездная ночь. Да, хорошо гулять в такую ночь, и, смотря на звезды, я жалею, что я не в Денисовой.

22. Среда.

Небо серое, как сукно солдатское, дождь исправляет должность барабанщика, очень усердно выбивая дробь на моем окне, и я встаю восемь часов, встаю, не зная, что делать со временем, выгаданным мною у сна. Отправиться к Ершову — грязно. Посвятим же себя домашнему очагу. Брат вносит (?) в мою комнату присланные И. Мих. книги, думает, не лучше ли будет, если дождь разойдется, послать нашим туда провизии еще на день?

Я думаю, что едва ли это будет лучше. Я даже думаю, что наши не будут за это благодарны, но тут же и покаяться, что высказал свой совет. А может быть, и будут благодарны, почему я знаю. <...>

Проводив брата, я раздеваюсь и ложусь рисовать с себя труп перед зеркалом. Но никак не удастся, и я оставляю, а принимаюсь за мертвый дом и рисую.

19 часов. Утро, значит, кончилось, наполненное официальными посетителями: то казак с конвертом с приложением... кухарки, то казак, не имеющий намерения оставить бумаги, и, наконец, пожарный в костюме небесного цвета, разумнее (?) сегодняшнего неба, с лоснящейся жирной физиономией; долго мы с ним беседовали и разошлись, взаимно не уразумев друг друга.

— Бумага здесь есть... Явка.

— Какая бумага?

— Явка.

— Ну?

— Дежурный послал, говорит: бумага есть. Явка.

— Никакой нет бумаги-явки.

— Здесь Знаменской живет?

— Здесь.

— Ну так и бумага есть.

— Да какая?

— Явка.

— Да кому явиться надо, что ли?

— Не знаю, бумага есть. Явка.

— Никакой нет бумаги и т.д.

Должно быть, это один из числа <...> у Кесаря и еще не проспавшийся. Венцом всех явлений было явление Львова неожиданное. Он явился, как театральная молния, и, должно быть, эта молния прошла сквозь крепкие и цепкие тучи, потому что больно уж поисдергана. Сермяжное пальто точно отростки пустило по всем швам, а физиономия — верх описания, необъя-

но красный нос только и красит. Но, несмотря на свою наружность, Львов сохранил прежние свои политические и любезные манеры первых любовников.

— Я вчера только из Тюмени приехал и узнал, что у вас работа есть — вывеска, так вот, пришел.

— Отдана уже.

— А. А я у Голышева оставался, так золотарь пришел и сказал мне, что у Знаменских был. Зачем, вот говорит, зачем.

— Ну, что в Тюмени?

— Да уж не то, что прежде было. Люди-то те, да уж и не те стали — скупеньки, ну и обстоятельства не те — прежде фейерверк был в 200 рублей, а нынче в 70, а свои... так едва денги выбрал свои.

Сообщив еще несколько таких интересных событий, Львов простился и исчез, словно в суфлерскую будку провалился.

30 сентября¹.

Сейчас пробило 12 часов, и я сажусь и беру перо. <...>

Но буду по ключкам бумажек вспоминать дни с 22 по 30.

Приехали наши из деревни прозябшие и промокшие, но довольные своей поездкой, и тотчас же к их услугам явился самовар <...>.

Ко мне между тем явился Сорокин с «Отечественными записками» и с толками о бане, которая все-таки его мучит: ну

¹ Месяц сверху написан карандашом, чернилами — рукой Зн.-автора.

что, если узнают? Смеялись и разбирали мы на все лады этот вопрос.

23 пятница!

Нужно же вспомнить и Петра Павловича, выкурить у него папиросу, выпить стакан чаю и потолковать о том-о сем, а больше ни о чем. Между прочим, П. Пав. изрек по случаю Герцена: неужели не найдется никого, чтобы поехал в Лондон да вызвал его на дуэль? Заключив посещение просьбой, чтобы Петр Павлович написал письмо березовскому протопопу об оказании возможной помощи Иконникову, заброшенному туда обстоятельствами, и, взяв подаренную мне рисовальную школу да приняв к сведению добрый совет П. Пав., как лучше для меня оставить школу, я пошел к Ару Ив. Квартирка его внизу отдает и чадом, и сыростью, и душно, и шумно. Около переднего угла, как в более спокойном месте, застал я его за книгой. Был он вчера в собрании и слушал тоб. концерт и видел часть общества. Судя по этой части, он находит, что тоб. публика развитее пермской, а узнав, что Емельянов принимается во многих домах, несмотря на то, что он семинарист, Ар. Ив., кажется, составил себе окончательно хорошее мнение о здешнем обществе. Если бы он оставался здесь жить, то мой долг был бы показать ему мрачную сторону медали — пу-

¹ Зачеркнуто.

стоту интересов, взятки, глупость и все непривлекательные потрохи общества. Но он едет и потому пусть везет хорошее впечатление, если только в краткий срок не успеет наткнуться сам на вышереченные гадости. <...>

26. Среда.

Сегодня, сверх всякого ожидания с моей стороны, оказался день табельный, идти в класс, значит, не представляется надобности. Но чем же наполнить день? Сор. тоже, сверх ожидания, книг не прислал. Будем, значит, тянуть день за шиворот, еще спасибо, что есть уборка да переборка — она помогла немного убить время <...>.

Эрмина Федоровна сидит в гостиной, превращенной и в спальную, и в столовую, и в гостиную, волнуясь перевираемыми исполнениями в ее владении, и действительно, очень бы и очень не мешало Н.С. привести в порядок свой штаб — все делается шиворот наыворот и спустя рукава, он же не умеет, не может или просто не хочет сделать свое обращение с ним подтверже, а относится в каком-то кисло-просительном тоне. <...>

— Не худо бы коров загнать, — говорю, например, я брату.

— А они разве не загнаны?

— Нет.

— Я ведь велел.

— Однако они не загнаны.

И Н.С. спешит замаять речь и постараться позабыть об этом обстоятельстве, чтобы при

встрече с кучером не быть вынужденным сказать: что же ты не сделал этого?

Словом, хозяйственная неурядица и страшнейшая бесхарактерность, вследствие которой всеобщее недовольствие, а немножко бы энергии и в сторону уксусную слабость в распоряжениях, которая не только не гуманность, но и далеко от нее, и дело бы пошло глаже, лучше, мирнее и спокойнее.

Сорокин надул <...>; а как бы хорошо было наполнить пустоту вечера чтением «обличителей». А хватают эти обличители, сел бы и написал роман в этом роде — материалов куча. <...>

Не попробовать ли хоть канву набросать? Сегодня, ворячаясь на диване, пообдумав сию вещь, и, может, к завтрашнему будет готов и план. Жаль, что я давно не принялся за записывание своих дней.

Пришел брат и за нашим чайным столом произошла грустная небывалая сцена, хотя ее и можно было ожидать. Молча мы сели вокруг стола, Эрм. Ф. начала было говорить о беспорядках в нашем хозяйстве, но не выдержала, и сквозь рыдания у нее начались вырываться горькие фразы. Не хочется мне их записывать — это давно накипевшее в ее груди от постоянной возни с прислугой, от невозможности не только что-нибудь экономить, но даже свести концы с концами... «Я не хочу, — заключила она, — не хочу, как горнич-

ная, целый день... у меня все кости болят... целый день на улице и одна... хлопочу из-за помойки... а ты спустил рукава...» — и, рыдая, ушла за ширмы. Мне стало очень тяжело от этой сцены, и с болью в голове я ушел к себе. Очень тяжело, вероятно, было и брату слушать упрек в прожитых деньгах и, кроме того, жаль было и Эрм. Ф. Что он мог сделать? Он пошел и ругнул кучера. Что-бы чем-нибудь рассеять мрачную тишину, я предложил:

— Не хотите ли слушать что-нибудь.

— Хорошо, — отвечает Эр. Ф.

И мы принялись читать какую-то белиберду из «Отеч. записок».

— Выдай простыни, — говорит брат, когда мы кончили, и в его голосе мне послышались слезы. Тяжело, одним словом. Но чем помочь? Каждый делает свою жизнь. Все, что делается, неизбежно должно быть, потому что мы сами незаметно и безнамеренно приготавлием себе свою судьбу.

Но будет на сегодня тяжело, закурю папиросу да лягу на кровать — горю не поможешь.

27. Четверг.

День такой хмурый, и нервы еще немного расходились, так что пришлось выдержать борьбу — идти в класс или нет, долг взял свое, и я отправился в школу, где все шло по порядку обычной чередой: носы, угли, каран-

даши, резинка, шушуканья учениц и просьбы начать рисунок. Дома — толкотня в двух комнатах: тот просит за вставленные стекла, другой за воду, возня с самоваром, из которого несет угаром. Кучер вводит лошадь не по указанному. Нервы расходились, и я рад был отправиться к Лисицину, а оттуда в класс. <...>

Снова носы и проч., да еще в прибавок и стремление писать масляными красками, не умея карандаша держать. <...>

29. Суббота

3 класса с шею долой, и я перед сном — за пером. Ученицы все более и более привыкают ко мне. Скоро они будут смотреть на меня, как на их старшую и солидную подругу. Новенькая какая-нибудь картинка — портрет фотографический, — если заведется у кого-нибудь из них, то мучит их до тех пор, пока не покажется мне — особенно это расположение заметно в сестрах Скорняковых.

— А вы видели портрет моего брата? — спрашивает одна из них во время класса.

— Видел.

— Он сердитый такой вышел.

А маленькая Сывороткина, постоянно встречающая меня реверансами в передней, сегодня интересуется знать, будет ли она собак рисовать?! И нужно сказать правду: старается научиться, да плохо выходит.

Сегодня вся природа обратилась в сыворотку: и сзади дует,

и сверху spryskivaet и дождем, и снегом, и всю физиономию заплывивает так, что не могу сказать, чтобы я сегодня ходил куда, вернее будет, если скажу, что я сегодня много плавал, пробиваясь всем туловищем сквозь какую-то кашу очень неприятного сырого свойства. <...>

Чтобы только не сглазить, а сегодня в семинарском классе было тесно от учеников.

После обеда в чайнии получить «Отечественные записки» пошел к Сорокину и, чтобы дожидаться его, завернул к Жилину.

— Новость.

— Какая?

— Михайловское дело велено решить административным порядком.

Впрочем, я не понимаю в этом ничего, что это за административный порядок и каким другим можно еще решать, и что из этого. У Сорокина же узнал, что наклеивается ученик, желающий учиться рисованию. Давай Бог. <...>

30. Воскресенье.

Две новости, интересующие меня, записываю перво-наперво. Сегодня брат сообщил мне А рporos, что Кесарь желал бы обучать своих детей рисованию, сегодня же я набросал табличку часов, назначил цену по 50 коп. урок, и К.Д. нашел эти условия выгодными и хотел решить. Главное будет то хорошо, что не придется мне таскаться, а иметь

в месяц 8 рублей все-таки не худо. Н.С., отправившись с моими условиями, принес и вторую новость. Дело Михайлова почти окончилось. <...>

День сегодняшний прошел у меня в ходьбе <...>. Потом к нам явился Жемчужников, его приезд был замечателен тем, что Николай Аполлонович решил завести свой фотографический объектив для знакомых и просил доставить ему объявления. Хорошо это будет тем, что он, по-своему расположенный ко мне, не откажется иногда снабдить меня им в то время, когда придет мне фантазия сделать маленькую экскурсию. <...>

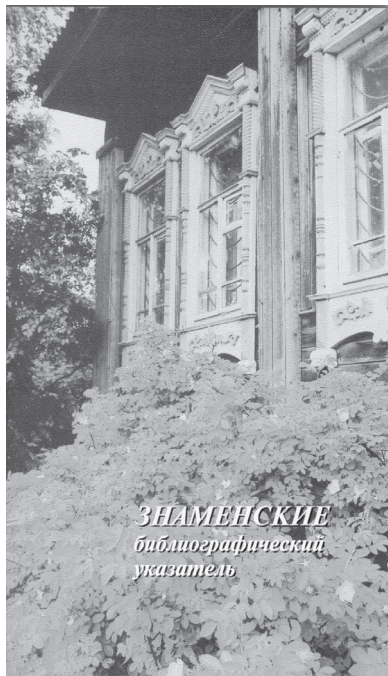
1 окт. Понедельник.

Трудная задача, решением которой я хочу заняться теперь, состоит в следующем: выбрать из сегодняшнего дня какое-нибудь содержание. Самых простых даже действий не могу привести себе на память — стоящих памяти <...>.

Забегал на минутку Сорокин, кажется, только затем, чтобы сообщить, что ему дед дал полтора-ста рублей на дом. О существовании деда узнал я от него в первый раз. «Это, — говорил он, — страшный скупец: собаку с голоду уморил, сам ест только лук с хлебом, у него есть тысяч сорок, и я жду от него наследства. Он прежде был заседателем в приказе ссыльных и брал решительно всем: карасей гнилых принесут — берет, лукошко картофеля — бе-

рет. Ну и, словом, составил нечестным образом наследство будущему честному человеку».

Наша беспорядица в прислуге все еще продолжается, и продолжаете безалаберное обращение с ней Николая Степановича. Как я замечаю, наконец, он просто трусит сказать кучеру резкое и решительное слово. <...> Распушенность увеличивается, и, значит, увели-



Знаменские: Библиогр. указ. / Сургут. центр. гор. б — ка; Сост.: В.К. Белобородов, Р.Д. Истомина; Предисл. В.К. Белобородова. — Сургут, 2001. — 40 с.

чатся и беспорядки — в безотрадной мгле будущего предчувствуются будущие сцены.

2. Вторник.

За вчерашний день мне решительно совестно — так расходились нервы и напала какая-то злость непомерная. Хоть и сегодня нервы не в порядке, но все-таки спокойнее, был в школе и просидел два класса <...>. В то же время, как я возился в школе, Эрм. Ф. поехала кататься и на всем бегу вывалилась из саней, вследствие этого после обеда произошла довольно комическая сцена. Н.С., оставивший было сначала это без внимания, решил, наконец, сделать внушение кучеру и для этого, переменяв сладкий тон на солидный, спросил Ивана, просил ли он извинения у барыни, и объявил ему, что он до тех пор не простит его, пока не простит его барыня. С ним иначе нельзя, ведь он мальчишка — посмеялись и забыли, это дело хорошо еще, что падение было счастливо. <...>

3. Среда.

В каких занятиях провел я сегодняшнее утро, сказать себе не могу, потому что не припомню: кажется, занимался хождением из угла в угол. <...>

4. Четверг.

Сегодня ученицы старались (?). Класс одержим каким-то духом, шалили и смеялись, должно быть, подействовали на

них куренья, с которыми пролетела по классам горничная, даже Майзинова, неправильно считаваемая мною за... постоянно соскакивала в намерении срисовать кошку, мурлычущую тут же, на скамейке. <...>

Сегодня пришла почта, принесли «Искру», писем нет ни откуда. <...> Вчерашний же день я прочел попавшуюся под руку тетрадку дневника своего и понял, или, лучше сказать, увидел, что большая часть моей жизни проходит в бездеятельности и жалобах на свое бездельничанье, а потом в хандре. <...>

А в половине 11-го неожиданно... встревожились стуком в ворота... Оказалось, что почтамт горит, и прибежали из школы. Брат отправился туда.

5. Пятница.

У Ершова провел сегодня гораздо более времени, чем обыкновенно. Пил кофе, слушал его игру на гармонии (?), флейте (?), и строили разные планы, между прочим, дал он мне идею. Вообще, он хороший идеедатель. Именно: открыть класс рисования, он уверен, что наберется человек десять. И если положить, что все эти десять человек будут платить по 10 копеек, то все-таки мне выгода будет. Он, с своей стороны, отдает двух своих дочерей. Воспользовавшись этой идеей, я написал объявление, возвысив цену, а именно 4 рубля с человека в месяц, и хочу сделать опыт: на-

берется десять, сейчас же выпи- сываю отличную коллекцию ри- сунков и открываю класс, а в следующий месяц выпишу бю- стов. Я рассчитываю на двух Ке- саревых, на двух Жемчужнико- вых, на Почекуниных пару, на Сывороткину, и, может, еще не- много подбавит и Ершов. Тогда нанимаю залу, и катать-валяй. Одно только меня сбивает: именно те, которые могут дать эту цену, не согласятся присы- лать в класс, а захотят на дому, те же, которые и хотели бы по- сылать, не в состоянии дать та- кой цены. Уж не заказать ли еще копилку? <...>

6. Суббота.

Сейчас только уехал от меня Кесарь Дмитр., но об обученье детей своих ни слова, хотя и го- ворит брату о том, что хочет, что отдаст. Но хорошо хоть то, что я устроил женщину с ребенком, за которую хлопочет Ершов. Перед Кесарем был Сорокин, говорил я ему, что напали на следы прокламаторов, а потом перешло как-то на декабристов, и он спрашивает меня, почему я не пишу своих воспоминаний.

Сегодня я так занялся клас- сами, что в старшем просидел даже лишнее время, что никогда со мной не случалось, и в млад- шем занимался с усердием. <...>

От... Ф. узнал я любопыт- ную новость — поп Федор рас- пускает слух, что я отдан под надзор полиции за то, что рас- пускаю карикатуры с изображе-

нием голых женщин. При сви- дании я скажу ему, что я рас- пускаю карикатуры голых, только не женщин, а попов, грабленных консисторией, вро- де попа Мельникова, с которо- го Федор за какой-то крест взял пятьсот рублей. Куриозы, ка- жется, все сегодняшние. <...>

7. Воск.

А ведь копилку-то я зака- зал, серьезно заказал. Расходил- ся сегодня, а потом идти не к кому, я и пошел к Вениамину Соломатину да и заказал.

«Упал он и лежит никем не оплакан. О, как он! О, как он!! О, как он!!!» — это неокончен- ное стихотворение на Клейнми- хеля дошло до моего слуха чрез уста Ершова еще сегодня, и я их твержу от нечего делать це- лый день. На бал-концерт я не пошел, не пошел и брат, хотев- ший идти, и, следовательно, мы сидели дома. <...>

8. Понед.

Класс неофициальный, впро- чем, проспал, а потому и отпра- вился, чтобы куда-нибудь отпра- виться, к Плотникову: хотелось мне сделать одним камнем два удара. Первое: взять у него Акса- кова соч., а во-вторых, и сообщ- ить о моем предположении от- крыть школу. При самом моем приходе я, впрочем, сам получил удар. «Сын отечества», сообщая о художественной выставке, меж- ду прочим, хвалит картину «Праз- дник Рождества из мертвого

дома» Дост. Бестия Шульц предупредил меня, и тягаться мне с питерскими тяжело: во-первых, и рисунком-то они владеют лучше, чем я, да и живут там. Пожалуй, мой мертвый дом так прахом и пойдет, и поневоле ухватишься за школу. <...>

9. Вторник.

День какой-то сумасшедший. Право, так в классе как-то все больше болтался из стороны в сторону, однако, все-таки день не пропал, и у Скорняковой рисунок начал выходить очень хор., лишь бы не сглазить, потому что она еще далеко его не кончила. Но уроки с кесаревнами привели меня немного в отчаяние: видно, что понимают, видно, что есть способности, но так малы, что даже смешно. Кесарь посидел немного около самого малого своего произведения и уехал, оставив меня выдeldывать с ними родики-палочки, между тем приближалось время к Сорокину <...>, а я быстро понесся к почтеннейшему Як. Вл. Звуки скрипок и шум в соседних комнатах показали мне, что история будет не обыкновенная, а пахнувшая вечеринкой. Притянув кое-как свою давно уже порывавшуюся оторваться пуговицу, я вошел, раскланялся бог весть с кем и таким манером пробрался в заднюю комнату. Там тоже места были заняты все, но и после меня еще прибавлялись кавалеры. Многих неожиданность такой обстановки из

женских платьев сбивала с толку, и они более или менее чувствовали себя нехорошо.

— Если бы в передней никого не было, — говорил Черданцев, — я бы дал тягу.

— Я решительно не знал, что попаду на вечер, — говорил Добродеев, вбежав с расстегнутым галстуком.

Только один г-н с усами, с бакенбардами, в очках, в лакированных сапогах и пестром жилете не сказал ничего насчет неожиданности и неловкости. Это был Матвеев, имеющий претензию, как я узнал после, быть законодателем приличий... и всего прочего. Целый вечер он не отставал от меня, сообщая мне, что давно хотел познакомиться со мной, болтал о карикатурах моих и о своих статьях. <...>

Начались танцы, и мы четверо из числа не танцующих поместились в дверях — теснота, теплота и дым, впрочем, прочим весело. В часу двенадцатом, выпив рюмку наливки, я хотел было удрать, но был пойман, возвращен в залу и отпущен только после того, как решил протанцевать или, правильнее сказать, проходить кадрили, которую я спутал для всеобщего удовольствия.

10. Среда.

<...> В пять часов явились кесаревны с чашкой, в которой находилась громадная виноградная кисть — подарок Кесаря своему учителю <...>

13. Суббота.

Три мои класса прошли сегодня как-то особенно весело, в младшем школьном было мало народу, а главное — не было приходящей меня в отчаяние Шмоиной — в старшем <...>.

С 15, понедельника, я начал заниматься с кесарятами уже у него на квартире. Сегодняшний день замечателен тем, что по моей милости все встали с болью в голове — угостил я вчера жаровней с углями, поставленной мною для просушки углов.

17. Среда.

Отдал визит приехавшему Ивану Черемшанскому, перемены в нем никакой не нашел, таков же, как и был, только искуснее передразнивает. <...> Черемшанские отправились в острог, а я к Ершову, тот был в ударе и принялся рыться в своих воспоминаниях.

— Да я, когда приехал сюда, в страшной хандре был и много сжег, теперь жалею, напомнило бы, по крайней мере, молодость, были у меня и заметки, писанные Пушкиным и другими.

— Вы были знакомы с Пушкиным?

— Да, я бывал у него, если вытаскат к нему. Я был страшно обидчив, мне все казалось, что надо мною он смеется: например, раз я сказал, что предпочитаю свою родину, он говорит: «Да вам и нельзя не лю-

бить Сибири: во-первых, она ваша родина, а во-вторых, это страна умных людей». Мне показалось, что он смеется, потом уже понял, что он на декабристов напоминает.

Петр Пав. был в духе, как я уже и сказал, и переходил от воспоминаний к воспоминаниям: рассказал о бывшем здесь композиторе, который написал музыку на его «кузнеца», и которого страшно рассердил Ершов — узнав любимые места в этой музыке композитора, ударил в трещотку (?). И много он рассказывал.

Сегодняшний день, видно, судьба мне встречаться с приятелями (?): возвращаясь домой, до угла я доехал с Темковым, есть, говорит, к вам поручения от М. Ив., но приеду, так расскажу у вас. <...>

19. Пятница.

Явился, наконец, и Темков. Прежде всего мне интересно было знать, какое поручение от М. Ив. и чего теперь поделывает М. Ив.

— Поручение — кланяться и просит снять портреты вас, Жилина и меня. В вас он влюблен, показывал мне ваши рисунки. Чудный по-прежнему: когда взял в плен Гарибальди, он приказал всем домашним траур надеть, не помогла их отговорка, что это далеко отсюда. На ногах у него уже старческая сыпь, а он поехал в Москву да накупил себе десять пар охотничьих сапог.

Августа Павловна похорошела, право, она молодеет, другие девушки старятся, а она молодеет. Я ее спрашивал, уж не нашла ли она талисман. Аннушка очень подурнела.

— Что в Петербурге?

— Все-таки беспокойно, но народ никогда так не был привязан к царю, как теперь. Да вот, дело тверских дворян. Народ против них — М. Ив. сам слышал, как крестьяне говорят, что они это из зависти, что государь нам волю дал. <...>

22. Понедельник.

День, сверх ожидания, вышел свободный. В монастыре — праздник. Я направился было к Ершову, но они, вся семья, у обедни. Пошел в типографию. <...> Типография пуста снова, значит, с от. зап. домой, да целый день так и бездельничал. <...> Принялся за перо и с разбросанных лоскутков перенес на эту тетрадку. Много интересного ускользнуло, да нынче как-то не тянет записывать, есть, значит, другие занятия и другие развлечения.

Брат от Жилина, а тот, откуда неизвестно, узнал, что у нас в России гласное судопроизводство.

23. Вторник.

Пишу под музыку. Пастор играет. По соседству пасторша тут же болтает, и я, загнанный в свою комнату, от нечего делать берусь за перо. <...> Сегодня еще предстоит решить задачу —

Пиленковой желательно устроить читальные вечера, и потому она просит нас открыть их сегодня, если же не удастся нам быть у них, то будет она к нам <...>. Порывался было написать письмо к М. Ив., но с первых же слов такие фразы полезли, что я сделал самое лучшее, отложив все это в сторону. <...>

Н.С., возвратившийся со службы, принес листок «Сев. почты», где говорится о преобразованиях, и вот прежде всего нас заняло, что стряпчих не будет, очевидно, что Н.С. должен будет получить другое место <...>. Но пусть будет, что будет, а будет, что Бог даст.

26. Пятница.

Наконец вручил я Ершову и стереоскопические рисунки, и пустились толковать с ним о предметах, вызывающих на размышления. Предметы эти были архиереи всероссийские, откуда-то явилась у него их портретная галерея, сказать правду, произведшая на меня очень неприятное впечатление. У одного только племянника Соколова была физиономия человеческая, у других же или иезуитское смирение, или нахальная напыщенность, и все, как люди грамотные, с книгой. <...>

27 Суб. 28 Воскр. 29 Пон.

Все эти три дня по бесцветности их окрещу за один раз и составлю из всех их что-нибудь одно. <...> Пустошный день, даже

почта, принеся «Искру», насколько не разнообразила его <...>.

30. Вторн.

Хандрится, злится и не пишется.

Злюсь на Сорокина, испортившего один из стереоскопических рисунков у Ершова, который он мне сегодня и возвратил под деликатнейшим предлогом: нельзя ли поправить. <...>

31. Среда.

Как пойдут невеселые деньки с неприятными известиями, так-таки рядком и ложатся. Сегодня брат привез известие <...>, что мой мертвый дом не доходит по назначению, а во-вторых, что прошение Попова о взыскании с брата уже подано, и что будут печатать в «Губ. В...» брата. Куда как весело будет прочесть батюшке да и Н. Дм. <...>.

24 ноября. Суббота.

25. Воскр.

<...> Давно я не писал, а в этот промежуток было кое-что и изрядное. <...>

Хотел было приняться за мерт. дом и начать театр арестантов, да рука не поднимается. <...>

27. Вторн.

Сегодня, к моему сожалению, без меня сидел у нас ялutorовский крестьянин, владелец полу <...>, что не редкость в Ял., в Кур. и Ишиме, и много толковал о разных разностях...

Но что для меня было новость, это то, что крестьяне боятся нового выборного начала. Еще раз жаль, что я не застал его. Знаю только, что страх их происходит оттого, что ну как будут такие же выборы, навяжут тебе, да и только, а заговоришь, так скажут: бунтовщик. <...>

29.

<...> Крестьянин Неустроев пробавлялся сегодня у нас целый день <...>. Вглядываясь ближе в этого крестьянина, я узнавал, что все власти ему и друзья, и приятели. Невольно объясняешь его страх выборного начала опасением упадка того влияния, каким он пользуется теперь, а может, это и неправда. Принятый нами, он, кажется, считает себя поставленным в необходимость всучить нам какой-нибудь подарок и на замечание брата и Эрм. Ф., что нам не нужно, что мы не возьмем, он говорит, что подымет какую-нибудь штуку. Совет брата завести у них школу в селе он хочет исполнить и выписать отсюда хорошего учителя. <...>

30. Пятница.

День, предназначенный для свидания с Ершовым, оставлен мною для себя, для писания. У Ер. — праздник Андрея, день Ангела Андр. Никифоровича <...>. И взялся за свой дневник. В минуту решительного ничего неделания он служит хорошей подмогой. <...> В промежуток, когда мне не хотелось братья за

перо, я узнал несколько обычаев и обрядов Сиб. кр-н, кот. запишу теперь. Здесь еще до сих пор, и не у крестьян, существует обычай: в день свадьбы, когда за столом подадут пироги, девицы уезжают, и молодых уводят в спальную. Через несколько времени ее выводят в рубашке, на которой находятся следы девства, и тут-то начинается оргия: женщины приходят в иступление, срывают друг с друга головные уборы, а жених благодарит отца и мать невесты за целостность своей жены. Когда же этого не окажется, то на отца невесты, входящего в спальную, надевают хомут. Только это очень редко случается. На свадьбах всегда приглашается дока в качестве, если не ошибаюсь, тысяцкого, который помогает этому горю. Так, один раз прислали за жандармом С., который постоянно присутствует и приглашается на свадьбах. Явился он к утру домой с порезом на ноге. Вышла такая история. Схватили петуха, который в этом случае постоянный ответчик, обрезали ему гребень, но он оказался бескровным. Тогда С. самоотверженно разрезал себе ногу и восстановил девство. Часто случается, если это в тесном помещении, то гости, сидящие за столом перед пирогом, ожидающим, чтобы его разрезал молодой, слышат необыкновенный крик петуха и волнение между курами, и опытные смекают, в чем дело. Но это бывает, разумеется, ред-

ко, потому что на подобного рода свадьбах, где соблюдается весь чин, перед венцом сначала мать невесты и потом родня жениха исповедуют невесту. Многие чистосердечно признаются, и тогда дело устраивается заранее, так что и сам жених, особенно если он такой, которому, по выражению одной особы, хоть на язык наступи или на которого хоть всякий ложись... «Так он весь в вас», — заметила этой особе одна бойкая девица.

Кроме вышеупомянутых услуг, от тысяцкого доки ждут еще и других — помешать злым людям понасмеяться над свадьбой. Случается, что лошади со двора нейдут. «Ну, это понятно, — говорила рассказчица. — Намажут ворота медвежьим жиром. А то вот что случается, уж как объяснить, не знаю. Вдруг посреди дороги останавливаются лошади. Одно средство заставить их идти — это нужно невесте выйти из экипажа, подняться на голлову подол и раскланяться на все четыре стороны. Или приедут домой, отворят двери, а в комнатах полов нет. Такие штуки выделывают злые люди».

Сейчас узнал от Анны Егоровны, что эти доки называются дружками, что у них есть разные приговоры, с которыми они обращаются ко всей честной компании. Много ведь наберется смотреть свадьбу старух и всех, ребятишки на полатах полным-полно набьются, так дружка ко всем им обращается с просьбой

благословить, и те хором отвечают: «Бог благословит». Потом дружка с образами обходит лошадей, кланяется им в ноги и тоже приговаривает. Попрошу я ее записать все эти приговоры.

— Ну а как делаются разные штуки?

— Этого уж они не рассказывают. Раз над моим дядей подшутили: раз сидели за столом, тишина такая была, только вдруг он как стукнется лбом об стол.

— Да как же это можно сделать? — спрашивает Эр. Ф.

— А то раз только что стали благословлять жениха и невесту, они хотят поклониться, вдруг кошка и пробегит, и несколько раз. Дружка взял плетль (у дружки уж всегда плетль за поясом) да ударил кошку. В это время старуха схватилась за глаза и выбежала из комнаты.

Эр. Ф. окончательно сомневается <...>.

Не худо бы хорошенько разъяснить подобные вещи, и у меня появляется желание потолковать об этом с Неустроевым, который тоже занимается нашептыванием. <...>

1. Декабрь. Суб.

— Что вы, М.С., жениться не думаете?

— Куда жениться — денег нет! — так отвечал я Неустроеву.

— В вашем быту ведь это недорого стоит, а вот в нашем так куда как трудно. Худую свадьбу сделать — так и на гла-

за-то совестно показаться, ну а хорошая-то куда как дорогонько обойдется. Вон наша, так тыщи две стоила. Колым-то девки большой берут. Я своей жене так немного дал, 800 только.

— Ну, ваши свадьбы со всеми обрядами бывают.

— Как же, уж как следует.

— А вот, говорят, в деревнях случается, что портят свадьбы. Правда это?

— Как же, частенько. Недоглядит дружка, так и испортят. Это вот больше случается, что, например, невеста того хочет дружка, а жених того. Ну, кого обойдут, тот и портит. Да когда я женился, так один нищий испортил. Приехали ко двору, а лошади заартачились, ну и нейдут во двор. Вылез, делать нечего, да такую штучку сделал с нищим, что он опосля и не показывался в нашем селе.

— Какую же штучку-то?

— Да нехорошую.

— Да какую? Нельзя, что ли, сказать?

— Нет, нельзя. А то раз испортили свадьбу, больно уж нехорошо. Мертвую сделали.

— Как это?

— Да так. Вдруг в церкви и заснули, слабость такая напала, словно мертвые.

— Так их и увезли?

— Нет, хорошо, что догадались не будить их в то время в церкви-то...

— Ну а как же сделалось-то?

— Послали, энто, за мной, приехал я, зделал кое-что —

проснулись, да ничего уж не мог сделать-то больше, после они и померли.

— Да как же это делается?

— А Господь знает — неспроста. Чай, видали, как луна-то чернеет, вдруг начнет эдак темнее да темнее.

— Видал.

— Ну так в ту пору человек-то и учится, и может научиться всякое зло сделать. Раз это на гумне мужики-то были, только и едет свадьба, а один тут и говорит: «Смотрите-ко, у свадьбы лошади-то...» — да трижды через сноп взадь пятки и перескочил. Смотрят: а лошади-то оторвались, да в лес и побежали. Он опять трижды через сноп взадь пятки перескочил. Смотрят: а лошади тут. А то случается так, что блудят. Погода хорошая, а им кажется — пурга така, что и свету не видно.

— Ну а как же тут дело-то поправить?

— А молитвы такие есть да приговоры.

— А не подсыпают чего-нибудь эдакого, дурману?

— Кто их знает?

Принялся Неустроев мой альбом рассматривать.

— Вишь ты, ты все изобразил, как оно есть по Тобольской губернии.

— Это вот старинная Рафайловская церковь.

— Так, да, она, и лес-то зделан, как он есть, в точности изображено. Сломана нонече эта церковь под лавки, а мно-

гие бы дорого дали на дома за этот лес-то. Новая там церковь-то выстроена, ну так некоторые из наших-то ничего, ходят туда, и образа там некоторые из старой принесены, не подновлены. Ну так им и ставят свечи, и новым-то не ставят. А вот отчего нашей-то церкви не изображено у тебя, М.С., тоже церковь старая? Подновляли нонече иконы, московские иконописцы приезжали, у меня и жили, три им комнаты отдавал.

— Не по-новому писали-то?

— Нет! Как следует, по старине, сами-то мы по старинке живем, креста нашего держимся, Бог миловал, шепотниками (?) не бывали. Ох-охо, нужно ведь и о кончине-то подумать. Как считаешь, как жить-то надо, так так тебя в пот бросит. У нас вот в большие-то праздники собираются старики по домам да читают, книга есть такая — Лицевая, так там все это показано, как надо.

— А много у вас книг?

— Довольно. Много отобрали у нас священник с исправником книги эти, образа, везде по домам ходили да сбирали, оно диви бы молельни какие были али что, а то у всех (?) собрали, словно татар оставили. И подиканился тогда поп-то над нашими иконами-то, чево уж только мы не вытерпели, смотремши на эти поругания. Я и говорю исправнику: послушайте, мол, ваше В-бл., как же можно так диканиться, ведь это лики

божьи, по апостольскому повелению тоже писаны, зачем же это так-то делать? Он сказал попу: батенько, зачем это делать, брать бери, да осторожно и складывай, тут рублей на полтора-ста иконы-то есть... У одной иконы жемчугом низана была, как бросили ее, так вот этакой угол и отбили.

— Где же теперь это? Возвращено?

— Нет, в губернском суде книги-то, говорят, положили вернуть. Да подарочка там один просит. Вот нужно поспросить Миколая-то Степановича.

— Интересно бы их видеть.

— Хорошие книги, стоит почитать, понравятся. А иконы-то в духовном правлении, кажись, лежат.

— Ну, Анна Егоровна, теперь я вашего дяди все знаю.

— То-то я и слушаю, думала, что вы расспрашивали его, теперь будете по свадьбам ходить?

— Буду. <...>

2. Д. Воскр.

<...> «Губернские ведомости» подлили горечи в наше веселое расположение духа — там напечатан вызов брата по делу Н. Попова. Прочитает это батюшка и не раз скажет: «Ох-хо-хо!». Всех скорбей и бедствий насулил я на голову подлеца Попова. <...>

4. Д. Втор.

Главная крупная новость в городе — михайловское дело.

Толковали и мы об этом с Ершовым, жалеет он и В., и К., и всех, хотя прежде от души желал В-у отставки. Носятся слухи, что губернатором будет сюда якутский, бывший здесь доктором, вот и все наши тоб. политические новости. <...>

Читал, между прочим, сказки, к-рые достал у Ершова, и иллюстрировка которых раззадорила меня рискнуть приняться за Кольцова да махнуть их красками. <...>

Мужик Неустроев, наконец, надоел нам: приходит, садится и болтает. Все бы это еще ничего, но некоторыми выходками он очень опротивел, например, хвалит и постоянно твердит, что это его друзья — известные взяточники, рассказывает с наслаждением все проделки и взяточничества подобных приятелей, и когда Н.С. заметил, какие же они подлецы, он заметил: «А разве если бы вы, Н.С., были там, не на глазах у губернатора, не брали бы? Так же бы брали — все это делается». Скверно слушать. <...>

6-го. Четв.

<...> Вечером — шеколад и гости, немецкий диалект и рассуждения, и толки о михайловском деле, по крайней мере, есть тема для речей. Многие с удивлением спрашивают, какое же это дело, вызвавшее флигель-адъютанта, да, я думаю, и самые причастные к делу силятся придумать, не было ли в самом деле чего-нибудь противозаконного в

их словах, в их поступках — комедия, да и только. Да стоит написать повесть под названием «Политические преступники», какие комичные будут все наши тоболяки под этим названием! Недогляди члены клуба передернутую карту Ланского, благоденствовал бы до сих пор Виноградский. В сладострастном млении ждал бы Колен красных штанов, горячился бы и спорил Пушкин, доказывая, что снег бывает черный, и скучали бы тоболяки, ругая погоду за неимением других материалов. Теперь же шутим, братцы, шутим. Мало того, либеральничаем: что за дичь посылать флигеля, когда всю эту чепуху мог бы разузнать корпус.

Д. 7. Пятница.

Никуда не выходил, ничего особенного не делал, зато вечером были у меня Сорокин и потом Черданцев <...>.

Но вот другой, более грустный, рассказ Черданцева. Во время архиерейских служб в алтаре дьякона приготавливают себе водку и закуску, и часто дело доходит у них до ругани, ругань эту слышит архимандрит, да не может не слышать и архиерей, только пропускает мимо ушей. Ругань, видите ли, происходит оттого, что спор о голосах. Младший дьякон Сперанский обладает более густым басом, чем протодьякон. Не выведет ли эти беспорядки новый. Но, кажется, мало надежды, будет ездить по

епархии со свитой, даже вытребовал себе певчих в Тюмень. <...>

8. Суб.

<...> В чем прошел сегодняшний день, и аллах его знает. Был у Ершова, заметил проблески намерения отдать своего Володю ко мне в науку, взял у него сынка отечества и, таким образом, в некотором роде восприемником возвратился домой, где и занялся решительным ничего неделанием. <...>

9. Воскр. 2 часа.

<...> Сегодня приходила убитая горем и своим беспомощным положением жена арестанта, умершего вчера. Комитет мог ей дать только 5 р. Это грустное посещение переворошило все мое внутреннее хладнокровие. Я сделал нападение на брата.

— Я докладывал об этом, — говорит он, — губернатору.

— На бумаге?

— Нет, на словах. <...>

Впрочем, брат поехал в острог. А я рад, что едет комиссия.

Вечер. <...> Берусь снова за перо. После обеда сдремнул сам, и сдремнуло во мне ожесточенное расположение духа: что скажет, воротясь, брат. <...> Тобольск переживает интересное время, может, придется ждять лет двадцать, когда снова наедут разные энэралы судить-рядить и причислят к министерствам губернаторов и жандармских штаб-офицеров. <...>

Мне пришло на ум сделать сборник Тоб. из разных сочинений, где бы в очерках были все классы тоб. общества. Черданцеву поручить бы мещан и солдат — Юшкову, я бы взял, собственно, так называемый класс прогрессистов, у Анны Егор. расспросил бы о мелких чиновниках, остаются духовные, военные да аристократы. <...>

Напала на меня какая-то лень: рисовать не хочется, писать тоже, да и нечего. <...>

Да, странная моя судьба, ничего хорошего нейдет ко мне, на место того наплывают разные неожиданные гадости. Скверно жить на белом свете. Скука да хандра. Подчас как будто и ничего, весело. Рассмотрись, и выходит какая-то дичь! <...>

Д. 11. Вторник.

День, полный новостями — письмами, посылками. Крупные тоб. перемены, занимая весь Тоб., заняли и листок дневника моего, все постороннее незаметно уходит в сторону. <...>

12. Среда.

Явился, наконец, Варлакий. Что-то и как-то? Лисицин убежал в собор, должно быть, посмотреть, что это за штука. <...> Забегал к нам Жилин: «Вас по делу Михайлова тоже устраняют вместе с Пушкиным и Жемчуж.», — обратился он к брату.

— Да меня-то за что же?

— Не знаю. Я это уж говорил. Нет, говорят, и Знаменского тут же.

— Так болтают, — решили мы.

Вторично посетил я Лисицина. Лежит на постели, укрывшись шинелью.

— Что, уж не помял ли вас новый-то владыка?

— Нет, простудился немного.

— Ну, рассказывайте, что и как, и каков? <...>

— Просто мужик. Средние времена настали. Сижу я утром, пью чай, вдруг прибегает слугитель. Пожалуйте, говорит, в церковь, архиерей туда будет. Я скорей оделся, побегал. Прибегаю, там уже ученики семинарии, наставники, наших учеников нет, зрителю никто не скажет. Ну, говорят, и наших надо. Прибежали. Ректор уж там прицелился у дверей. Вот приезжает, входит высокий, взмахнул руками, благословил, словно дрова рубит, борода так вперед торчит маленькая.

— Хуже моей?

— Хуже.

— Пожалуй, сбрить придется, а то еще из зависти взбесится.

— Нос кверху, ну пошли к алтарю. Там... ктению дьякон сказал, многолетие начал, только забыл прибавить и господина. Что ты, скот, не знаешь, надо и господина. Преосвящ. потом ко кресту стал подходить, толь-

ко ректор хотел поцеловать, он на него: ты чего не крестишься? Речь сказал: поблагодарим, говорит, Бога, что он сподобил меня после такого длинного и трудного странствования прибыть в вертоград сей и помолиться в обители сей, а сугубо помолимся в соборе. Пригласил и нас, и воспитанников туда. Там молебен был, опять проповедь на тему о мире, что мир в нас от нас самих, когда мы исполняем свои обязанности. <...>

— На экзаменах он будет?

— Я думаю. Ругается он на экзаменах, сказывают.

— Ну, бороду-то сбрить, видно, приходится.

— В Тюмени попов экзаменовал, те, разумеется, ничего не ответили. Вас, вероятно, говорит, из семинарии-то ослами выпускают. <...>

13. Д. Четверг.

От К. Дмитрича воротился не в своем виде, а в его шинели, поелику мою доху во время уроков стилиснули (!), довольно оригинальная история: воруют из дому полицмейстера. <...>

14. Д. Пятница.

Намерение мое идти к Ершову, и осталось одним намерением — проспал, а все виновата доха. В час или в два нас разбудил стук в ворота, выскочили сонные, сердитые, и оказался милейший К. Дм. с дохой. Пешком, бедняга, притащился. Спасибо ему! <...>

Однако нужно распределить день, чем заняться. Рисовать бурсаков пока без книг нечего и думать, писать свадьбу без наговоров, обещанных Анной Егоровной, тоже нельзя. Будем, значит, с Эрм. Ф. читать, а потом к Кесарю. И читали, и пошел к Кесарю, но до этого успел набросать в черн. один рисунок к бурсакам, чем и остался очень доволен. <...>

15. Д. Суб.

Ничего нет удивительного, что нашим внукам или правнукам будет рассказываться легенда о Михайлове: до того напряжено теперь обществен. тобольское внимание насчет этого предмета.

— Какой я отсталый, — говорит сегодня Кирьянов... — И не знал до вчерашнего дня, что Михайлов-то убежал.

— Как! Куда?

— Да разве вы не слыхали, его дорогой отбили, — еще оригинальнее сообщил Черданцев, — только это был послан не Михайлов, т.е. Михайлов, но не преступник, а просто от правительства лицо такое, чтобы узнать, каков таков Тобольск? Ну а после он с каторги убежал. <...> Какой-то факт рассказывает, что он замешан в этом деле.

Комедия. <...>

Но все эти толки — второстепенные. Главное — комиссия, сделавшая так популярным имя Михайлова. Как я ду-

маю, и во сне ему не снилось и не снится. <...>

16. Д. Воскр.

<...> Так монотонно начавшийся день окончился несколько живее. Пришел брат и сообщил, что приехала комиссия <...>.

С сегодняшнего дня, значит, начнет разведываться дело, о котором так много плели и плетут, чем оно окончится — увидим. <...>

Д. 17. Понед.

Во-первых, с чего-то желудок мой страшно расстроился, так, что едва досидел у Ершова, а во-вторых, не знаю, что такое во-вторых. Да, во-вторых, экзамены с архиерейским посещением. Закрyli лисицинскую фотографию, и потому мне придется поостановиться с бурсацкими типами за недостатком моделей <...>.

После увертюры, сыгранной на праздных языках тобольских кумышек — с припевом Михайлов, раздаются звонки почтовых колокольчиков, занавес поднимается, театр представляет город Тоб., посреди комиссия, по требованию которой вводят к ней несколько дел. Чиновная публика теряется и недоумевает, смутное чувство волнует их, на физиономиях их обрисовывается: кой черт дал им право вмешиваться в наше домашнее дело, ведь это нисколько до Михайлова не касается.

Раздается музыка на языках под сурдинкой.

Д. 18. Вторн.

<...> Получил «Искру» — пошлость какая-то. Ни злобы, ни ума.

Комиссия изволит кушать сегодня у Доммети — лица взыточников и мерзавцев несколько проясняются. <...>

19. Среда.

<...> Шел я к Лисицину в полной уверенности, что сегодня он свободен <...>.

— Вообразите, — начинает Лисицин, переходя от архиерея к комиссии, — в городе говорят, что я с Михайлова портрет снимал.

— Ну так что же?

— Да на что же это похоже?

— Да что же из этого? Про меня, вероятно, говорят, что я карикатуру на него рисовал. А про каждого портного скажут, что он ему платье шил, а сапожники сапоги, ну и так далее. <...>

— Утрите, ваше превосходительство, слезы несчастным, замешанным по михайловскому делу. Вот крупная, гораздо крупнее моих букв, глупость, брякнутая тонкою Ольгой Доммети. Стоит написать ее изречение на лбу ее превосходительства с «эпиграфом»: услужливый дурак опаснее врага. Кто замешан в чем, черт знает что, неужели Жемчужников, накормивший обедом Михайлова из сочувствия к его несчастью как человека образованного, сделал политическое преступление. И плачет. Какая трогательная сцена: Николай Аполлонович в

слезах с поднятыми руками. Ольга Александровна подает платок Сколкову. Утрите... ой потеха же, братцы, с енеральшами. Премию, премию тому, кто решит, чего больше в Ольге Александровне — доброты или глупости! <...>

Д. 20. Четв.

Жаль Жемчужникова, жаль Кесаря: ни за что ни про что, а говорят, что их уволят. Грустно улыбаясь, ходит Кесарь Дмитриевича из угла в угол. Да, скверная вещь — участие к людям несчастным, но ведь это выходит, однако, без суда. Комиссия была сегодня в остроге, куда приглашался и Соколов, теперь ясно, говорят здесь, что доносчик Соколов. Соколов же говорит другое. <...>

21. Д. Пят.

Как люди делают себе праздники? С сегодняшнего дня начинают употреблять все усилия, чтобы опротивела самая (?) жизнь. Прежде всего подымут пыль несказанную, потом наполняют комнаты запахом известки, затем делают при помощи поломоек несказанную сырость, проникающую во все члены и начинающую ломить ноги, кое-что разобьют, и все это до 25 числа включительно. Чтобы праздник еще был лучше, советуется даже угореть или что еще хуже угару. Прочсть семинарские задачи. Потом умыться, одеться и сесть, и будет праздник.

Тобольск — решительно город на военном положении: столько генералов, а потом и курьеры скачут. Идя от Лисицина, я встретил эстафету — летит в почтамт с колокольчиком в кошовнях, стоит крестьянин, а на шее у него вроде чемодана — что-то он привез. Напугал я Лисицина, присочинил слухи, и, пожалуй, теперь почтеннейший Иван Федорович вообразит себя тоже замешанным по михайловскому делу и примется жечь свои собственные портреты. Какую, однако, роль играет Соколов в этой комиссии, прелюбопытно знать. Общественные толки разделяются надвое: одни кричат, что С. доносил, другие, что он подсудимый, которому достанется более всех. Поживем — узнаем и что будет — запишем. <...>

Занявшись сими судебными толками, я забыл даже и Цейдлера. От Соколова я не узнал положительно, сколько мне назначатся за мер. дом, узнал только, что Дост. не до того — болеет падуцей, узнал, что Помялов. семинарист и страшный кутила. <...>

Теперь последует у меня молва народная, подслушанная Черданцевым в бане.

«Наш брат курицу у помещика украдет, так его невесту куда упрячут, а тут такого прислали, так все пожалуйста пообедайте ко мне, ко мне поужинать. Его бы в самое пекло нужно. А очень он умный, видно, на такое дело покусился... сбежал ведь он в Англию. Уж там не

выдадут. Да что же это генералы приехали — с одного конца следствие производят, а с другого — обедают... Нужно бы этих чиновников-то хорошенько поприжать. Что это за губерния (?), что, муки в городе нет? А Соколов-то, у! Какой умный. Хитрый ведь он: здесь не донести нельзя было, а там приехал да прямо к царю... и все рассказал... Да ведь и у Соколова обедал Михайлов-то. А Жемчужников, так тот теперь все плачет... А Почкунина Михайлову-то мамзель привозила какую-то».

23. В.

<...> Я узнал, что сегодня допрашивают С. Ж. К., что все дело тянется еще о кандалах. Что когда допрашивали Пл., то произошла путаница. Пл. показал, что не при нем расковывали. Соколов доказывал, что при Плотникове <...>.

24.

Сочельник прискочил. Я не знаю, как-то мало думал о праздниках и ждал их, и потому для меня даже удивительно, что они пришли. В прежние года, бывало, Костя собирается в Омск, волнуется, и его волнения и ожидания невольно переходили и на нас. Ныне ничего этого нет. Нет даже трескучих морозов. Особенно необыкновенна была вчерашняя ночь — светлая, совершенно летняя, небо синее, и тепло необыкновенное. Должно быть, и в природе старые поряд-

ки сделались несостоятельными: лето походило на осень, а зима не походит на зиму. <...>

Вечер у всеношной, а после нее я сумел примоститься пятым на небольшие сани Пиленковых и отправился к ним чай пить. <...>

13 января 1863 г.

В Тобольске в настоящее время никак нельзя пожаловаться на монотонность. Каждый день приносит какие-нибудь новости, иногда донельзя неожиданные. А о слухах и толках и говорить нечего. Прежде всего, самые крупные новости — новый губернатор, новый вице-губернатор — честный и благородный Окропышев, новый городничий, про которого ничего еще нельзя сказать, знаю только, что, будучи адъютантом в дивизии, был дрянь-человек и взятки брал, а теперь отличается бесчеловечным драньем в полиции. <...>

Кроме того, тут же заседает жандармский штаб-офицер Кистер — личность, уже заявившая себя с разных сторон не очень блистательно. Так, вскоре по приезде сюда отправился в трактир, спросил себе обедать и поколотил полового за то, что тот по его, кистеровскому, мнению спросил дорого — именно за 4 блюда 1 р. 60 к., потом позвал хозяина гостиницы и тому сосчитал зубы за то, что тот явился к нему в полушубке. <...>

Действия ком. начались с вопросов <...>. Объявили, что

они, члены ком., считают нужным сделать обыск, а потому и положили таким-то у таких-то <...>.

На долю Пиленковой <...> остался Кузьмич, и отправился он с ней в 11 часов, взяв с нее слово, что люди, где их застанут, пусть тут и остаются. Между тем стоял уже тут полицейский караул, явились понятые <...>, и началось переворачивание. Нужно знать, что дом Пил. огромный, и много тут жильцов-родственников: мать ее старушка, сестра-девица, падчерица, брат-студент, гувернантка и много разных старух. Глухая горничная приставала все, желая знать, у кого что потерялось. Другая горничная, знакомая несколько с литературой, приняла Кузьмича за Кузьмичева и, желая польстить его авторскому самолюбию, вплела к слову, что у нее теперь совершенная битва русских с кабардинцами.

— Я могу узнать, — обратилась хозяйка к любезному, но неожиданному гостю, — что вы ищете?

— Прокламации, — шепнул ей Куз.

— Что это такое — прокламации?

— Это, видите ли, — и он пустился объяснять.

Между тем квартальный рылся всюду, перебирая каждую книгу по листочкам, особенно интересовали его книги с картинками. Между тем гувернантка, маленькое горбатенькое

существо, набрала каких-то молитв и принесла их к Куз.

— Вот прокламации.

— Ах, как вы любезны! Я постараюсь отплатить вам. Вот теперь я могу хвастаться, что возмутил ваше спокойствие...

Между своими любезностями Куз. не забывал, однако, посоветовать квартальному заглянуть в печь, в бокоушки и проч.

— Ах, это портрет Герцена, — шутил К., показывая на какой-то портрет.

— Кто это такой — Герцен?

— Это издатель «Колокола», вероятно, читали К., всякий образованный человек читал его.

Потом попался, однако, и портрет Г., и с любезной улыбкой потихоньку К. передал его хозяйке.

С 11 часов до 8 длился обыск, и все это время сидели голодом тут же. Попалась какая-то гостья, и ту до конца обыска не выпустили. Пиленкова хотела было хоть кофе напиться, послала горничную за углями, но в кухню-то ее пустили, а оттуда не выпустили. Огромную кучу бумаг забрали. После старушка мать Пил. жаловалась, что взяли ее документы, разные рецепты: как уксус делать, пиво варить — и два чистых листа гербовой бумаги с титулом еще Ник. Эти листы особенно ее беспокоили: ну, как что-нибудь за них достанется. Отыскивали какой-то секретный ящик, о существовании которого никто не знал и где у покой-

ного Пиленкова хранились соблазнительные картинки и статуэтки, забрали и их, но об этом после — невеселые последствия из этого вышли.

Окончив обыск у П., Куз. поехал в ком., где ждал его проголодавшийся Жемчужн.

— Ваше пр-во, вы действуете против закона, — обратился Жем. к Куз.

— Как так?!

— Да пытки запрещены, а вы морите голодом.

На другой и на третий день ком. занималась чтением отобранных бумаг, которые по прочтении и возвратила. Много их было. Да чего тут не было! У Пил. живет старуха нянька, у которой внук занимался переводом русских соч. на остяцкий язык, и к-рые эта старуха после его смерти хранила у себя — забрали и их. <...>

В одно прекрасное утро брат разбудил меня и подал деликатнейшего сложения бумажку, созданную только для рисования. На этой бумажке, быстро разогнавшей все мои ночные грезы, значилось нижеследующее.

Г. Знаменскому 2-му

Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Сколков просит Вас прибыть в квартиру его сего числа к 11½ часам утра для дачи нужных по делу показаний.

«5» января 1863 года.

г. Тобольск.

Такое же точно приглашение было и у брата, с тою толь-

ко разницей, что его просят в 10 часов. Натянув фрак, отправился он, а я в ожидании его придумывал, шагая по комнате, какого черта от меня-то им хочется. <...>

Явился и я. Предложили мне стул, сел.

— Вы г. Знаменский 2-й?

— Откуда считать, В. Пр-во?

— Да вы смотритель семинарии?

— Нет, я учитель рисования.

— Черт знает, полиция отвечает, что вы смотр. с. Ректор пишет, что у них нет смотрителя. Путаница какая-то.

— Нам нужно Знаменского, который видал Мих.

— Я действительно видал его. <...>

— Где?

— В остроге. С чьего позволения я был там? Без всякого позволения... О чем говорили? О погоде, о картинных галереях.

— Не были ли вы прежде знакомы с М. и не были ли прежде с ним в переписке?

— Нет, впрочем, Мих. я знал и прежде.

— Как? — и комиссия навострила уши.

— Как литератора.

— Ну так-то его знала вся читающая Россия. Не имеете ли еще чего сказать в свое оправдание?

— Чтобы что-нибудь сказать в свое оправдание, нужно знать, в чем вас обвиняют.

— Вас обвиняют в том, что вы посещали Михайлова, но вы

сами же говорите, что вам никто не позволял и не запрещал, то и вины никакой нет.

И я написал, что в оправдание свое могу привести только то, что видеть Мих. мне воспрещения ниоткуда не было. Тем дело и кончили <...>.

Это дело, в скобках будь сказано (которое всем надоело), было разделено на следующие главы.

1. Прибытие Мих. и снятие с него кандалов. Много кутерьмы было в этой главе. <...>

Никто не хотел провести ту мысль, что в снятии кандалов ничего нет незаконного, что со всех каторжных из привилегированного сословия кандалы постоянно снимали прежде. <...>

2. О выпуске Михайлова из острога и о посещениях его.

Тут снова было много кутерьмы. <...>

Пиленкова показала, что брала Михайлова к себе обедать без всякого спросу, приехала и взяла.

Смотритель нашелся только сказать, что лопни его глаза, если был М. у Пиленковой. Тут были очные ставки с людьми. Лакей Пил., мальчуган 13 лет, ударился в слезы и понес околесную, что Мих. был у Пиленковой на масленице, потом летом, да и недавно еще заходил. <...>

Окончив эту главу, перешли к третьей <...>.

3. О проводах М.

<...> Спрашивали, кто был на проводах, подносили ли букеты, рвали ли цепи.

— Ваше пр-во, — спросила Сколкова мад. Анучина, — вы



Анкета * анкета * анкета * анкета * анке

1 Краевед в моем понимании — это гражданин, исследующий край, в котором он живет (его природу, историю), и движимый прежде всего, конечно, собственным интересом, любопытством и желанием послужить краю, принести пользу. Он никого не представляет, кроме самого себя, и в то же время обычно действует в союзе с кем-то. Сотрудничество это построено

исключительно только на совпадении интересов, индивид способен в этом союзе.

В конце 20-х годов XX века краеведение, возродившееся после гражданской войны, государство сделало частью политической системы и поставило на службу социалистическому строительству. С этого времени началась его деградация. Оно стало уже делом не личностей, а учреждений, контор — бюрократизиро-

здесь целый мес. Видели ли вы у кого-нибудь из здешних дам в генваре букеты? Где их прикажете взять? <...>

Вышел тоже какой-то ералаш и о кандалах. Насчет проводов оказалось, что некоторые, катаясь, встретили возок и, так как узнали, что это М., то остановили, простились и пожелали ему счастливого пути. <...>

Все это пишется со слухов, разумеется, если бы писать все слухи, то вышла бы огромнейшая книга, но я отбрасываю некоторые, не выдерживающие никакой критики. Теперь беру адрес-календарь и по нему еще раз прослежу это дело. <...>

Анучин-лекарь обвиняется в том, что бывал у М., принимал М. у себя, провозжал его и разорвал его цепи. Жена его будто

бы подносила букет. <...> Бардакова (она же Затопляева), учительница танцев в Марининской школе, обвиняется в том, что посещала М. Разумеется, вины тут нет — так взглянула на это дело комиссия. Но не так взглянула Доммети (попечительница школы). Она под предлогом, что девицы достаточно уже приготовлены, сделала совету предложение уволить Бардакову. Брат, как член совета школы, протестовал, что уволить, не спросив желания, учителя нельзя. Директор же гимназии на днях встретился с братом, говорит, что для чести школы следует удалить ее и за то только, что ее призывали в комиссию.

Черт знает, какая дичь! <...>

Каталинский надзиратель гимназии без вины виноват.

та * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета *

валось. Мы и сегодня в, казалось бы, изменившихся условиях найдем очень мало примеров сотрудничества учреждений, даже принадлежащих одному ведомству, в области краеведения. Все самое ценное, что делается здесь в настоящее время, — обязательно — то личная заслуга.

То, что понятие «краевед» стало труднопереводимым и малосодержательным, — результат исторического пути нашего

краеведения в XX веке. Но если когда-нибудь в России будет гражданское общество, то будет и настоящий расцвет краеведения как его важной составной части.

2 Для краеведения очень важно сотрудничество. Разнообразные межличностные связи образуют сложную систему, которая и составляет главное богатство

Говорят, что, испугавшись обысков, припрятал свой мозг так, что и отыскать не может. Это, разумеется, вздор, нечего было припрятывать. <...>

Пиленкова, вдова-купчиха, и брат ее, студент Добродеев, в чем обвиняются, уже сказано. Теперь поговорю о последствиях. У этой Пил. была падчерица, которая находилась у ней в опеке, и к-рую она очень любила. Давно уже хотелось родственнику ее Жемчужникову и Черненко как-нибудь удалить от опеки Пиленкову и взять к себе дочь ее вместе с капиталами. Воспользовавшись тем, что у П. нашлись какие-то статуэтки, они заговорили о безнравственности, сумели уговорить, ссылаясь на комиссию, сиротский суд, и отобрали падчери-

цу, любившую свою мачеху, и, таким образом, безнаказанно опозорили женщину. Впрочем, она ждет нового губернатора, хочет жаловаться.

Плотников, уч. гимназии, виноват, что посещал острог. <...>

Черненко-архитектор — как бывший с Мих. на обеде у Жемч.

Юшков — как редактор губ. типографии, где по предложению комиссии печатались мифические прокламации. <...>

Вот вам и все наши генваристы. Жаль, что я не писал дневника хотя бы со времени прибытия сюда комиссии. Что делает город, как смотрит на это дело? <...>

На наше общество напала мания маскарадов. Сначала на-

анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкет

краеведения как или обществен — ного движения, или состояния духа общества. К сожалению, те, кто теперь занят краеведением по долгу службы, не придают этому почти никакого значения.

В противоположность нынешним музеям, исполненным сознания внутренней корпоративной самодостаточности, столетие назад Тобольский губернский музей был широко открыт для сотрудничества благодаря личным качествам лю-

дей, направлявших его деятельность. Одним из них был губернский агроном Николай Лукич Скалозубов. По горло занятый сельскохозяйственными делами, он, когда его избрали консерватором музея, и музеею служил с чувством огромной ответственности и, что ныне выглядит совсем уж странно, бескорыстно и безвозмездно, и сумел превратить его на основе широко культивируемого сотрудничества в крупнейший

значили 3, но потом сделали 5, и положили делать вплоть до масленицы. Народу бывает множество, думают и выдумывают разные костюмы, чтобы щегольнуть своим остроумием перед приезжими столичными. На каждом маскараде бывает непременно кто-нибудь из комиссии. Но, несмотря на многомордство, они идут как-то монотонно, даже не маскированные, говорят друг с другом шепотом. Пронесется вдруг слух, что в домино есть тут шпион, и все дико осматривают проходящих домино. В одном из маскарадов была маскированной Эрм. Ф., и лишь только подойдет к какой группе, как разговор прерывается и ее осматривают с ног до головы. Одна девица рассказывала

мне после, как ее выпытывала одна маска, по ее мнению, шпион, читала ли она соч. Мих. в провинции.

— Ну что же вы?

— Разумеется, сказала, что нет, да и действительно не читала я. <...>

Как смотрит на все это общественное мнение, что говорит? Сказать нельзя, потому что все молчат, а молчат потому, что не уверены, что стоят на твердой почве. Черт знает, думает большинство: ну как ни за что ни про что да турнут. <...>

Виновник же всей этой кутерьмы переведен в другие рудники. Он писал письмо к Государю, просил прощения, но III отделение к этому письму приложило стихи его на смерть кого-то и прибавило, что и

та * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета * анкета *

духовный центр губернии. Не — возможно не восхищаться та — кими людьми.

3 Как коренному северянину наиболее интересны мне русский диалектный словарь и история русских старожильческих фамилий севера Тюменской области. Словарем занимаюсь уже почти два десятка лет, историей фамилий — поменьше. Дело движется медленно, с частыми

и долгими остановками. Надо бы отказаться от всего прочего, стать затворником и получить, наконец, хоть предварительный результат, но мешают довольно частые, если не сказать регулярные, отвлечения на другие дела, связанные с сотрудничеством, обязательствами, службой, собственными увлечениями... Вот до чего договорился: получается, что жизнь мешает.

В. Белобородов

просьба о помиловании, и стихи писаны в одно время. И просьба осталась без последствий. <...>

14 января.

Дней через 10 Тоб. проститесь с ком. Третьего дня студент Добродеев спросил, может ли он выехать из Тоб. искать себе место, и ему объявили, что через полторы недели он может ехать, куда ему угодно. То же объявили и сестре его Пиленковой, прибавив, что по окончании комиссии они будут ее гости. И она хотела было дать им обед, но после произведенного с ней скандала любезными ее родственниками, опирающимися на комиссию, вероятно, раздумает. <...>

Как сообразишь все, да как представишь себе, что это за лица, замешанные в михайловском деле, то трудно и представить себе, что тут могло быть хотя простое участие к несчастному, а просто телячий восторг, происшедший от долговременного отупения за карточными столами да от нескольких бутылок шампанского. <...>

18. Пятница.

Свободный день, шлялся все, был у Ершова, гулял с ним, встретил привал рекрутов, нужно будет нарисовать, был у Лисицина и послал записку к Заборовскому, просил остяцких костюмов, а потом нарисовал татарку <...>.

19. Суб.

<...> Завтра в 12 часов совет в школе, и разбирается окончательно дело Полинки Бардаковой. Чем оно кончится, неужели мадам Глуппетти и холоп директор возьмут верх?

20. Воскресенье.

<...> Брат сейчас отправился на совет и часа через два поведаст нам бой и в чьих руках останется Затопляева как трофеей победы. <...>

А теперь обращаюсь к пресловутой Доммети. Совещание окончилось тем, что Ольга Александровна расплакалась и ушла, а ушла и распл. от того, что Неволин стал ей возражать, да еще какая дерзость называть просто не ваше превосходительство, а Ольга Александровна. «Да послушайте же, О.А., я и прикащика не увольняю, не спросив от него объяснений». Это было каплей, переполнившей чашу ее горести. Так ничем и не окончили, разошлись. <...>

23. Г. Ср.

<...> Возвратился из класса, куда я отправился раньше обыкновенного... я застал на своем столе карикатуры свои, бывшие у Сколкова, и визитную карточку Львова. Следствием этого было то, что я, захватив с собою приготовленных три типа, отправился вечером в комиссию. Сколков еще храпел после обеда, а потому мы и засели с Львовым.

— Сегодня я приезжал к вам по поручению Ивана Федоровича, ему хочется, чтобы вы написали несколько рисунков для государыни.

24. Чет.

Запасшись бумагой и сказавшись больным, я принялся за работу и работал преусердно. <...>

26. Суб.

Испорченный бросил, а начал снова. Явился Сок. передать мне желание Сколкова видеть меня в 10 часов. Натянул фрак и потрепался (так!).

— Вы нас, должно быть, боитесь, — встретил меня Сколков, — никак вас не затянешь к себе, облаву нужно делать. Я к вам еще с предложением: написать рисунка два собственно для государя и одну карикатуру... Ну что же вы будете здесь делать? Вас нужно вытащить в Петербург. А теперь не согласитесь ли вы ехать в Обдорск и Березов, если вам дадут сред-

ства? Я это устрою чрез вашего обер-прокурора помимо всех семинарий. Вы, пожалуйста, не принимайте моих слов за фразы. <...> Вот главные части нашего разговора, пересыпанные комплиментами, остротами и любезностями.

27. Воск.

Рисовал и рисовал.

28.

<...> Из разговора узнал, что Деспот Занович хочет с своей стороны тоже назначить экспедицию в Обдорск.

29.

И опять-таки начал свое утро посещением комиссии, отправился к Львову. <...> Разговорившись со Л., я узнал, что он приятель с М. Ив. Муравьевым, и принялся он рассказывать про него. <...>

*Подготовила к печати
Н. Горбачева*

Дневниковая проза М.С. Знаменского

Перелом столетий для М.С. Знаменского богат на юбилеи. В марте 2002 года 110 лет со дня его смерти. В 2003 году, наверняка, широко будет отмечено 170-летие со дня его рождения. Но не только у человека, а и у текста может быть своя круглая дата.

Дневниковым записям, с которыми знакомится сегодня читатель «Лукича», 140 лет. Они обнимают период с сентября 1862-го по январь 1863 г. и в печати никогда не появлялись. Тем больше заслуга редакции и издателей, которые последовательно заняты трудным, но благодарным делом — возвращают из запасников, из хранилищ полузабытые или (как в нашем случае) вовсе неизвестные читателю тексты.

Предлагаемые извлечения из дневников М.С. Знаменского печатаются по рукописной копии, находящейся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Как выяснилось в самое последнее время, оригинал рукописи исчез из фондов Пушкинского дома, где хранился. Тем большей должна быть наша благодарность Вере Ивановне

Трофимовой, некогда главному хранителю Тобольского музея, которая в 1964 году тщательно скопировала оригинал. Переписчик не претендовал на расшифровку сокращений и тем более на комментирование имен и фактов. Публикаторы извлечений также не берут на себя решение этой задачи. Дело не в том, что подобная работа требует специальных изысканий, долгих перепроверок и т.п. Дневники М.С. Знаменского заслуживают, чтобы посмотреть на них иначе, нежели как на источник *частных* сведений — фамилий, должностей, дат.

Это становится ясным, если сопоставить дневники с мемуарными повестями Знаменского «Тобольск в сороковых годах» и «Пятидесятые годы в Тобольске» (Лукич, 2000. № 1). Дневники на материале 60-х годов XIX века органично продолжают «тобольские хроники» М.С. Знаменского. Как и в повестях, главный их герой — сибирский город: не только кусочки пространства, где сменяются времена года и зима заставляет забыть поздние сентябрьские грозы; город, прежде всего, живое человеческое множе-

ство, действующее лицо губернских драм и комедий.

Дневники — особая проза. По своей жанровой природе они не рассчитаны на публикацию, на «чужой глаз», а потому изначально откровенны и заслуживают доверия. Дневники художника заслуживают его вдвойне: от наблюдательности профессионального «карикатуриста» (так не раз называет себя автор дневников) не укроются ни внешние приметы, ни внутренние качества Тобольска, Тюмени, их обитателей, да и самого автора — дневниковые записи М. Знаменского являются одновременно автопортретом в прозе, порой весьма безжалостным к модели. Некоторая непоследовательность, обрывочность записей искупается искренностью суждений, «непричесанностью» картинок; не думая о внешней красивости, автор достигает главного повествовательного качества — естественности.

Единство повествования организуется прежде всего личностью автора дневника. Выстраивается цепочка сведений о внешних обстоятельствах жизни родных и самого М.С. Знаменского: домашние бытовые подробности, школьная рутина, привычное безденежье, частные уроки, дающие не слишком много удовлетворения, попытки завести собственную рисовальную школу... Осень несет с собой и «душевное ненастье»:

автор с иронией отмечает и свою физическую леность, и хандру, и — чего уж скрывать! — тягу к заветному «графинчику».

А рядом с этими некрасящими подробностями сведения совсем иного рода. Они даны мимоходом, сам автор будто и не придает им значения, но именно они открывают дверь в тот мир, где идет напряженная интеллектуальная и духовная работа Знаменского-человека, художника. Город ждет, читает, передает из рук в руки «Отечественные записки», «Искру». Знаменский среди постоянных читателей, для него, что называется, семь верст не околица — прогуляться за новым журнальным номером, томом Аксакова или Кольцова. Притом у него строгая шкала оценок новинок, не случайно популярный у многих журнал называет он «Сынок Отечества» да и «Искру» судит очень решительно. А вот еще одна характерологическая деталь. В глазах окружающих Знаменский прежде всего известный карикатурист, сатирик. А он между тем занят серьезной работой — иллюстрациями к «Мертвому дому» Ф.М. Достоевского, озабочен, что медленно движется дело, опасается, что столичный конкурент перебьет интерес к его труду; позже собирается иллюстрировать А. Кольцова и «Очерки бурсь» Н. Помяловского. Немаловажен и психоло-

гический нюанс: Знаменский работает лишь с теми текстами, авторов которых глубоко уважает. Но у ситуации открывается и обратная сторона: когда курмир нечаянно падает с высоты, это повергает художника в подлинное уныние — да есть ли, наконец, в кого верить? Специалистов-искусствоведов наверняка заинтересует и отраженная в дневнике методика работы художника над портретной иллюстрацией и над начальной стадией задуманного акварельного цикла, изображающего национальные типы Сибири — татар, остяков и др. Фиксируется в дневнике и то высокое, точнее, «высочайшее» признание, которое получает Знаменский-художник: ему заказывают рисунки для самого «государя». Впрочем, к «комплиментам и любезностям» автор относится с явной иронией.

В круг интересов М.С. Знаменского входит и этнография, и фольклор. Исследователям обрядовой поэзии не могут не быть интересны записи, посвященные сибирской свадьбе. И даже самый профессионально не подготовленный читатель не сможет не посмеяться над той ролью, что пришлось однажды сыграть на деревенской свадьбе незадачливому жандарму.

Дневник постепенно высвечивает не только личность автора, но и «человечество» Знаменского. Это самые близкие

ему — во всех отношениях — люди. Прежде всего брат, Н.С. Знаменский — интеллигентный, неисправимо застенчивый и деликатный человек, из которого только ленивый не вьет веревки. В этом же ряду имена «далеких, но сердцу родных»: «батушка» (С.Я. Знаменский), «Н. Дм.» (Н.Д. Фонвизина), «М. Ив.» (М.И. Муравьев-Апостол), покойный И.И. Пущин. Эти люди для автора дневника — безусловные нравственные ориентиры. Все они далеко: отец в Омске, Фонвизина и Апостол — в Центральной России, Пущина уже три года нет на свете. Но их мнением Знаменский дорожит, как ничьим, прежде всего с ними сверяет поступки свои и брата. Декабристский сюжет пунктирно, но проходит сквозь весь дневниковый текст. Упоминаются посылки, пишутся письма М.М. Муравьеву-Апостолу, П.Н. Свистуну, припоминаются былые события, оценки, передаются приветы не только от «М. Ив.», но и от «Августы Павловны» (А.П. Созонович), и от «все хорошеющей Аннушки» (возможно, речь идет о воспитаннице М.И. Муравьева-Апостола Анне Бородинской, но скорее — об Аннушке Пушиной (1842–1863). Обе — ялutorовские приятельницы Знаменского). При всей краткости эти сообщения придают безусловное историческое значение частным дневниковым записям.

В «человечество» Знаменского постепенно включаются все новые герои. Опыт рисовальщика, умеющего одним точным штрихом передать суть сжваченного характера, дает себя знать и в «словесных» портретах. Таков всем известный П.П. Ершов. Как бы хорошо читатель ни представлял себе сложную натуру сибирского поэта и просветителя, вряд ли он забудет краткое и емкое определение, данное Знаменским, — «идеедатель». С именем Ершова в текст входит пушкинский сюжет. Благодаря ему дневник М.С. Знаменского можно числить среди источников, имеющих национальное культурное значение. А сибирякам и по сию пору должно быть лестно пушкинское утверждение, что Сибирь — «страна умных людей». Рядом с Ершовым И.Н. Юшков, редактор «Тобольских губернских ведомостей», на досуге приторговывающий по осени великолепной капустой; А.Л. Жилин — ялutorовский знакомец, тобольский архитектор, художник-любитель и, как выясняется, любитель «клубничных» походов; приезжие и местные чиновники — губернатор, полицмейстер, прокурор; купцы и купеческие вдовы и дети; школьные учителя и учительницы; высокая, но не глубокая умом и душой попечительница гимназии «Глуппетти»; гимназистки и ученики духовного училища — все вме-

сте они и есть «Тобольск в шестидесятые годы». Показательно, что над изображающим его художником не довлеют никакие «модные» литературные тенденции. Так, уже вступило в права народническое направление в литературе, изображающее, например, русского мужика то как мудреца-богоносца, то как мученика. А вот сибирский мужик Неустроев у Знаменского и умен, и циничен, и хитроват, да и, прямо сказать, подловат. Характер не укладывается им в одну «тенденцию», тем и интересен.

Безусловно, «эпохальной» для описанного в дневнике времени является «михайловская история». Не случайно в тексте ей отведено больше всего места. Михаил Илларионович Михайлов, успешный поэт, переводчик, публицист, был отправлен на каторгу в Сибирь по делу о прокламации «К молодому поколению». В Тобольске он пробыл меньше месяца, успев, однако, встретить здесь новый, 1862 год и свое тридцатитрехлетие. Ни Михайлову, ни кому бы то ни было из тоболяков и привидеться не могло, какие последствия будет иметь это пребывание для города и губернии: сменится губернатор, полетят со своих мест чиновники, примутся «уходить» гимназических учителей, откроются смешные и стыдные семейные тайны, наконец, весь город начнет искоса присматриваться и

прислушиваться к самому себе в поисках тайных заговорщиков и тайных же стукачей. Нет нужды пересказывать здесь перипетии михайловского дела: они подробно изложены самим Знаменским, автор дневника выступает и как участник дела, и как его добросовестный хроникёр. Важнее отметить другое: как постепенно пасуют здравый смысл и даже спасительная ирония перед административно-жандармским ражем, страхом и неизбывным желанием донести на ближнего. То, что поначалу воспринималось автором как нелепая «кутерьма», понемногу превращается в драму, где никому не спустят: фотографу — потому что снял с арестанта портрет, карикатуристу — потому что нарисовал на него карикатуру, «а про каждого портного скажут, что он ему платье шил, а сапожник — сапоги, ну и так далее». Но и это еще не конец. В повествовании

обнаруживаются столь фантазмагорические мотивы, что они сделали бы честь Шедрину или Гоголю. Город живет слухами: «Какой я отсталый... и не знал до вчерашнего дня, что Михайлов-то убежал. — Как? Куда? — Да разве вы не слыхали, его дорогой отбили. — Только послан был не Михайлов, т.е. Михайлов, но не преступник, а просто от правительства лицо такое, чтобы узнать, каков таков Тобольск? Ну а после он с каторги убежал». «Комедия», — замечает автор дневника, наверняка, хорошо помнящий гоголевского «Ревизора». Трагифарс — вправе добавить мы.

Эпоха и личность автора так многогранны, что не могут быть исчерпаны в записях, которые не охватывают и полугода. Поэтому пожелаем читателю новых встреч с М.С. Знаменским, а публикации его дневников — продолжения.

Петрушин Александр Антонович. Родился в 1950 г. в д. Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил пединститут, высшие курсы КГБ и аспирантуру МБ РФ. Работал учителем в школе, служил в армии. С 1975 г. — в органах государственной безопасности. В настоящее время — заместитель начальника регионального управления ФСБ России по Тюменской области.

Как исследователь «белых пятен» истории края печатался в периодике Югры, Тюмени. Автор книги «Мы не знаем пощады...».

Постоянный автор журнала «Лукич».

Тайна «золотого парохода»

С октября 2000 года на карте не найденных кладов появилась еще одна точка — в таежных дебрях Ханты-Мансийского автономного округа сокрыты реликвии сибирского белого движения и драгоценная утварь тобольских храмов.

Секретная экспедиция

Поиск этих сокровищ начался в сентябре 1991 года. Тогда при передаче на государственное хранение архивных документов КГБ в фондах Тюменского управления госбезопасности случайно обнаружили чекистскую ориентировку двадцатых годов — описание орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение Сибири».

23 июля 1918 года в занятом восставшими против советской власти чехословаками и белогвардейцами Томске на совеща-

нии Сибирской областной Думы было создано Временное сибирское правительство под председательством П.В. Вологодского. 6 июля обнародован декрет о государственной самостоятельности Сибири.

Временное сибирское правительство отменило царскую наградную систему и учредило принципиально новые ордена.

Вот описание ордена «Освобождение Сибири»: «Общая форма ордена — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горностая, в нижней части — головы мамонтов. Ор-



дена с мечами — военные, без них — гражданские».

Вологодский и его сторонники считали Сибирь основой экономического и духовного возрождения России. Не случайно в сентябре 1918 года был учрежден еще один орден — «Возрождение России» четырех степеней. «Общая форма этого ордена — равноконечный крест, но как бы с набитыми наконечниками древнерусских копий. В центре ордена в лавровом венке — птица Феникс, расправляющая крылья. На правом и левом концах начертан девиз: «В единстве — возрождение». Ордена разных степеней отличались размерами и материалами изготовления.

Судьба этих наград оказалась короткой и печальной. После военного переворота 18 ноября 1918 года адмирал А.В. Колчак как верховный правитель Российского государства упразднил «сибирские» ордена, ввел царскую военную символику и возобновил награждения орденами Святого Георгия и Георгиевскими крестами. Излюбленное в сибирской символике сочетание белого и зеленого было жестко и решительно изгнано из вооруженных сил: бело-зеленые кокарды на головных уборах, шевроны на левом рукаве формы, обшивка гимнастерок — словом, все, что напоминало о былой «автономии» Сибири. Возможно, и невиданча «сибирских» орденов с их харак-

терной территориально-природной чеканкой также стала следствием этой политики.

После взятия белыми Перми и разгрома красных войск зимой 1919 года начались щедрые раздачи наград в колчаковской армии. Барон Будберг записал в своем дневнике: «Лавры Пермской победы вскружили всем головы, посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров Св. Георгия III степени; бывшие штабс-капитаны сделали генерал-лейтенантами...». Для Колчака также нашелся знак ордена Св. Георгия III степени, и на последних фотографиях он снят уже с этой наградой. Тогда же по его приказу изготовленные из драгоценных металлов, но не врученные «сибирские» ордена были приобщены к золотому запасу России и определены для хранения в церковных кладовых Тобольска.

В августе 1919 года, когда к городу подступила 51-я стрелковая дивизия В.К. Блюхера, командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев объявил эвакуацию всех гражданских учреждений. Сохранилась телеграмма управляющего Тобольским отделением государственного банка, в которой выражено беспокойство в связи с эвакуацией «народных святынь и ценностей» в Сургут. «Этот город, — сообщалось в телеграмме, — находится на расстоянии пяти верст

от пристани, сообщение на лодках, в которых придется перевозить массу ценностей, в том числе много звонкой монеты. Город представляет рыбацкий поселок с 1100 чел. жителей, ни одного каменного здания; ценности для безопасного хранения сложить негде. Возможность быть оставленными со всеми ценностями, имуществом и служащими на пустынном берегу Оби при военной охране всего 30 человек вынуждает нас решительно доложить о том, что за сохранность находящихся в нашем ведении ценностей мы поручиться не можем... Настоятельно ходатайствуем о направлении всех учреждений министерства финансов на пароходе «Иван Корнилов» в Омск».

Тем не менее эвакуационные пароходы отправились по Иртышу и Оби в Томск. Среди них был пароход «Пермяк», на котором под охраной офицерского отряда штабс-капитана Киселева находились драгоценные реликвии сибирского белого движения и церковная утварь. Ранняя зима застала секретную экспедицию в пути. Киселев приказал спрятать опломбированные ящики на высоком берегу у села Тундрино. После этого, захватив с собой опись ценностей и схему подходов к тайнику, офицеры по зимнику отступили на восток.

Сокровища эти не найдены до сих пор, хотя попытки отыс-

кать их предпринимались несколько раз. Описания орденов, обнаруженные в архиве Тюменского управления КГБ, были для чекистов своеобразными ориентировками по розыску и изъятию этих знаков отличия. Историческая и художественная ценность наград их не интересовала. По ведомственной инструкции ордена надлежало сдавать в Гохран как «ценный лом».

Чекисты не без оснований считали, что тайну таежного клада знал местный краевед П.А. Россомахин. Его судьба — сюжет для авантюрного романа.

Через три войны

Он родился в 1886 году в Тюмени в семье мелкого почтового служащего. После смерти отца мать бросила детей, и 14-летний Павел остался для четверых братишек и сестренки за старшего. «Жилось, — вспоминал он, — очень трудно. Стипендии, которую я получал в реальном училище, не хватало, и мне пришлось давать частные уроки. День проходил так: вставал в 3—4 часа утра, стряпал хлеб, готовил чай... с девяти до трех — занятия в училище, потом сразу на уроки до позднего вечера, а завтра — то же самое».

Одаренный и трудолюбивый юноша окончил реальное училище первым учеником и

поступил безо всякой протекции в Академию художеств. Однако «существовавшие там консервативные порядки, — отмечал Россомахин, — мне не понравились, и я вернулся в Тюмень, где устроился учителем, — хотелось работать в народе и для народа. Дело наладил, с ребяташками сдружился. Преподавал им математику, родной язык, естествознание, рисование и гимнастику. В свободное время рисовал и изучал свой край — эту страсть мне привили живописец Н.В. Кузьмин и директор реального училища И.Я. Словцов, с которым я работал в его музее».

Тогда же Россомахин «сошелся с политическими ссыльными, каковых здесь было достаточно». Он вел среди крестьян антиправительственную пропаганду, критиковал в журнале «Сибирские вопросы» уездное чиновничество. За учителем следила полиция, его квартиру обыскивали. От тюрьмы спасла... первая мировая война.

Посчитав, что «интеллигенту стыдно сидеть в тылу, когда рабочие и крестьяне гибнут в окопах», он добровольно ушел на фронт. Воевал в разведке 43-го Сибирского пехотного полка. Его посылали в военное училище, но он всякий раз отговаривался: «Должен нести все тяготы вместе с простым народом».

Пока хватало офицеров военной подготовки, командо-

вание считалось с этими принципами. Но после неудачных сражений 1915 года и огромных потерь в офицерском составе Россомахина отправили в школу прапорщиков в грузинский город Телав, любые отговорки расценивались уже как неповиновение. А потом снова переезжая.

Солдаты уважали своего командира. Он не пил, не курил, не сквернословил, никогда не прятался в боях за спины подчиненных. Поэтому после февраля 1917 года штабс-капитана Россомахина избрали командиром 6-го Сибирского полка.

Октябрьский переворот завершился развал армии. Оружие, боеприпасы и военное имущество продавали, деньги делили и — по домам. Из сорока с лишним командиров полков Западного фронта только Россомахин поступил иначе и вывез тремя эшелонами личный состав с вооружением в Пензу. «Там, — вспоминал он, — на меня смотрели, как на больного — сохранить такое богатство. А я иначе не мог, как же — народный учитель».

Его отправили к В.И. Ленину делегатом от 1-го Сибирского корпуса. Воспоминания Россомахина о встрече с вождем не публиковались по идеологическим соображениям. По мнению боевого офицера, его собеседник «оказался плохим знатоком военного дела: не

знал, что двух эшелонов красной гвардии недостаточно, чтобы заполнить бреши на фронте...». В конце беседы Ленин «обязательно велел побывать у военного комиссара Подвойского, так как тот что-то затевает относительно регулярной армии. Сходите к нему, он хорошо говорит...».

Но Россوماхин предпочел уехать 9 мая 1918 года в Тюмень. Хотел учительствовать, а тут гражданская война. Когда белые вошли в город, у них был список заранее приговоренных к расстрелу. В их числе и Россوماхин. От расправы его спасло «ходатайство учительского союза и жителей Тюмени». Сослуживец полковник Дмитриев дал письменное поручительство: «Знаю Павла Афанасьевича как честного человека, а честного человека за убеждения расстреливать нельзя».

Выйдя из тюрьмы, Россوماхин занялся созданием музея. За выступления в деревнях против насильственной мобилизации колчаковцы вновь хотели с ним расправиться, но ученики спрятали его в погреб. До прихода красных.

Потом его избрали в уездный ревком, где он заведовал одновременно отделами народного образования, здравоохранения, финансов, а также разрабатывал новые школьные программы и редактировал местную газету «Известия». За публикацию статей о пьянстве

и злоупотреблениях партработников и чекистов Россوماхина арестовали, предъявив обвинение в «контрреволюции путем печати». «Трое суток, — вспоминал он, — просидел в подвале тюменской ЧК, пилил дрова и ел селедку».

Стычки с тупым местным начальством наскучили Россوماхину. В мае 1920 года он уехал на Всероссийский съезд учителей в Москву и там добровольно вступил в Красную Армию.

Ему поручили сформировать из воронежских крестьян полк, с которым Россوماхин гонял махновцев. Сам Троцкий, инспектируя полк, не сдержал восторга: «С начала революции не видел таких дисциплинированных, сознательных и непьющих бойцов».

За взятие у грузинских меньшевиков Нового Афона Россوماхина наградили орденом Красного Знамени. Тогда же предложили: путевка в Академию Генерального штаба РККА или направление в распоряжение помощника главнокомандующего армией по Сибири В.И. Шорина. Хотелось быть ближе к дому. Но в Тюмени полыхало крестьянское восстание против продрозверстки.

Россوماхин возглавил местный «коммунистический» полк, а затем части особого назначения Тюменской губернии. Он бесстрашно ездил по охва-

ченным кровавой смутой волостям. Бывший народный учитель не хватался за маузер, а долго толковал с бородачами, после чего те, крихтя и сплевывая горечь махорочных самокруток, складывали берданки и винулись перед советской властью.

Скорее всего, в то время Россомахин узнал о дневнике штабс-капитана Киселева и о спрятанных на высоком берегу Оби сокровищах. Но не он один искал колчаковский клад. Директора Тюменского краеведческого музея Россомахина арестовали в 1937 году. Повод для ареста — «хранение в музее старинного оружия» — быстро перерос в обвинение: «подготовка вооруженного восстания с целью свержения советской власти».

Его продержали в тюрьме почти два года — требовали выдать дневник штабс-капитана Киселева. Но Россомахин понимал: тайна «золотого парохода» — его жизнь. Поэтому держал язык за зубами. А следователей НКВД обманул: «Такой дневник есть, слышал о нем, обязуюсь его найти».

Его отпустили на свободу (даже следственное дело сожгли) и вернули на работу в музей. Но при этом держали под постоянным наблюдением.

Когда в июне 1941 года началась война с Германией, 55-летний майор запаса Россомахин вновь добровольцем ушел

на фронт. Войну закончил в Берлине полковником, добавив к царским и революционным наградам еще четыре ордена. В марте 1947 года его демобилизовали. Он вернулся в Тюмень и прожил еще почти десять лет.

К сожалению, не все богатое духовное наследие Россомахина сохранилось. Пока не ясно, куда исчезли собранные им документы «истпарта», «общества краеведов» и часть личных коллекций. Говорили, что незадолго до своей кончины он сжег дневник штабс-капитана Киселева. Оставалось надеяться на случай.

Находка деда Василия

В октябре 2000 года 75-летний житель одного из глухих районов Ханты-Мансийского автономного округа сообщил в местные органы ФСБ об обнаружении во время охоты кургана, на вершине которого таежные птицы выгребли из порхалища несколько золотых монет царской чеканки.

Десант чекистов и археологов не смог тогда из-за непогоды высадиться в тайге. Но специальное оборудование определило искусственный характер возвышения. Смущало, правда, одно обстоятельство: слишком далеко этот курган от Тундрино...

Обратимся к воспоминаниям еще одного участника тех далеких событий, полевого командира П.И. Лопарева.

«...Осень 1919 года оказалась ранней. Обь встала, и ледостав захватил громадное количество эвакуационного флота Колчака на участке от с. Тундрино (в 75 километрах юго-западнее Сургута). На этих пароходах оказалось... колоссальные запасы продовольствия и ценности, которые специально вывозились из Тобольска, чтобы не достались большевикам...».

Вполне вероятно, что Лопарев знал о содержимом опломбированных ящиков на пароходе «Пермяк», застрявшем в обских льдах возле Тундрино. Предположение таково: красные нашли сокровища белых. Кому конкретно они достались? Лопареву? Или командиру северного спецназа А.П. Лепихину, которого до революции 1917 года знали «как вспльчивого и горячего картежника»? А может, драгоценные реликвии сибирского белого движения отнял у них Т.Д. Сенькин, пред-

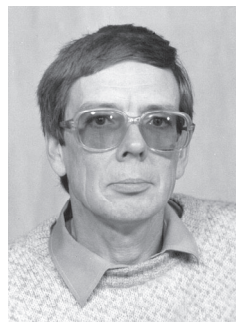
седатель Березовского ревкома, называвший себя «наместником Севера»? Сегодня уже не скрыть его уголовное прошлое.

Вернувшаяся в январе 1921 года на берег Оби полурота белых офицеров настигла красный обоз в деревне Чемаша, где Обь делилась тогда условно на Нижнюю и Верхнюю. Выловленную в реке рыбу вывозили соответственно в Тобольск или на Урал. В Чемашах белые расстреляли Сенькина, после чего попытались вместе с отбитыми сокровищами прорваться через красные кордоны по старому Ивдельскому тракту. По каким-то причинам этот маневр оказался неудачным. Тогда, спрятав ценности в новом месте, офицеры растворились в тайге. Возможно, этот перепятанный клад и обнаружил охотник дед Василий. Окончательный вывод о происхождении таинственного таежного кургана сделает еще одна экспедиция.

Владимир Алексеевич Ефремов родился 8 декабря 1947 г. в Тюмени. Окончил истфак государственного университета. Работал в школе, милиции. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Сельская молодежь», Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, газетах «Вечерний Омск», «Тюменская правда», «Советское Зауралье» (Заводоуковск) и др. Интересы — краеведение, в частности, XVIII век. Известен как автор блистательных книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» и «Тобольское серебряное дело в XVII–XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске. — М.: Галарт, 1997. С. 10–41.)

Нынешняя публикация — это разыскания в архивных незафондированных материалах.

Тюмень восемнадцатого столетия



Прошение шведских пленников в тюменскую воеводскую о производстве допроса посацкого Перевалова февраль 1715 г.

Державнейший царь государь милостивейший.

В нынешнем 1715 году февраля в 23 день тюменской посацкой человек Алексей Якимов сын Перевалов пришел к нам рабам вашим на подворье где мы продаем государево вино на кармаках в Гилевой деревне, а с собою он привел конного казака Михайла Дрогалева и стали они у нас спрашивать купите ли де вы государева табаку, у нас де есть в туесе, и для чего де вы табаку недержите, и мы им сказали велено де нам продавать вино и мед а до государева табаку дела нет, и ныне де нам табаку ненадо для того, что мы табаку сами некурим, а для работников своих купили мы табаку преж сего у целовальника Василия Овечкина, и он Алексей и со служивым своим стал с нами прощаться и из избы вышел, и собрал с собою деревенских жителей человек с сорок и пришел с ними к нам в избу неведома для какова злого умыслу, и стал он Алексей у нас спрашивать и обыскивать, где де ваш табак и стали они нас грабить, и мы им говорили покажите нам указ почему вы нас обыскиваете и грабите, а когда де у вас указу нет и мы вас из избы выгоним, и стали мы из избы их гонит, и те люди грабежом унесли у нас две шубы бараньи цена шестьдесят

алтын, зипун сермяжной цена семь гривен, трои чулки шерстяные цена сорок алтын, четыре рубахи холшевы цена рубль четыре гривны, два плата рукотертные цена две гривны, три зеркала цена тридцать алтын, два платка шелковы цена восемь гривен, двои немецкие башмаки и с пряжками цена сорок алтын, одни ступни цена две гривны, два топора двенадцать алтын, сулею да два стаканца хрустальные цена полтина. А как те люди ограбили нас и разбежались и увидели мы на улице десятника Ивана Шамаева и иных деревенских жителей лутчих людей которые после пришли Федора Мостовщикова и Григорья Сургуцкого, и созвали мы десятника и тех людей к себе в избу и стали мы у него Алексея спрашивать по какому де вы указу приходили к нам со многими людми табаку обыскивать и грабили, и они нам сказали приходили де мы по указу ваш табак обыскивать, и мы ему говорили покажите де нам указ мы де дадим вам обыскивать при десятнике и присторонних людях, и он Алексей сказал ныне де у меня указу нет а хотели указ послать из города после меня, и мы рабы ваши спросили у десятника откуда де людей много набралось которые с Алексеем приходили и нас грабили, и он десятник сказал приходил де ко мне сей служилый человек Михайло Дрогалева и велел собрать много людей и привести к сыну боярскому, а сказал будто сын боярской приехал с четырьмя служилыми людми для винной выемки, и стоит де он за рекой у шведов которые вино продают, и я де собрал для того государева дела добрых людей три человека и с ними я пришел, а каких людей Алексей собрал и вас грабил того де я незнаю, а для чего де Алексей без указу к вам приходил с людми и грабил и назвался сыном боярским напрасно и мене де десятника обманул и за тое де ево вину возмите ево и свезите в город и бейте челом о том де что государь укажет, и дал он десятник нам караульщика и с тем караульщиком привезли мы его Алексея в приказную избу. Всемилостивейший государь просим вашего величества да повелит ваше державство ево Алексея Якимова посему нашему прошению о всем допросить, а по доросу свой государев указ учинить. Вашего величества низжайшие рабы шведские полоняники порутчики Александр Плантинг Густав Грут, полковой лекарь Якоб Шульс.

Отписка князя А. Долгорукого

*Тюменскому коменданту об установке застав на дорогах
в целях пресечения контрабандной торговли с Китаем*

11 марта 1715 г.

Благородный господин комендант Тюменской сего марта 2 дня встретился на Барабе в татарских юртах а именно в Чое не-

доехав до Томска за пять дней три человека которые вышли ис скита от купчины Григорья Осколкова: Афанасей Иванов сын Вологдин, Федор Иванов сын Коробицын, Антон Иванов сын Попков и сказали мне что помянутой караван ис Китая вышел прошедшего ноября в 14 день прошлого 1714 года и чают ему в нынешних числах в селе Ичинску.

И по получении сего великого государя указу изволь ваша милость у тюменских жителей у дворян и у купецких людей взять скаски за руками с подтверждением многими ль дорогами проезжают ис Китая торговые люди тайно и явно, и по их скаскам изволь ваша милость приказать на тех всех дорогах поставить крепкие заставы в удобных местах чтоб им объехать было тех застав невозможно и естли хто из вышеписанного каравану какого б чину небыл явитца на заставе без письма моего и тех людей извольте их приказать к себе присылать и с теми товары которые при них будут и извольте у них взять скаски с подкреплением что им из города без указа неухать, а товары их прикажите к себе присылать запечатов тем людям которые будут поставлены от вас на заставах, также и тем людям велеть купно прикладывать к тем товарам свои печати чьи те товары будут и о том писать ко мне, а тех людей с города и с товарами отсылать вам немедленно в Тоболеск, а на заставы извольте приказать поставить ис купецкого чину самых лутчих людей, а естли купцов столько небудет или из них некоторые в отлучении за своими промыслами, то извольте приказать ис дворян самых добрых людей дав им служилых людей кому сколько надлежит по своему рассмотрению, а которого месяца и числа и на скольких дорогах, и в которых местах, кто и какова чину на заставы поставлены будут, и по скольку человек им дано будет служилых людей, о том извольте ко мне писать.

О сем до вашей милости прошу по имянному его великого государя указу князь Александр Долгорукой

11 марта 1715 г. ис Томска.

Указ из Тобольской губернской канцелярии о пропуске сына боярского А. Гилева в Тюмень

24 октября 1721 г.

По указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малые и белыя России самодержца отпущен ис Тобольской губернской канцелярии на Тюмень тюменский сын боярский Андрей Гилев который был прислан с Тюмени от управителя Александра Юсупова с отписками, и оные отписки у него Гилева в Тобольской губернской канцелярии при-

няты, и от Тоболска на заставе заставщику до Тюмени оного Гилева о пропуске чинить по указу его царского величества. У сего указу великого государя города Тоболска печать.

**Указ из Тоболска тюменскому воеводе А.Д. Юсупову
о поручении заготовки в Тюменском дистрикте атаманом
Федором Колокольниковым саней и веревок
Декабрь 1721**

1721 году декабря в... день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича великия и малыя и белыя России самодержца тюменскому пеших казаков атаману Федору Колокольникову сего 1721 года декабря 3 числа в присланном великого государя указе ис Тоболска на Тюмень к воеводе Александру Дементьевичу Юсупову писано: велено в Тюмени купить пять сот саней и для увязывания возов веревок вдвое к выезду купчинам под китайские товары и под другие посылаемые казны ис Тоболска к Москве, и тебе б Федору купить в Тюменском дистрикте сани и веревки добрые и в отсылку годные настоящей ценою без передачи в самой скорости, а купя отдавать приемщикам, а что тех саней и веревок в покупке будет и какою ценою тому подать на Тюмени в канцелярии зарукою ведение. Таков великого государя указ атаман пеших казаков Федор Колокольников принял и расписался.

**Из книги доходов и расходов г. Тюмени
за 1710—1716 года**

Июнь 1722 года

1710 В расходе

...По грамоте его императорского величества из Сибирского приказу за приписью дьяка Ивана Чепелева служилым людям жалованье тысяща четыре ста дватцать девять рублей пядьдесят две копейки...

...Новоприборным тюменским салдатам жалованье пят сот рублей.

...По указу его императорского величества за рукою князя Василия Гагарина на покупку под китайскую казну за сто семь саней тридцать четыре рубли шестьдесят копеек.

1711 В расходе

...По присланному его императорского величества указу из Тоболска зарукою обер коменданта Семена Карпова Аюкиным посланцам калмыкам жалованье девять рублей...

...тюменским служилым людям жалованье тысяща сто шестнатцать рублей пять копеек и три четверти копейки.

...Послано с Тюмени к Москве... десятой деньги с торгов и с промыслов три ста сорок семь рублей дватцать шесть копеек.

1712 В расходе

...На поупку бывшаго губернатора князя Гагарина к дощаникам ево за слюду и за белое железо и за гвозье на оконницы, да за тес и за лотки, и за береста на починку дощаников восемнатцать рублей шестдесят девять копеек...

...тюменских пеших казаков атаману Федору Колокольникову за работу от литья колоколов два рубли...

...По указу его императорского величества за подписанием губернатора князя Гагарина архиерея схимонаха Феодора келейника ево Костентину Семенову с товарищи сорок рублей...

...тюменским ямщиков старосте Дмитрию Перевалову с товарищи жалованье на 712 год тысяща рублей тритцать копеек...

...Успенского девичья монастыря игумень Парасковье с сестрами жалованье на 712 год десять рублей...

...архиерею схимонаху Федору жалованье сто рублей...

1713 В расходе

...В Успенской Долматов монастырь архимандриту Исаку с братию жалованье сто шестдесят рублей...

...В Успенской девичь монастырь к церкви на вино церковное и на ладан да игумень Парасковии с сестрами жалованья дватцать пять рублей...

...Китайским посланцом на поупку харчевых припасов тритцать один рубль шесть десят шесть копеек...

...На церковное строение и на освещение церкви архистратиха божия Михаила десять рублей...

...Шведским полонникам жалованье ротмистру Янсу Белврату с товарищи сто рублей...

...в Тюменской Спаско Преображенский монастырь игумену Гедeonу с братию жалованье пят десят рублей...

1714 В расходе

...шведским пленникам прапорщику Тамстену с товарищи которые живут на Тюмени жалованье шесть сот десять рублей...

...По письму преосвященного архиерея схимонаха Феодора тюменскому пятидесятнику Василью Савину за дощаник в которм он архиерей ходил на ем для крещения остяков и волцов четырнатцать рублей...

на покупку саней и веревок в посылку в Тоболеск семдесят шесть рублей дватцать одна копейка...

...Преосвященному архиерею схимонаху Феодору заемных денег что заняты были в прошлом 709 году на дачю служилым людям жалованья двести шестьдесят рублей...

...да по словесному приказу его губернатора князя Гагарина тюменским голым питухам пять рублей...

1715 В расходе

...на покупку для военного походу лошадей четыре ста тридцать три рубли девяносто копеек...

...тюменским плотникам Григорью Латышеву с товарищи что работали в вогуличах церкви сорок рублей...

...просвященному архиерею схимонаху Феодору двести дватцать рублей...

...на покупку для военного походу сырых кож семнатцать рублей сорок две копейки и полкопейки...

...шведским пленникам которые живут на Тюмени капитану Петерсону с товарищи жалованье сто дватцать рублей...

1716 В расходе

...аюкиным посланцам пятнатцати человекам Батырю с товарищи и толмачю жалованье семнатцать рублей...

...Индеенину на корм жалованье пять рублей...

...В Тюменской Светотроицкой монастырь намеснику Зиновию з братиею жалованье дватцать рублей...

...Игумену Иосифу жалованье десять рублей...

...Для военного походу на покупку седел и арчаков и заподники и за кожи и за стремена и за работу отправки сорок один рубль четырнатцать копеек...

...Тюменскому сыну боярскому Елизару Колокольникову с товарищем за литье пушек и мартиру сто дватцать семь рублей одиннатцать копеек и четверть копейки...

...шведским пленникам капитану Петерсону с товарищи жалованье которые живут на Тюмени сто семнатцать рублей пятьдесят копеек...

**Указ из Тобольского надворного суда в Тюменскую канцелярию
судных дел о доставке фальшивомонетчиков в Тобольск
26 мая 1725 г.**

Указ ея величества императрицы и самодержицы всероссийской ис Тобольского надворного суда в Тюмень в канцелярию

судных дел, кому те судные дела повелено управлять, сего 725 году марта 22 дня в Tobолской надворный суд в доношении и Тюмени той Тюменской судной канцелярии Федора Фефилова объявлено сего де 725 году марта 11 дня при промемории из Тюменской ратуши за руками бургомистра Ильи Пахомова с товарищи касаеца до тюменских жителей да отставного солдата Осипа Шишкина, да конного казака Осипа Орлова, Алексея Колокольникова в деле воровских мелочных денег. И сего 725 году майя 24 дня по ея величества государыни и императрицы указ и по состоявшейся в Tobольском надворном суде помете велено послать ис Tobольского надворного суда в Тюмень в канцелярию судных дел ея величества государыни и императрицы указ велеть показанное в доношении Фефилова дело о воровских медных денгах також и кто есть по тому делу колодников заковав в ручные и ножные железа прислать в Tobольский надворный суд на их коште за крепким караулом немедленно и по получении сего ея величества государыни императрицы указ о присылке вышепоказанного дела и по тому делу кто имеетца колодников заковав в ручные и ножные железа за крепким караулом в немедленном времени учинить посему ея величества указ, а которого месяца и числа оное дело и колодники и кто имяны посланы будут о том в Tobольской надворный суд писать.

Майя 26 1725

**Указ из Сибирской губернской канцелярии
в Тюменскую воеводскую канцелярию
о необходимости ношения раскольникам особого платья**
Март 1746 г.

Указ Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из Сибирской губернской канцелярии в Тюменскую воеводскую канцелярию октября 22 числа минувшего 745 года промемории из консистории преосвященного Антония митрополита Tobольского и Сибирского требовано от Сибирской губернской канцелярии письменного уведомления что всем находящиеся в Сибирской губернии раскольничьи по указанному образцу платье носить какое им носить указано и ежели паче чаяния оные раскольники еще такого платья неносят тоб де соблаговалено было по силе прописанных в той промемории указов выдать от Сибирской губернской канцелярии указной образец. Всем раскольникам приказать носить такое платье немедленно и в том крепкое над ими велеть воеводам и управителям и протчим кому надлежит иметь наблюдательство о чем де ис консистории его

преосвященства о таком своем над ними раскольниками наблюдательстве духовным управителям иметь бы посланный с крепким подтверждением указ, а по справке в Сибирской губернской канцелярии имеюцца записные раскольники по прежним переписям в Екатеринбургских и в Невьянских и Барнаульском бывшего действительного статского советника Демидова заводах, до в городах в Таре, в Томску и в Кузнецку записавшихся при нынешней генеральной ревизии в Тобольску и в Тюмени, а в прочих Сибирской губернии городах и дистриктах и в Енисейской провинции записавшиеся вновь при оной генеральной ревизии раскольники имеюцца, о том в Сибирской губернской канцелярии известия неимеюцца, а октября 18 дня 745 году промеморию присланную из канцелярии генеральной ревизии Сибирской губернии мужеска полу душ объявлено, когда де Сибирской губернии ревизии раскольникам окончатца тогда оным ведомость пришетца немедленно, а февраля 8 дня прошлого 744 году промеморию из канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов требовано от Сибирской губернской канцелярии о зделании и о присылке в тое канцелярию раскольнического образцового платья ис простого сукна или полотна нащет заводов да июля из чисел 745 году. В доношении из Тюменской воеводской канцелярии и в рапорте из Екатеринбургской таможи написано а именно: ис Тюменской воеводской канцелярии записалось де ныне в Тюмени при ревизии всяких чинов людей в раскол многое число и ходят в бородах и в русском платье а раскольнического образцового платья неносят и принуждать их ходить в раскольническом платье непочему, понеже де они требуют образца и ради того она Тюменская канцелярия требовала от Сибирской губернской канцелярии образцового раскольнического платья почему можно их в том раскольническом платье признавать. Из Екатеринбургской таможи по силе де присланного из Сибирской губернской канцелярии и опубликованного в Екатеринбургше...

(Далее текст утрачен).

**Указ Сибирского губернатора Чичерина
в Тюменскую воеводскую канцелярию о расследовании причин
волнений среди крестьян и разночинцев Тарского ведомства
10 октября 1767 г.**

Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из Сибирской губернской канцелярии Тюменской воеводской канцелярии. 24 августа по указу ея императорскаго величе-

ства Сибирская губернская канцелярия по слушании предложения от господина генерал майора лейб гвардии пример майора Сибирского губернатора и ковалера Чичерина о последовавших Тарского ведомства пахотным крестьяном и разночинцам от непорядков Тарской воеводской канцелярии раззорения что в самую страдную пору командируютца для сплаву до Тобольска порозжих дощеников в которых никакой нужды нет, а можноб оныя по снятии с полей хлебов отправлять от того ж страдного времени отлучке и о высылке для починки мостов в чем полезнейшем всему обществу хлебопашеству учинилось препядствие, а для той высылки работников командирутца дети боярские и чинят великия грабительства и взятки, побои и раззорении, и собрав великое число работников отлуча от домов их а напаследок обобрав отпущаю оставля самое малое число которыми и починить не можно как то паче всех годов ныне последовало и требовал в безвременном командировании для сплаву дощаников и починки мостов и во всякия командирования в страдную пору строжайшими указами наикрепчайше подтвердить, разве уже какия крайняя необходимость, а Тарской воевоцкой канцелярии в сих непорядках взять для положения штрафа ответ бывших в нынешнем году у починки мостов сын боярских в причиненные ими непорядках взятках и обидях наикрепчайше изследовать, определить тарскому коменданту Баженову о чем и от него господина генерал майора губернатора и кавалера к нему Баженову ордировано и ежели оныя окажутся винными то оных штрафовать без малейшего упущения, ежели явятца лет молодых и годныя в службу таковых сечь плетьми и определять в солдаты по рассмотрению губернской канцелярии, а негодных и престарелых по учинении наказания плетьми отсылать на поселение в Енисейскую провинциальную канцелярию приказали о произведении потому господина генерал майора губернатора и кавалера Чичерина предложению во всех вышеписанных непорядках взятках и обидях касающимися потому делу людьми следствия и поступлении с винными против вышеписанного к тарскому коменданту Баженову, а о присылке о тех непорядках для рассмотрения ответа в Тарскую канцелярию послать и посланы указы, а чтоб и во всех Сибирской губернии городах и дистриктах таких непорядков не происходило, а особливо в страдное время крестьянство от домов и землепашества напрасно отлучаемы и раззоряемы небыли о том подтвердить указами и Тюменской воеводской канцелярии ведомость чинить по сему ея императорскаго величества указу, а в протчия места о том же указы посланы октября 10 дня 1767 года.

**Паспорт, выданный в г. Тобольске уволенному от службы
в армии тюменцу П. Шапошникову
30 августа 1791**

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы Всероссийской и прочая и прочая и прочая

Объявитель сего тюменской казачей команды капрал Петр Шапошников в службе состоял с 758 сентебря с 8 числа города Тюмени из казачьих детей, грамоте читать и писать умеет, от роду шестидесят лет, лицом бел, волосом сед, глаза серые, ростом дву аршин шести вершков, в походах в штрафах и наказаниях небывал, которой по ордеру его светлости высокоповелительного господина генерал фельдмаршала государственной военной коллегии президента и многих орденов кавалера князя Григория Александровича Потемкина Таврического уволен за старостью лет и глухотою и за разными болезнями на собственное ево содержание и пропитание вовсе в отставку и будучи ... (не читается) показывать всякое благодеяние, а после смерти онаго у кого сей пашпорт останется представить в присутственное место, в верность чего за подписанием моим и с приложением казенной печати дан в благополучном губернском городе Тоболске августа 30 дня 1791 года.

Ея императорского величества всемилостившей государыни правящей обер комендантскую должность пример майор (роспись)

ПАНИШЕВ Евгений Александрович родился в 1976 г. в г. Тобольске. Закончил факультет переработки нефти и газа Тюменского нефтегазового университета. Учеба на кафедре Тобольского пединститута завершилась защитой дипломной работы: «Свои» и «чужие» духи у русских.

Круг научных интересов: этнография русского населения Западной Сибири, фольклористика.

Автор статей в местной печати:

«Сибирские присловья», «Гибель Ермака в татарских и русских легендах», «Масленица», «Великий пост».

Научный сотрудник Тобольского музея-заповедника.

Постоянный автор журнала «Лукич».

Сказки бабушки Марии

От автора

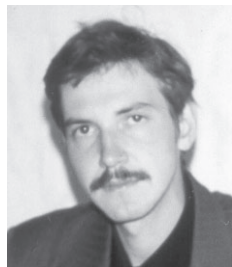
Бабушка Мария — Мария Васильевна Иванищева (в девичестве Редикульцева) родилась в деревне Редикульцевой Тобольского района 11 февраля 1922 года. В Кугаевской школе окончила начальные классы, а семилетку заканчивала уже в деревне Овсянниковой.

В 1939 году поступила в Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу, которую закончила в феврале 1942 года, и была направлена в деревню Каравай Сладковского района, где заведовала фельдшерским пунктом.

Вышла замуж, а в декабре 1944 года вместе с мужем и маленькой дочкой вернулась в родную деревню. Поступила на работу в Кугаевский фельдшерский пункт, где и проработала

до самой пенсии. Заведовала родильным отделением Кугаевской больницы. Была депутатом районного Совета.

Надо сказать, что левобережье Тобольска, а точнее территория бывшей Кугаевской волости, родина Марии Васильевны, — это место, где до сих пор бытуют старинные обычаи, обряды и суеверия. Старики рассказывают о людях, ставших легендарными, — об атамане Ермаке и хане Кучуме; о казачке Леонтии Редикорце, от которого пошли Редикорцевы, переписанные в первые годы Советской власти в Редикульцевых; о сыне Леонтия — Григории, который, переселившись от отца на высокое место —



«гору», основал деревню Гришегор; о колдунах, знахарях, нечистой силе...

Семья бабушки Марии была сильна знанием сказок, старинных песен.

«Я в молодости шибко много старинных песен знала, — говорит Мария Васильевна, — а сейчас память уже плохая, многие позабыла». Однако некоторые песни «старины глубокой» мне удалось записать, а многое из ее рассказов легло в основу работы «Поверья, суе-

верия и предрассудки крестьян села Кугаевского».

А данная работа — попытка представить рассказы Марии Васильевны, так сказать, в «необработанном» виде, без присущих серьезным научным трудам анализа, синтеза и исторических аналогий.

Рассказ свой бабушка начинает издалека, от времен старинных, летописных, о которых теперь ученые монографии пишут, а старые люди сказы называют.

Сказ об атамане Ермаке Тимофеече, о хане Кучуме и царевне Сузге

Где наша деревня стоит, здесь Ермак не проходил, а мимо Борков там, Шамая проходил, когда на север шел.

Кто Ермак Тимофееч был, я не знаю. Всяко о нем болтают — кому только верить. Знаю только, что из казаков был. Погулял Ермак Тимофееч хорошо на Дону да на Волге-реке. Много купцов ограбил и богатство их взял.

Захотелось Ермаку Сибирь увидеть, а казаки его отговаривают, мол, что нам, здесь воли мало? Он их не послушал, товарищей собрал и в Сибирь пошел. Богатств ему хотелось — мехов, камней самоцветных, серебра там, золота.

А владел тогда Сибирью хан Кучум, а у его была молодая жена Сузге. От нее Сузгун прозывается.

Послал Кучум войско, чтоб Ермака разбить. То войско Ермак разбил и город Кучума взял, и богатств много всяких. Кучум едва только жив остался, в степь ускакал.

Захотел Ермак молодую жену Кучума увидеть, а только Сузге, как прознала, что Ермак идет, кинулась в Иртыш с высокого яру и с той поры не стало ее на свете.

Долго еще Ермак с Кучумом воевали. А потом решили, что места в Сибири всем хватит. Была у Ермака с Кучумом мирьба, то есть мирились они, и обещали не воевать больше. Ну ради этого выпили, конечно. Да сидели в лодочке оба пьяные. Вспомнил Кучум про ермаковскую обиду, про царевну Сузге, выждал время да и толкнул Ермака в Иртыш-реку. Ермак

в кольчуге был, камнем на дно пошел.

Некоторое время спустя неводили татар на Иртыше, а вместо рыбы богатыря вытащили. То Ермак был. Сжалились над ним,

простому-то люду Ермак худого не делал, похоронили его на яру, там река между гор течет. Пароходы раньше гудки давали.

Ермаку Тимофеичу вечная слава!

Сторона наша лесная — три деревни да два села, живем небогато, сокровищ — ухват да хлебная лопата. А в старое время богато жили — от бедноты да босоты ломились шесты. У каждого свой двор, во дворе кол, на колу мочало, сказать ли сказ с начала?

Сказ про деревни

Прадед наш казак Леонтий, Редикорец прозванием, вслед за Ермаком Тимофеевичем в Сибирь пришел. Все, слышью, место, где земля хорошая, искал. Поглядел, возле Тобольска города уж и плюнуть некуда — все пришьле землю делят. За рекой, где до острога рукой подать, тож нашего брата полно.

Пошел Леонтий на север, вниз по Иртышу-реке. А вниз по Иртышу русские-то сроду не жили, все татары, остяки да вогулы.

Прошел Леонтий немного, да верст тридцать от Тобольска, а земли-то хорошей нету — все песок да суглинок, урман да болотина.

Вот, глядит, место подходящее — земля черная, жирная. Бор — кедры под ветром качаются. Шишка сама валится — колота не надо. Зверье всякое — соболь да куница. В Иртыше, волна песок белый моет, — осетр да стерлядь.

Однако ж пригляделся Леонтий — плохое это место. Маячит ночами. У леса курганы и могилы древние, от каких людей остались — неведомо. Чудеса на них и огонь зеленый.

Сказывают, и Ермак его видел. Казаки его еще из пушки по чудесам пальнули.

Пошел Леонтий дальше. Место нашел хорошее: речка Тайма течет, земля неплохая, рядом бор, да соседи подобрались незлые: ближе к лесу на горке татарин Кугай, ближе к Иртышу татарин Шамай, а дальше абыз татарский живет, это вроде попа по-ихнему.

Разделили они всю землю по совести. У Леонтия земли много, лес на постройку да пай в сенокосе.

У Леонтия три сына. Старший Гриша не захотел с отцом жить — водой стало топить, да и переселился на высокую горку. От Гриши пошла деревня Гришегор.

Вскорости и другие русские стали приходиться. За кугаевским домом три брата поселились. Одного Семеном звали, другого Черняткой, а третьего то ли Иваном, то ли еще как. От Семена пошла деревня Семейкина, от Чернятки — Черняткина, а от третьего Желтовская.

А где Леонтий проходил, на яру пришлые люди обосновались. На больших лодках приплыли. От них стала деревня Борки, а в стороне, к лесу, — деревня Беломоина, песок на реке белый и моет его рекой.

А позже деревню Брянцеву основали. Ехали мимо леса мужик с бабой на телеге, а в телеге разные вещи брянцали, вот и стала деревня Брянцева. Место хорошее, лес рядом, но змей много. Там колдуны жили, а как деревни не стало, болото получилось.

Жил в старое время в Шамае один мужик. Очень бедный был, у него шуба до того износилась, что весь мех вылез. Ему ребятишки кричали: «Гола шуба! Гола шуба!». От него и стала деревня называться Голошубиной.

Брошенная деревня

Есть одна деревня, ближе к Увату. Люди ее оставили. Тогда стали деревни укрупняться и в кучу собирать, то-де жаль в дальние деревни жалко свет тянуть и продукты завозить.

Стали люди уезжать, кто в большие деревни, кто сразу в город. Так вся деревня и опустела, а в пустых домах нечисть поселилась. Воеет, плачет да хочот ночами, в заколоченных домах огни горят.

По дороге в потемках совсем ездить перестали, а днем кто едет — крестится да молитву творит. А так, какой бродяга или охотник какой забредет — или чокнется и каких-то чертей поминует, или от собственной тени отстреливаться начнет.

Остановился раз в километрах десяти от той деревни отряд студентов. Нефть они ис-

кали или изучали что — не скажу, только прослышали они про заброшенную деревню, и один вызвался на спор сходить поглядеть.

Молодым что? Как говорится, ни в Бога, ни в черта, ни в собачий брех, ни в вороний грай не верят.

Снарядили его товарищи. Дали продуктов суток на двое, малопульку дали и патронов.

Пошел Ваня-простота в мертвую деревню. Все встречные-поперечные у виска пальцем крутят: «С ума ты, парень, что ли, сошел? Не ходи, задерут тебя черти».

Никога Ванюша не послушал. Пришел в полдень в деревню. Солнышко светит — не страшно.

Выбрал он один дом, тот лучше других глядел. Замок с

двери сорвал. Вошел, пожегил-ся. В доме нежилом сыро, неуютно.

Растопил Ваня печь. А когда за стол перекусить сел, солнышко уже за полдень перевалило и к закату поползло.

Вдруг слышит Ванюша, трава у дома зашуршала. Глянул он в окно — трава пригибается, словно идет кто-то, никого не видно.

Боязно стало Ване. Обрат-но идти — товарищи засмеют, комсомолец нечистой силы испугался.

Поискал он по дому, молоток нашел и гвозди. До са-мого заката все заколотил, став-ни закрыл. Лег на лавку и ус-нул крепким сном.

Среди ночи разбудило его что-то. Слышит Ванюша — воет кто-то вдалеке, но не собака. Потом ближе вой раздался, а потом и вовсе возле дома.

Слышит Иван, ворота стук-нули и кто-то в сени вошел. У дверей стоит и дышит часто-ча-

сто. А в дом пройти не может — на косяках еще от прежних хо-зяев крестики мельные остались.

Сидит Ваня в темноте и от страха не дышит. Кто-то возле дома ходит, и, похоже, не один уже.

Вдруг на вышке кто-то зас-тучал. Вроде как когтями стал с потолка доски срывать, на Ива-на сухая земля посыпалась.

Иван винтовку схватил и в потолок выстрелил. Заорал кто-то дурным голосом и с вышки соскочил.

После этого успокоилось все немного, но вдруг видит он, угол дома поднимается. Ваня и туда выстрелил.

До рассвета глаз не сомкнул. А как светлее стало, быстро собрался и потихоньку из дому вышел. Глядь, а возле дома кровь на траве, а кровь черная. Ворота настежь открыты, а в соседнем доме — до него метров сто было — какие-то люди в ограде ходят. У тех людей глаза горят и росту в них метра по два.



Не выдержал Иван. Через огород рванул, по кустам, бу- реломам бежал, и все ему каза- лось, что кто-то гонится за ним. Он на бегу назад стрелял. Все

до последнего патрона выпалил. В лагерь с сединой прибежал.

Зарекся с тех пор с нечис- той силой связываться. Вот как бывает.

От деревни разговор к дому катится

Наш дом на горке стоит. Окошками на три стороны, весь день в доме гостит солнышко.

Бывало в детстве, проснусь летом утром рано, пойду в гор- ницу, а там половицы уже сол- нцем прогрелись. Встану босы- ми ногами на теплые полови- цы — и хорошо мне, радостно.

Сядем обедать, и солныш- ко с нами. Бросает на стол свои лучики. Вечером глядим, как закат подгорает, а солнце крас- ное на покой уходит.

Не на всяком месте можно дом поставить. Поставишь на месте сгоревшей бани — то кло- пы одолеют, то мыши, а там и дом сгорит. Поставишь у про- езжей дороги — любовь из дома уйдет, а самому хозяину будет дальняя дорога, с сумой по миру шагать.

Ставят дом мастера-плотни- ки, весело работают да скоро. Как поставят первый венец, понесет хозяин им угощение, а потом угощает, как стропила поставят и дом до самого конь- ка возведут.

Старается хозяин плотни- кам угодить, а то, чего доброго, осерчают да подложат какую вещь с приговором, чтоб хозя- евам в доме не жить, богатству не быть. Подложат плотники под первый венец свиной ще- тины — заведутся в доме черти. Вобьют в бревно гроздь из гро- ба — будет ночами шастать мер- твец с погоста.

Тут уж или знающего чело- века зови, или батюшку-попа, или разбирай дом и ставь на новом месте, да смотри, чтоб худым не было.

Домовые страхи

Стоит в одной деревне дом на кладбище, никто в том доме не живет, только нечистая сила. По ночам маячит, стучит, пла- чет, воеет.

Жила раньше в нем одна женщина. Ничего ей не чуди- лось. Только раз поздно вече- ром слышит она — в подполье кто-то заскребся. Она значенья

не придала, думала, мыши скре- бутся. Потом застучало что-то.

Она в кути свет зажгла. Ви- дит — крышка подпола подня- лась, и вылез оттуда мужичок- с-ноготок.

— Я, — говорит, — тебя не трону. Только дай мне пирога.

Она ему пирог бросила. Он вмиг его проглотил и в подпо-



лье ушел. Стал так ходить каждую ночь. Бросит ему баба пирога, он под пол уйдет. А так стучит, скребется.

Немного прошло времени, пришлось хозяйке уехать куда-то. Она и попросила одних молодых мужика и бабу в доме ночевать, караулить. А про мужичка-подпольщика ничего не сказала. Думала, он ей одной является.

Уехала она. Пришли вечером ночевальщики, поужинали, бутылочку распили и на кровати завалились.

Сколько прошло время, неизвестно. Слышит мужик, что-то под полом зацарапалось. Потом в кути застучало.

Мужик не вытерпел и смотреть пошел. Свет зажег, а на твориле мужичок-с-ноготок сидит.

— Я,— говорит, — вас не трону, только дайте мне пирога.

Заматерился мужик.

— Дам, — говорит, — я тебе пирога, не унесешь.

И мухобойку схватил.

А мужичок прыг в подпол. Только его и видели.

Мужик походил немного и снова к подруге под теплый бочок пристроился. Думал уснуть мертвецки, да только что-то не спится ему.

В глухую полночь вдруг кровать ходуном заходила. Вскочили оба.

Мужик под кровать заглянул, а там громадный кабан. Глаза кровью налиты, с клыков пена ключьями падает...

Как из дома выбрались — не знатко. В одном исподнем по улице бежали. За ними вслед топот, а в доме оставленном содома-гомора, огни какие-то, свист и хохот.

Скоро хозяйка возвратилась, а ночевальщики ей: «Чуть живы из твоего дома убегли, такая чертовщина примаячила...».

Так, ты знаешь, ведь не смогла хозяйка в доме жить,

дом продала и уехала. С новыми хозяевами тоже конфуз вышел — в первую же ночь в одном белье к соседям убежали.

С тех пор в доме никто не живет. Окна заколочены, в ограде крапива в рост человека вымахала.

В каждом доме положено быть домовому, его у нас дедушкой-суседушкой зовут, вроде как в соседях он живет. К радости дедушка-суседушка песни поет, к ссоре — посудой гремит, к горю — плачет. Еще говорят старые люди, что перед большим несчастьем, голодом или войной уходят домовые из деревни, собираются на перекрестках и воют вместе, в один голос.

Не любит дедушка-суседушка пьяных, не любит простоволосых. В волосах сила колдовская, поэтому если мужняя жена взялась хлеб пекти или еще что делать, будь добра надень платок.

Кого невзлюбит дедушка, того ночью давить начнет. Навалится на грудь большим котом — от страха тело сведет, не может человек ни рукой, ни ногой двинуть. Тут в самую пору или молитву сотворить, или крепкое бранное слово сказать.

Ну а кого залюбит, волосы в косички вывивать примется. Пойди расчеши потом! А ему радостно, вон как любимицу принарядил.

Дедушке-суседушке хозяин всячески угождает. Стараются держать лошадей да коров темной масти, а какое животное не ко двору придется, тут добра не жди — пропадет в скором времени. Вот в нашем доме серые кошки не живут, говорят: «не по дому кошка».

— Кошки кошками, — соглашается бабушка Мария, — а вот корова не та — это да! Купили мы корову в Кориковой. Привели ее. Заводила нам во двор ее Лизавета Васильевна. Вот она заводит, заговаривает на ворота, на косяки, на замки. Корова ночевала. Утром отпустили ее, она сразу в Корикову убежала. Так она бежала три недели. Мы ее стали на веревке держать: она как сорвется — так в Корикову бежит.

Мне и сказали: ты позови, мол, Андрея Корикова, он корову ко двору привадит. Пришли к Андрею Корикову. Он говорит: «Что сразу не позвали?». А не позвали мы его, потому что он был пьяный.

Купили мы ему бутылку. Он взял веревку, одел корове на рога и повел на ново место. «Я, — говорит, — сюда уже не заведу, надо в другой двор».

Повел он корову к моему сродному брату Филиппу Андреевичу. Корову завел, веревку снял и на вышке привязал за трубу. «Назавтре, — говорит, — отпускайте ее на волю».

Утром отпустили ее на поскотину. Вечером она идет и заходит к Филиппу. Так ходила она целую неделю. Я беру, надеваю веревку на рога и домой ее веду.

Вся белая была корова, а дедушка-суседушка белой масти не любит. Потом родила она телушку Майку, потому как в мае родилась. От Майки была у нас черная белолобая.

Бабушка уходит на кухню, где гремит какими банками-склянками, а вернувшись, выдает еще одну «коровью» историю.

— *Корова эта на веревке сроду не ходила. Купили мы ее в Кугаево. Хозяева мне ничо не сказали, что корова на веревке не ходит.*

Позвала ее, корову, вести соседку Марью.

Она говорит: «Мне некогда, я баню истопила. Я тебе веревку дам, ты ее одень».

Я пошла, корову подошла — так положено, — одела веревку и повела.

Назавтре идут хозяева. «Ну, — говорят, — Мария Васильевна, ты все знашь! Корова-то сроду на веревке не ходила. Уколы ставить — мы ее поймать не можем. Ветеринар во дворе ставит, а мы ее двое держим».

Любила я эту Светлану. Хорошая была корова, красивая, лучше всех в стаде.

* * *

Пусты дома без хозяев, не пахнет в таких домах пирогами, только сырость и полумрак. Солнышко в разбитом окошке садится да ночами плачет, воеет в пустом доме дедушка-суседушка. Позабыли его позвать на новое жильё.

Веселы дома у рачительных хозяев. И хлебом в них горячим пахнет, и ядреным квасом, и всякие соленья-варенья в подполе хранятся.

Живет наш человек телом на земле, а душой на небе. Все на будущее загадывает, что-то строит, словно ему на роду написано триста лет прожить.

Сказка об охотнике Иване, брате его Петре и Петровой жене

В нашей сибирской стороне в старые времена жили были два брата — Иван и Петр. От одних родителей братья были и все ж меж собой рознились. Иван был волосом черен и нравом строг, а Петр волосом белый и нравом веселый.

Петр землю пахал, в огороде работал. Иван же зверя по лесам бил да рыбу промышлял. Нелюдим был, да и люди его сторонились — кто с малолетства по урманам бродит, тот с лешим знается. Кто всегда с уловом, тот водяному угождает. Не было в наших краях человека ловчее и

удачливее Ивана. Сказывают, за шестьдесят шагов белке в глаз попадал. Пищалей-то тогда мало было, и то все от Ермаковых казачков остались, — Иван с луком охотился, как остряк какой, уж потом с ружьем стал.

Жили братья, жили. И вздумал Петр жениться.

Жениться не напасть, да кабы женившись не пропасть. Возьмешь еще за себя «огнену траву» — весь век покоя не будет. А то возьмешь склочницу — ты ей слово, она тебе десять.

Была в наших краях Настя. Не было никого красивей Насти, не было никого в рукоделии ловчее. А уж как Настя пела, как плясала!

Так вышло, что полюбили Настю оба брата. Да как ее не полюбить было — высокая, стройная, волосы, как пшеница в спелом колосе, глаза — как два озера.

Выбрала Настя Петра.

Иван только головой покачал. «Будь счастлив, братка», — сказал и в урман ушел.

Тайга для Ивана с малолетства — дом родной. Да только что это за дом, если некого в него привести.

Кабы была Настя — все бы для нее сделал. Соболями бы одел, куницами, а белок под ноги без меры сыпал. А не захочет мехов, то есть в тайге курганы древние, а в них золото-серебро лежит.

Стал Иван Настей бредить, стал ее во сне видеть. А когда

совсем немоготу стало, пошел к деревне крадучи.

Хоть одним глазком, думает, взгляну, а там хоть на берегу удавлюсь.

Когда закатилось солнышко, пошел Иван к Петрову дому. Подошел и в окно взглянул.

Сидят молодые рядышком, целуются, милуются.

Ивану словно кто ножом по сердцу. Ноги подкосились. Перед глазами красная пелена. А в ухо какой-то нечистый злые мысли нашептывает.

Выхватил Иван нож охотничий и в избу к Петру вошел.

Обмер Петр. Глаза на Ивана уставил. Шутка ли, родной брат с ножом идет!

Убил бы тогда Иван брата, если б не Настя. Выскочила она, кинулась ему в ноги.

— Меня, — шепчет, — меня бей. Петро ни в чем не виноват.

Устыдился Иван. Нож бросил и из дому вышел.

Не ушел тогда Иван в тайгу. Приютила его молодая вдова Аксинья. Мужа ее, Иванова одноклассника, в позатом году лихие люди на тракту убили. Полюбила Аксинья Ивана — мужа он ей напоминал. Только Иван своим живет. По хозяйству все делает, только неласковый он, не обращает на молодую вдову внимания. Все, слышишь, о Насти думает, а как встретит, то глаза отводит. Домой придет сам не свой. Ходит по ограде туда-сюда и все думает.

Аксинья о Иване с ума сходит. Крадучи его присушала — все без толку, не идет у Ивана из ума Петрова жена.

Задумала тогда Аксинья дело недоброе. И по первому снегу темной ночью к колдовке пошла.

Взяла Аксинья у ведьмы зелье смертное. Как дело сталося, нам неведомо.

Разболелась, расхворалась вдруг Петрова жена. Да такая, слышь-ко, хворь случилась, что ни один знахарь не излечит. Сохнет день ото дня Настя. С тела худеет. Петро рядом бьется, ничего поделат не может.

Иван, как прослышал про это дело, пошел прямо к ведьме, что на Гнилом болоте жила. Пришел и все ей рассказал.

Выслушала его ведьма и говорит:

— Не могу я ей помочь — к ней смёртная привязалась. Правда, есть одно средство.

Встрепенулся Иван.

— Говори, какое средство. Соболями тебя одену, куницами усыплю.

Оскалилась старуха.

— Мне твои соболя без надобности. Скажу, что за средство. Есть, сказывают, в Студеном море чудище Ехидна. На одну половину змея, на другую — баба. У той Ехидны во лбу камень самоцветный. Коль его добыть, то всяку болезнь излечить можно.

Иван в тот же день сел в лодочку. Взял ружьецо и при-

пасов и к Студеному морю поплыл.

Еще пред тем к Петру заглянул. А там после Насти уже и собака крох не ест. Знать, худо дело.

Долго плыл Иван к Студеному морю. Но скоро нагнали его государевы служилые люди, что для державы новые земли воевать плыли. Увидали Ивана, взяли на корабль, стали спрашивать: куда плывешь, парень, и что ищешь?

— Плыву, — отвечает Иван, — я в Студеное море. Сказывают, есть там чудище Ехидна. На одну половину змея, а на другую — баба.

— Ну, — говорят государевы люди, — в Студеном море много чудес водится. Найдешь, парень, ты свою Ехидну.

Долго ли коротко плыл корабль, про то нам неведомо. Только однажды поутру увидали корабельщики ледяные горы, а на тех горах все нерпы да медведи белые. Знать, то Студено море.

Осторожно пошел корабль меж льдин — не дай Бог потонуть. Да только не одни льдины мореходов караулят. Есть в глубине черной разные чудовища, рыбыны громадные. Гляди, мореход, не сробей!

Вот здесь и встретила Ивану Ехидна...

Как пришла морозная зима, умерла Настя. Выкопали глубокую могилу, из которой вовек не подняться, не встать. Собрался народ. Пришел батюшка. Отпели, похоронили, помянули и разошлись.



Остался Петр на белом свете, как перст без золотого кольца.

Затосковал Петр. В тоске горькую запил. Все забыть пытался, да не смог.

...Видит Иван — сажень за тридцать расплескалась вода и вышла на лед Ехидна. До пояса змея в зеленой чешуе, а от пояса — баба. Да такая, что глаз не отвести.

Говорит кормщик Ивану:

— Вон твоя чуда-юда на лед вылезла. Только нам к ней не подойти — потонем.

— Ничего, — говорит Иван, — как-нибудь доберусь.

Снарядился Иван. Взял ружьецо, перекрестился и по льдинам к Ехидне побежал.

Встали Иван с Ехидной, как охотник с рысью, — нос к носу. Ехидна громадная, однако ло-

вок Иван и ружье при нем. Ждут, кто первым начнет.

Ударила вдруг хвостом Ехидна, и покатился Иван по льдине. Головой ударился так, что в глазах потемнело.

Тронул Иван затылок, а он в крови. А над Иваном уже Ехидна возвышается.

— У, гадина, — шепчет Иван, — получи-ка гостинец.

Словно белке в глаз на промысле, выстрелил Иван Ехидне в глаз. Да только сам от боли в голове разбитой сознания лишился...

Однажды ночью слышит Петр подле себя шорох. Глаза открыл. Кто-то в темноте дышит и иногда негромко вздыхает.

Петр и спросил: «Кто здесь? Кто стоит да дышит?».

Не ответил ему никто, только вздохнул тяжело.

У Петра волосы дыбом встали. Он огонь зажег — нет никого.

Стало так каждую ночь. Приходит кто-то, стоит и вздыхает. А огонь зажжешь — все исчезнет. Потом и того хлеше — женский смех стал раздаваться.

Петру и подумалось, что вдруг это Настя его ходит.

Раз засмеялось, а он и спрашивает: «Настя, это ты?». — «Я, — отвечает знакомый голос. — Твоя Настя за тобой пришла».

Вскочил Петр. Огонь зажег — снова нет никого.

Тут кто-то в окно стукнул. Глянул Петр, а на улице его Настя стоит и его к себе манит.

Распахнул Петр дверь и, как был в исподнем, в холод выбежал. Настю обнял. Белая она была. Снега белей.

— Холодно мне, — сказала.

— Согрею я тебя, милушка, — шепчет Петр.

В синие холодные губы поцеловал Петр свою жену да так и остался закоченевшим, по колону в снегу...

Похоронили Петра тихо. Посудили, порядили, дескать, что вино с людьми делает. Кабы не пил, был бы жив.

Посудили и забыли бы, если б не одно диво. На третий день после похорон сгорел дом Петра. Сам собой сгорел. Видать, дело нечисто.

...А скоро Иван домой возвратился с самоцветным камнем. К брату пошел, а братового дома нет. Пепелище снегом замело.

Понял тогда Иван, что слишком поздно возвратился. Бросил он в сердцах самоцветный камень и ушел куда глаза глядят.

Сказывали, потом вернулся он и стал с Аксиньей жить. Да мало ли наболтать могут? Жить счастливо и дурак сможет, а ты без счастья-то поживи!

Рассказала бабушка про людей, что в старину жили, «знающих» помянула, в самое время про колдунов рассказать.

Колдовские увертки

В старое время считали, что в каждой деревне колдуну быть положено, ну и так «знающие» люди были. Говорят, колдун настоящий должен отречься от Бога, от отца и матери, от роду и племени. Тогда он «знать» станет, а в помощь ему будут ловкие чертики приставлены.

Те чертики у колдуна все время работы требуют. Скажет, бы-

вало, колдун: надо того-то испортить. Они сгоняют — испортят. Скажет, чтоб то-то сделали. Они сделают и снова работы просят.

Иной дока заставит помощников считать иголки у елки. Черти все лапы исколют, слезами изольются, а выполнят.

К хозяину придут, а у колдуна новое задание — плести веревки из песка. Коль и это сде-

лают, тут уж колдуну заболтушка: чем помощников отвлечь.

Сказывают, был один колдун и не мог он ничем помощников занять, едва его черти не задавали. Пошел он к жене. Редкий черт бабу обхитрит.

Она вырвала у себя три волоса и мужу подает.

— Вон, — говорит, — отдай работникам, пусть выполняют за-

дачу: один волос вытянуть, но не наставлять, другой волос по-вдоль разрезать, а третий кольцом сделать, да так, чтобы концы сошлись.

Стали черти с волосами заниматься. В колечко один волос кое-как завязали, стали другой тянуть — волос лопнул. После этого колдуна черти в покое оставили.

А в наших краях такое было. В деревне Брянцевой жил колдун Степан Григорьевич, поговаривали, что он «дьявольщину» знает. Раз в Атамановой женщи́на коров пасла, а он мимо проходил. Вдруг все коровы к нему побежали. Сильный он был. В небе коршуна увидит, заставит его в небе повернуться, опуститься на двор врага и цаплят утащить.

Умирал он больше месяца. Весь высох, как скелет стал. Руки, как палки.

Я пришла его проведовать. Он лежит. Его всего яйцами обложили, чтобы по ним «скатился».

— Вот, — говорит, — Мария, Бог мне смертушки не дает.

Умер он, когда охлупень с дома сняли.

На поминках всего было. Одной женщине почудилось, что она воробышка в стакане заглотила.

Силу свою Степан Григорьевич племяннику своему передал Алексею Яковличу. Тот веселый человек был. К нему ходили, он лечил, а сам отшучивался: я, мол, пошепчу, что в голову придёт, — и все лечение. Ему верили.

Когда он умер, узнали, что он «ходит». Ничего сделать не смогли, так дом и продали.

Знахарские рецепты

Кроме колдунов, в деревнях знахарям — «знающим» людям быть положено. Говорят, на всякого доку дока найдется.

Знающие они так, корову кому в двор завести, ребенка там от уроков вылечить, ворожат, судьбу говорят. Ничего та-

кого, слишком уж особенного, они не знают.

Тятя лошадей лечил, на свадьбы его дружкой звали, это чтобы свадьбу не испортили, а то, сказывают, один раз свадебный поезд колдуны в волков превратили. Еще тятя мужиков лечил.

Раз ночью стучится кто-то к нам, зубится прямо. А это председатель. Сам пьяный.

— Выручай, Василей Григорич! Испортили меня.

Вышли они в ограду, тятя что-то в воротах пошептал. Назавтре председатель идет с бутылочкой, знать, помогло лечение.

А у нас еще сестры моей муж Андрей «знал», а знал он что-то худое. Встанет рано ут-

ром, деревню обежит, потом городит сидит, наврет с три короба. Мы пойдем спрашивать, что да как. Соседи только удивляются.

Тятя знал, что зять его что-то знает. Раз сидели они. Он взял и кукишку ему под столом крадучи показал.

Андрей весь в лице переменялся.

— Ты чо это?! — кричит по-матерному и в дверь.

Знахарь и вор

В наших краях в старину жил-был Сенька-вор. Воровал он и по-крупному, и так, по мелочи грезил: фитили чужие проверял, закидушки да самоловы. За такие дела у нас мужики «садят». Возьмут под мышки и за ноги да с маху на задницу посадят. От этого все нутро отбивается, и человек после этого долго не живет.

Сеньку мужики все поймать не могли. У нас ведь как? Если за руку не пойман — не вор. Поймали бы его, враз бы головушку открытили.

Видя такое дело, Сенька совсем обнаглел. Стал лис из капканов воровать, ну и других зверей.

А в это время поставил на Сосновке мужик ловушку-сторожок на норку. Сенька это дело просек и норку утащил.

Пошел с краденой норкой в деревню. Прошел немного и снова на старое место вышел. Подумал Сенька, что заплутал немного. Пошел снова и опять на Сосновку вышел.

Задумался, пошел аккуратно, все дорогу подмечает. И чувствует, снова не туда идет.

Испугался Сенька, норку бросил и побежал.

Бегал он так всю ночь, а утром пришел хозяин. Глядит, а Сенька у сторожка стоит сам не свой.

— Пусти, — говорит, — меня, добрый человек. Никогда больше воровать не буду.

— Ладно, — говорит мужик, — иди и больше не воруй.

После этого стал Сенька порядочным человеком.

В этой были вора знахарь образумил, а вот в другой по-иному дело стало.

Два рыбака

У нас закон неписанный: никакой рыбак чужого фитиля не проверит. Фитили даже ставят у каждого со своими тычками, чтоб не перепутать. У нас фитили с таловыми тычками, у Брянцевых — с березовыми. К фитилю подъедешь — сразу видно, чей.

Рыбачили в старое время на реке два рыбака, два Павла. Один шутник да хохотун. Люди к нему тянутся и улов у него всегда.

Другой Павел сердитый да молчаливый. Люди его сторонятся, а улов — когда как. Очень он тезке своему завидовал.

И раз решил он на нехорошее дело — стал из чужих фитилей рыбу доставать. Павел как придет — фитили пустые.

Решил он прийти пораньше.

Только стало светать — Павел уже на реке. Видит, кто-то

его фитили смотрит. Он к нему, а это Павел — сосед.

— Ты чего, — говорит, — мои фитили смотришь?

— Это мои фитили, — отвечает сосед.

— Чем докажешь? У нас и дуги одинаковые — из черемухи, и тычки таловые, и мережа льняная.

— Мережа-то льняная, только ячеи разные. Моя ячея меньше твоей.

— Врешь, Пашка! Это моя меньше, а твоя крупнее.

— А коли я вру и фитили это твои, перекрестись и позови Господа Бога в свидетели.

Делать нечего. Авось пронесет! Перекрестился Павел и молитву сотворил.

И в тот же миг, что за чудо, правая рука у него онемела и язык отсох... Бог наказал.

С тех пор Павел и не рыбачил больше. Делал что-то одной рукой да мычал.

Катерина

Катя-Катерина, купеческая дочь,
Прогуляла Катя, всю-то темную ночь...

Богат Василий Иванович, ой, богат. Амбары от запасов да от товаров ломятся, пароходы, почитай, до самого Самарова ходят. Зимой обозы в Заболотье тянутся. Оттуда Василию рыба, мясо и пушнина идет.

Богат Василий Иванович да самое большое его богатство не

в ларце, не в сундуке, а сидит богатство в горнице за пряткой и поет что-то негромко. Это дочь его — Катерина.

Позатой весной исполнилось Катерине шестнадцать, а сейчас девка на выданье, самый сок. Выдаст ее отец за купца или за офицера.

Над быстрой рекою по зеленой травке-муравке девки водят хороводы, запевая:

Катя-Катерина, купеческая дочь,
Прогуляла Катя, всю-то темну ночь,
А наутро рано будит ее мать:

Вставай, Катерина,
хватит тебе спать.

Сама же Катерина прядет в светлой горнице. Пошла бы к подружкам, да тятя не пускает. С вечера уехал он за товаром, а когда вернется, неизвестно.

Самое дорогое у него Катерина. Осталась она без матери ребенком-несмышленишем. Василий сам ее растил, как самоцветный камушек берег. Красива девка, да где ж найти ей жениха, что и отцу ее поглянулся?

Катерины же думы об отцове работнике Семене. Всем хорош Семен, только бедность его одолела, не от хорошей жизни на купца батрачит.

Семен тоже о Катерине думает. Им бы «убёгом» свадьбу сыграть, да гордость в Семене выиграла.

— Уйду, — говорит, — от твоего отца. Пойду золото мыть, разбогатею и через год к тебе вернусь.

И в самом деле ушел Семен. А ушел — как в воду канул.

Прошла зима. С первой птицей на Катеринин порог весна пришла.

Разлился в тот год Иртыш, берегов не видать. Где вода, туда и ветер летит. Холодно, неуютно на красном восходе на великой реке.

Глядит с яру Катерина — до самого горизонта лишь рябь по воде разбегается. Не едет милый, знать, половодье ему пути-дороги отрезало.

За весной лето, схлынула холодная вода. Прошло лето. Осень лес желтым огнем подожгла, и сгорели леса до доньшка, стали под ветром-сивером голыми ветвями качать.

Ждет Катерина. Истосковалась вся. Белый свет не мил. Налетит ветер, ударит в стекло ветка, а ей кажется, что Семен пришел. Глянет — нет никого.

За осенью — зима с буранами. Укрыла землю снегом, реку синим льдом сковало. Коль утоп Семен, теперь уж ему не подняться, сквозь лед не встать.

Ждет Катерина. Вот и Новый год прошел, и Рождество минуло. Настали Святки.

В Святки, знамо дело, все ворожат. Девки воск в воду льют да на тень смотрят, за ворота пимы бросают, а то пойдут к старой бане, чтобы погладил дедушка-баннушко мохнатой лапкой на богатство.

Стала Катерина ворожить. Зеркало поставила и две свечи. Жутко Катерине, вдруг кто из зеркала покажется?

Вот на часах полночь пробило. Раздаются стук и шаги. Оглянулась Катерина. Стоит в дверях Семен. На нее глядит, улыбается.

— За тобой, — говорит, — я приехал, милая. Собирайся.

Оделась Катерина. За ворота вышла, ни одна собака не тявкнула. За воротами стоят сани расписные и кони серебряные, гривы золотые.

— Разбогател я, — говорит Семен, а сам Катерину в сани садит и шубой укрывает.

Стегнул Семен коней, и понеслись они в темную ночь морозную.

— Куда ты, миленький, везешь меня? — спрашивает Катерина.

— Дом я построил, — отвечает Семен. — Туда тебя везу.

А сам улыбается, только нехорошо как-то. Мчат кони. Крутом пустошь. Волки воют.

Чтоб не страшно было, затянула Катерина песню, которую, бывало, Семен певал.

Оборвал ее Семен.

— Я, — говорит, — нонче другие песни пою.

И запел:

Месяц светит.

Покойник едет.

— Катенька, ты боишься меня?

— С тобой, — отвечает Катерина, — я ничего не боюсь.

Он в другой раз запел:

Месяц светит.

Покойник едет.

— Ты боишься меня?

— Нет, — отвечает Катерина, — я с тобой ничего не боюсь.

Тут кони остановились. Стоит кладбище. Кресты сне-

гом занесло. Подводит ее Семен к разрытой могиле.

— Вот, — говорит, — мой дом. Заходи — хозяйкой будешь.

Испугалась Катерина. Давай молитву творить да кресты класть.

Засмеялся мертвец.

— От меня, — говорит, — не открестишься.

Стала читать Катерина молитву, которой баушка учила. Покойник остановился.

Катерина бежать. На кладбище сторожка была. Прибежала она в ту сторожку и дверь заперла.

Глянула — на лавке покойник лежит. Благо, только не шевелится.

А Семен круг сторожки ходит.

— Выходи, — кричит, — Катерина! А то дверь изломаю и тебя достану!

Стал мертвец дверь ломать. Изломал и в избу вошел. Тут поднялся с лавки другой покойник, и принялись мертвецы меж собой драться.

Дрались они до свету. Пропели петухи, и оба мертвеца под пол провалились.

Вышла Катерина на улицу. Поглядела, рядом с кладбищем деревня в три двора.

Пришла она в ту деревню, все людям рассказала. Те ее накормили, обогрели и к отцу отвезли.

О разных людях идет наш разговор, больше шутейный.

Был у нас в деревне один мужик Степан Макарыч, все разные штуки любил делать. Раз соседей дома не было. Он взял и все лож-

ки-вилки на божницу спрятал. Пришли вечером соседи, сготовили что-то. Сели ужинать — ложек нет.

Степан Макарыч это дело просек. Идет.

— Я, — говорит, — ворожить дока. Сейчас сворожу и все узнаю. Пошентал что-то.

— Ложки, — говорит, — у вас в дому.

Хозяева просят, чтоб еще поворожил. Он еще пошентал.

— Ложки, — говорит, — за иконами.

Другой раз над своей женой Татьяной Сергеевной подишутил. Пошли на покос, он взял да ей два кирпича в мешок подложил. А ийти километров пять было.

Та идет и стонет: «Ой, тяжело мне! Ничо вроде тяжелого не клала!».

На покос пришли. Она в мешок полезла, а там два кирпича.

Всякие люди в нашей стороне, не святые, но иконы в каждом дому и церковь каменная одна на левом берегу. Блаженной памяти историк Петр Андреевич Слоцов в Кугаево останавливался и древним иконам молился.

Во время богоборческое, в тридцатые годы, городские церкви уже все порушили, она одна стояла, и служба в ней была. Никому в голову ее порушить не приходило, однако ж нашелся один...

Сказ про Кугаевскую церковь

Церковь каменную шведы строили, а до этого деревянная церковь была, немного в стороне стояла. Там и кладбище было. Сейчас, когда копают, много костей находят. Раз девичью косу нашли. Волосы-то не гниют. Стали строить каменную церковь, положили золотой крест и на том месте строили. Икон в церкви много было. Сплошь иконы. Пол — чугунные плиты были. Их потом на печки и на каменки разобрали. При Советской власти два попа осталось. Один-то совсем старый был, а молодого увезли — и с концом. Тогда такая дурничка

была — попов стреляли, топили. Все про какие-то ценности спрашивали, да только ценностей не нашли. Может, попы спрятали. Стали колокола сымать. Потом кресты.

Гошка Редикульцев полез, чтобы цепь к ним подцепить. Мать его Евдокия Васильевна еще сказала: «Если Бог есть, то он убьется». Подцепили цепь машиной, своротили крест с колоколенки вместе с маковой.

Все иконы растащили. Фома Алексеич большую красивую икону принес. Фому на фронте убили, жена его Лиза умерла. Две дочери остались — Галина и Мария.

Галина с мужем жили в деревянном доме, а печь топили углем, видать, рано трубу закрыли да и угорели оба с мужем. Марья по дешевке ту икону продала. Сделали в церкви сначала клуб, «Вия» там казали, потом склад. В алтаре правление колхоза архив хранило, да поджег кто-то.

Про великие морозы, наводнения и деревянный огонь

Тятя сказывал, в старину такие морозы были, что птица на лету замерзала, около Тобольска северное сияние видели.

А на моей памяти было минус пятьдесят два градуса. Надо было в город ехать. Поглядели, вроде холодно, но терпимо. Сели, поехали. Конь идти не может, все ноздри у него закуржавели. В санях сидеть не можно — мы пешком идем.

Заехали в Липову греться. А нам говорят: «Куда вы собрались?! На улице пятьдесят два градуса». А мы не знали, у нас ведь градусника не было.

У нас тут место низкое, здесь везде водой топит. Вроде здесь когда-то монастырь стоял, но стало водой топить — его перенесли. Сказывают, раз вода пришла, когда жать надо было. Так ездили на лодках и по колоску срезали.

От воды здесь у нас везде валы навалены, валили их раньше все руками.

Где-то в 37–38-м году школу строили. Председатель Николай Константинович Голошубин приказал: разбирайте ограду на печи. Печей в школе много было, а еще печи в общежитии для мальчиков и в общежитии для девочек.

А ценности те запрятаннные до сих пор ищут, да все найти не могут.

Большая вода в 41-м году была. Сплошь вода, два только места сухих было, вот где церковь стоит и на валу в Шамае. Пароход за новобранцами прямо к валу подходил. Ничо не посадили, рыбой питались. Вещи всякие в Корикову носили, на продукты меняли. Там место высокое, картошка родилась. Мама старинные часы с боем унесла-променяла.

Тятя сказывал, случился один год падеж скота. Ничо сделать не могли. Потом кто-то сказал, что надо деревянный огонь добыть. А как деревянный огонь добывают? Дерево о дерево трут, начнет шаять, потом загорится. Когда деревянный огонь добывают, печей не топят, а то у огня силы не будет.

Стали на Зеленой огонь добывать. Скот через него прогнали.

Только это помогло.

Про страшные грозы

Грозы в Иванов день самые страшные, у нас этот день зовется «Иван Грозный». В этот день часто людей громом убивает.

Случилась раз в этот день страшная гроза. Четырех человек убило: у нас женщину и в Атамановой троих человек.

У нас убило Валентину. Она картошки огребала, а идет гроза. Она подумала, что гроза стороной пройдет, домой не пошла.

Ударил молния в тятку, черен расщепила и ей в голову отлетела. Потом смотрели: у Валентины даже волосы опалило, а на железе, как от сварки, след остался.

Только нашли ее, гонят на коне: собирайтесь быстрее, в Атамановой троих убило.

Приехали в Атаманову, а те лежат в землю закопаны, только лица открыты. Одного только и выходили. Дети сиротами остались.

А в землю закапывают, чтобы из них молния в землю ушла. Считается, помогает это.

Считается, что убитых громом сразу хоронить нельзя, иначе молния может выйти из тела и человек очнется в гробу.

Рассказывают, в старину была однажды страшная гроза. Убило громом одну женщину. Похоронили ее. Немного погода стала она родным сниться. Вы, говорит, меня заживо похоронили. Раскопали могилу, а она в ней к верху спиной...

Заколдованное место

Есть у нас здесь несколько нечистых мест, там маячит. За деревней у речки Бакалды привидения являются. Бакалда — худая речка, много в ней людей утонуло. Чудится и в Абызовой, на татарском кладбище, там даже места есть, где огонь не горит.

Есть место нечистое у Гуменной речки. Там раньше сарайчик был. Под полом ледник устроен. Там утопленников держали, пока родственники не найдутся. Еще говорят, что безродные здесь же похоронены. По ночам они воют, плачут. Ви-

дать, мучаются душеньки, не попадут ни в рай, ни в ад.

Мама с теткой шли из города. Зимой напрямки через Липовы. Была ночь, а ночью зимой куда хошь иди — снег белый, звезды светят. Не страшно. Пошли они через Гуменную. Пройшли немного и снова туда же вышли. Приздумались, решили свернуть — и снова у речки оказались. Так всю ночь их кружило. Потом слышат, в Голошубиной петухи закричали, а они совсем в незнакомом месте оказались. Стали понемногу присматривать, к деревне вышли.

Сторона наша сибирская лесами богата. Стоит урман до самого неба, нет ни пути, ни проезда ни конному, ни пешему. А в урмане зверя всякого вдоволь: и соболя, и куница, и лось сохатый, и медведь косолапый.

Бродят по урманам мужики-охотники во всяку погоду. Что говорить? Охота хуже неволи.

Охотник и лесной

Жил-был один мужик, с малых лет по лесам бродил-охотился. И вот раз забрел он далеко в урман и вышел на незнакомое озеро. На том озере уток и гусей видимо-невидимо, в озере рыбы полно, а по берегам кедрач и стелется по кочкам сладкая ягода. Здесь же на берегу избушка, только в ней, видать, много лет никто не ночевал — до самой крыши мхом обросла.

Место мужику понравилось, дай, думает, здесь поживу маленько да поохочусь. И остался.

По полянам, по берегам таежных речек разбросаны охотничьи избушки. Невзрачны они, обросли травой и мхом.

В таких избах ночевать не всякий согласится, недаром без человека в них всякая нечисть селится. Придешь в такую избу — на ночлег попросись, а то хозяин среди ночи выгонит. Были случаи, когда люди на улице замерзали.

Но вот беда, разрешение-то на ночлег он не спросил. Только свет потушил, как давай что-то скрипеть, стали по воздуху ложки да кружки летать.

Мужик вскочил, огонь зажег — все на месте. Только лег — снова давай ему маячить. Так с огнем он всю ночь и просидел.

Только солнышко встало, позабыл он все и на охоту пошел. Целый день ходил, много уток настрелял. Пришел в избу уже затемно.



Как лег, стали снова ложки-кружки летать, и подле него кто-то стоит и сопит. Мужiku страшно стало. Думает, глаза открою, а передо мной стоит чудовище с рогами. Терпел он, терпел да как стрельнет из обоих стволов!

После этого успокоилось все немного.

В той избе, видать, лесной поселился, а мужик разрешенья не спросил — вот ему и маячило.

А вот другая история, но уже про водяных.

Водяной

В водяных утопленники превращаются, а потом других людей топят. У нас здесь худая речка — Бакалда. В ней много народу утонуло.

Рассказывают, в старину возили на поля навоз. Был август. А было жарко.

Один парнишка все ныл: «Хочу купаться...». Потом сели обедать, а он коня погнал да с коня-то в воду и нырнул. Нырнул — и нет его. Уходился.

Тут сразу побежали, невод закинули. Вытащили его, уже мертвого, только стали подымать, у него кровь пошла из носа и изо рта. И вот, говорят, с тех пор стала Бакалда худой речкой.

И еще вот что интересно, человек утонет, пробудет какое-то время в воде, потом пучить его начнет и выбросит. Женщины лицом вверх всплывают, а мужики лицом вниз.

Пашка Семена Федоровича утонул. Шел пьяный из Кугае-

На третью ночь мужик перед хозяином неведомым извинился, ужинать сел — его позвал, поужинал — крошек со стола не смел. Лег спать и чувствует — гладит его кто-то по лицу мохнатой лапкой... Назавтре мужик собрался и ушел. ...Был он после у того озера, только избы не было — спалил кто-то.

во, до Бакалды дошел, разделся и переплыть решил. Потом его потеряли, пошли искать, одежду на берегу нашли.

Сели двое в лодку и скоро его нашли. У них порода — все плешивые, лысина в воде блестит. Достали его. У него руки вытянуты и пальцы скрючены.

Кого найдут, а кого и не находят. Или кости где замыло, или точно водяной к себе взял. Вот одного мужика долго искали, к «знающим» ходили — все без толку. Потом он стал жене снится. «Не там, — говорит, — меня ищете. Я у Роголихинского моста на коряге сижу». Но его так и не нашли. Может, замыло где, может, водяным стал.

В пруду водяного раз видели. Шел мужик ночью из клуба. Мимо Бакалды проходил. Вдруг вода разошлась и кто-то лохматый на мостки вылез. Посидел и обратно в воду нырнул.

Зловещие мертвецы

Самые опасные покойники — те, кто на себя руки наложили. Их раньше даже на кладбище не хоронили, только за оградой.

Говорят, кто на себя руки наложит, то черту души отдаст. И еще говорили, что черти в аду на самоубийцах ездят, бьют их нещадно.

В Кугаево давным-давно задалась девушка Евдокия, или Дуся. Гуляла она с парнем Костей Субаревым. Всем Дуся хороша была, только родители у ней были бедные, а у ней самой был один недостаток — недослышала немного.

Решил Костя на ней жениться, повел ее домой. В сенках оставил, сам зашел и говорит матери.

— Мама, я буду на Дусе жениться.

А мать ему в ответ:

— Да на холеру тебе нужна глухая! Ты чо, нормальну себе не найдешь?

А Дуся в сенках все слышала. Побежала она домой и повесилась. Похоронили ее на Кугаевском кладбище.

Потом, говорят, все ночами Косте мерещилась. Любила, видать, его очень, да вот мать не дала вместе жить. Неизвестно, что бы потом стало. Но началась война — и убили Костю.

А еще случай был, задавился Федор Петрович. Задавился по глупости. Перевез он из Абызовой дом, поставили ему его. А сенки сам стал делать, да не выходит у него ничего.

Стали над ним смеяться, жена его Евдокия Егорьевна говорит: «Ты что за мужик! Сенки не можешь сделать!».

Он взял и задавился в новом доме.

Дом потом или освятить надо было, или разобрать и заново сложить. Вот как дерево, на котором кто-то повесился, надо срубить, а то еще кто-нибудь на нем задавится.

А про старину вот такое сказывали.

Умер один мужик. А дело было зимой. Немного погодя другой мужик, Антоном его звали, поехал за дровами на четырех лошадях. Дрова у него загодя были налыщены. Он лошадей привязал, стал на первую лошадь дрова складывать. Смотрит, на задней лошади мужик сидит, пальцем ему грозит и говорит: «Антон, я здесь». Антон развернул лошадей и домой пригнал.

С утра похолодало. Принес из ограды дровишек, затопили камин. Огонь разгорелся жарко, сначала съел тонкие щепочки, потом принялся прыгать по поленьям. Огненные змейки вьются, меж собой сплетаются.

Огненный змей, Таисья-солдатка и странник

В старину дело было. К одной бабе, Таисьей ее звали, повадился змей летать. Муж ее тогда в армии был.

Дознались соседи, что змей летает, хвост у него видели. Да вот еще что, днем баба ходит веселая, чем ближе к вечеру, тем грустней становится. Дальше больше — стала баба худеть, подглазки почернели.

Неладно дело. Пошли люди к «знающему» человеку. Он что-то пошептал, поплевал, велел Таисье, как змей прилетит, молитву творить.

Да только это мало помогло. Как змей прилетит, горит баба полымем, яблоневым цветом цветет. Никакая молитва в головушку нейдет. Начнет ему наговаривать: мил мой, сердешный друг, я без тебя вся иссохла, извелась.

А змею только того и надо. Таким красавцем покажется — девкам да бабам погибель. Ухватит бабу и в койку потащит.

Видят соседи, дело худо, баба словно помешалась. С утра убирается, оденет красиво платье, брови подведет и сядет под окошко змея ждять.

А проходил по деревне странник, в то время на богомолье пешком ходили, да и так всяких проходимцев много было.

Вот один тоже. Святым его считали. Он в колодец мочил-

ся, а люди темные ту воду пили, дескать, к святости приобщались. А ночью он к бабе полез, та турнула его. Тут уж все дознались, что это за птица.

Ну так вот. Таисья странника не приветила, не уважила. А он ей и говорит:

— Знаю, милая, о чем заботишься. Иссушил тебя змей ветряной. Совсем загинешь, если не откажешь змею от дому. Ведаю, что он красавцем подкатывает, а ты приглядишься: у него хвост, а в роте зубы острые и язык змеиный. Откажи ему от дома, а то погибель тебе.

В следующий вечер прилетел змей. Рассыпался над крышей искрами и в избу вошел. Молодым парнем сделался.

Усадила его Таисья за стол, стала потчевать. А сама глядит, он куски не жуя глотает, а во рту зубы острые и язык змеиный, а по лавке хвост так и стучит, так и бьет.

Выскочила Таисья изо стола и кричит:

— Узнала я тебя, гад ползучий, змеище подколодный! Убирайся из моего дому!

Осерчал змей. Налетел вихрем. По реке прошел, будто всю воду в себя вобрал. Через деревню прошел — крыши у домов посрывало.

В дом Таисьи залетел — дом загорелся. Прибежали соседи кто с ведром, кто с баг-

ром, да только потушить не смогли. Таисья, говорят, тоже сгорела. Змея больше не видела, а что за странник был, кто разберет, много их всяких тогда ходило.

Днем работали в огороде. В земле множество всевозможных черепков посуды, ржавые гвозди, стекла. Не один здесь в старину стоял дом, не одна крестьянская постройка — все изгрызло, перемололо время, но что-то осталось в глубине заветными кладами таиться.

— *Здесь богатых не было, — говорит бабушка Марья, видя, как я ковыряю лопатой очередной черепок, — а про клады здешние все неправда. Вон один дед тоже клад искал, разбогатеть хотел, так ничего и не нашел.*

Как дед Матвей клад искал

У соседей семья небольшая была: мать да трое сыновей, да еще старый дед Матвей, годами под девяносто лет.

Жили они бедно. Да, правда сказать, и деревня наша не из богатых была, песок да суглинок, вода за полверсты, а лес и сенокос и вовсе за сто верст. Недалече село, да и там жизнь не мед, церквушка и та обветшала, мохом поросла. Поп Филофей боялся в ней службу служить, чего доброго упадет на башку какая доска.

Так и жили. Без денег, без радости, и к Богу только по праздникам ходили.

Дед Матвей шустрый был — и пахал, и косил, а дружбу с попом Филофеем водил.

А вот у нас с попом Егор Иваныч дружил, он тятю был сродный брат. Да только одной поповой дружбой сыт не будешь.

Задумал дед Матвей клад искать. Дескать, ему отец ска-

зывал, что зарыт он на Зеленой гриве возле Чертовой ямы. И показывается тот клад только раз в году, в Иванову ночь, тогда и взять его можно.

Посмеялись семейные над дедом, а он, слышь-ко, все думку в уме держит, про клад думает.

Короче говоря, вечером пред Ивановым днем взял дед заступ, выпил для храбрости кружку араки и пошел задми-огородами на Зеленую гриву.

До гривы идти не далеко, не близко, версты две, не больше. Сперва через поля дорога вдоль речки, потом покосами на поскотину и в самую Зеленую гриву упирается. Пройдешь немного, тут тебе и Чертова яма. Поросла она осокой да камышом, ряской замутилась. Много всяких страхов про ту яму рассказывают...

Пошел дед Матвей не шибко, не скоро. С последней зорькой поле одолел и к речке вышел.

Течет речка в ивовых берегах. Остановился дед дух переvestи. Глянул, а по берегам костры горят, парни и девки над водой хороводы водят да песни поют.

Увидали деда, обступили, смеются. Гляди-ко, старый дед к нам пришел. А заступ зачем? Никак, он клад ищет.

Едва дед от них отвязался и дальше пошел. Два шага шагнул — снова хоровод. Ведут его девки, да такие, что глаз не отвести, а сами — словно только из воды выбрались. По волосам водица струится. Увидали деда, прыг в реку и нет их.

Дед сразу дотумкал, что это русалки были, и драть от реки. На луга выбрался.

В лугах просторно, хорошо. Травой пахнет. Белым конем месяц по лугам гуляет. Все бы хорошо, но видит дед, лезет на него кто-то. Сам — как копна сена, усы зеленые по аршину.

«Полевик», — догадался дед, ухватил посильнее заступ и луга на одном дыхании переманул.

И вот перед ним Зеленая грива. Стоит темный лес от зем-

ли до неба. В лесу шум, гам, а возле Чертовой ямы такие страхи, что и не расскажешь.

Но видит дед, что горит под одной березкой огонечек махонький, словно кто свечку зажег. Смекнул дед, что это клад и есть. Они, клады, в Иванову ночь как свечки открываются.

Тут уж его не удержать было, за заступ схватился, что земля комьями полетела.

Спустя некоторое время откопал дед ларь. Ухватился за него и дай Бог ноги.

Из леса убежал, поля переманул, уже к деревне повернул. Что за пропасть! Идет встречи поп Филофей. Взглянул на деда Матвея и строго так говорит: «Ты клад нашел, а со старым товарищем поделиться не желаешь».

Дед, душа простая, и отдал ему ларь.

«На, — говорит, — возьми, сколько хочешь».

Схватил поп Филофей ларец и с глаз пропал. Знамо дело, нечистый это был. Спихватился дед, да поздно было.

Домой пришел сам не свой. Долго переживал об этом, так и умер от переживаний.

К обеду на пробу вырезали грядку лука. Тугие золотистые луковицы рассыпали сохнуть на брезент возле грядок, а сами пошли обедать. На рассыпанный лук слетелись сороки, застрекотали, заругались от жадности между собой.

Я стучу по стеклу и ругаю сорок последними словами, а бабушка смеется — у нее готова очередная сказка, конечно, про сороку.

Вот сорока летела-летела да и села. Вот она сидела-сидела да и полетела. Вот она летела-летела...

Сорока

Говорят, в старину сорока человеком была. А как дело стало?

В наших краях жила в старину бедная вдова Клавдея. Была у нее дочь непутевая, робить не хотела, все бы пела да плясала.

Вот раз собирается дочь на вечерку, а мать что-то захворала, не пускает ее

Та все равно пошла, а Клавдея ей в сердцах и скажи: «Уведи тебя черт!».

Ушла девка и пропала. И на вечерку не пришла, и домой не вернулась.

Стали ее искать. Долго искали и все без толку — черт увел.

А к Клавдее стала сорока прилетать. Прилетит, знаешь, сядет на ворота и стрекочет. У бабы прям сердце рвется, как она изводится.

Что делать? Пошла женщина к «знающему» человеку, тот поворожил и сказал: «Это твоя дочь прилетает. Хочет, чтоб ты ее простила».

Нет сильнее проклятья против материнного. Видать, и девки той живой нет, а душенька томится, не попадет ни в рай, ни в ад.

— А как мне дочь свою спасти? — спрашивает Клавдея.

— А вот, — говорит колдун, — надо пойти в церкву и три ночи отстоять на коленях на молитве. Ежели осмелишься, то

стой и не оглядывайся, какие бы страсти тебе ни маячили.

Пошла Клавдея к попу и выпросила три ночи в церкви на молитве отстоять.

С вечера закрыли ее. Стала она на колени и начала молиться.

В полночь по церкви пошел шум. Вылезли из подполья черти и давай на Клавдею всякие страхи попускать, плакать, смеяться, кричать.

Клавдея молится и не оглядывается. Под утро показал черт ей в лапе сороку.

На другу ночь еще хлеще. Стало ей казаться, что в церкви пожар сделался, пламя так и пышет. А то вода в окна полилась.

Молится Клавдея и не оглядывается. Под самое утро показал ей черт дочь в сорочьих перьях.

А на третью ночь — совсем жутко. Почудились по углам всякие чудовища с острыми зубами и глазами огненными.

Страшно Клавдее, однако молится она и не оборачивается.

Под утро показал ей черт дочь человеком, как она есть. Клавдее бы обождать минутку, да кинулась она к дочери. Захохотал черт и исчез вместе с девкой.

А Клавдея после этого в монастырь ушла.

Еще другое сказывали, будто бы она в церкви не стояла, а

за дочь молебен заказала, и со-
рока больше не прилетала.

И еще похожее дело
было.

Раз парень на коне на вер-
шной в другую деревню поехал.

Вместе с конем пропал. Тоже
мать не слушал...

В наших-то краях, как солнышко закатится, за порог выйти опасно. Дедушка-суседушка в охапчике за печкой добрый, а в ограде дворовой — сердитый. Что не по нему, сразу то поленом в башку запустит, то грабли подсунет. А как на грабли наступишь, так череном по лбу и получишь, да так, что искры из глаз.

В огороде или под подъездом баня. Да только туда в потемках не ходи — задавит нечистый и под пол утащит.

А коль втельмяшишься в башку блажь после заката по воду сходить, тут уж будь уверен, что водяной на мостках караулит. До чего вредный старик! Как луна в полный свет станет, он и появляется. Сядет на корягу весь в тине. Увидишь — прячься, а то под воду утянет!

Хоть и пугают духи, но всяк покой и уважение любит. Ведь леса, поля, реки да озера — их владения, их дом родной, а в чужой дом кто без разрешения ломится? Вот поэтому водяному первую рыбку бросают, баннику или баннице после мытья веник, мыло и воду в шайках оставляют, а соседке на новоселье кедринку да еще мохнатого зверя — кошку, на богатый дом.

...Бабушка возвращается скоро и еще от порога бодро рапортует: «Баня готова. Можешь идти мыться. Белье я тебе направила, веник достанешь».

Я киваю, соглашаясь. Снимаю с шеи цепочку с крестиком. Так уж водится, что в баню с крестом не ходят, да и образов в ней не вешают.

Выхожу из дома и в остроносых «татарских» галошах на босу ногу шлепаю до бани. В старом доме баня стояла на берегу пруда. Дед и дедушка старенький (мой прадед) ходили туда в белых рубахах и штанах, отец и дядя после бани в пруд ныряли. Бывало, напоятся — и в воду. Барахтаются, дурачатся, так один раз чуть не утопили друг дружку.

Баня наша по-белому, а в старом доме была по-черному. Я помню, в детстве все мазался в ней — до того была закопченная. Сейчас новая, чистая.

В предбаннике оставляю на лавке белье и лезу на вышку, за веником. Веники заготовлены в неделю с Аграфены-Купальницы, развешены рядами попарно.

Я иду в первую смену, в самый жестокий пар. Так уж издавна повелось — париться в три смены: в первую мужики с банником в

крепости потягаться; во вторую, когда пар послабже, — бабы с малолетними детьми, ну а в третью — немощные или молодые семейные. Молодым мужу да жене — ни пар, ни мытье — целуются, любят. А в четвертую смену разве только «знающий» пойдёт — самое время для колдунов, когда всякая нечисть моется.

В бане настоящее пекло, забывшись, вхожу, как в избу, и тут же ныряю вниз — перевести дух на лавке, а уж потом лезть на полку. Запаренные веники пахнут березовым листом, в каменке рубинами светятся догорающие угли, в углах прячется полумрак.

...Возвращаюсь уставший, когда с неба глядит первая звездочка.

Бабушка Мария ждет за столом, где дымится на тарелке вареная золотая картошка, а в граненом стакане — самую малость — чистый, как детская слеза, крепкий дурманящий самогон.

На традиционное «с легким паром!» отвечаю благодарностью.

— Жарухватило? — интересуется бабушка. В глазах хитринка.

— Дахватило.

— Парился?

— Так, похлестался самую малость.

Скоро сажусь за стол. Первый тост «за здоровье» и, конечно, «за баню».

Банные истории

Баня всегда за нечистое место слывет. Настоящий хозяин никогда на месте сгоревшей бани дом не поставит, то клопы одолеют, то мышь погрызет весь скарб, а там жди и нового пожара.

Мне же один раз пришлось ночевать в бане. Тогда, на младших курсах института, охотились мы в октябрьскую с товарищем Ромкой Хильченко. Ушли тогда далеко, поэтому к деревне вышли уже под звездами. На ночлег расположились в бане, даже толком не спросив разрешения у банного хозяина. Я лег на лавку возле окна, а Ромка на полку, ногами к каменке.

Всю ночь скрипел снег под окном, что-то шуршало на

вышке, и казалось, что за дверью кто-то стоит и негромко вздыхает. Я от всего этого пару раз за ружье хватился, а случись, завыло бы что-то или кто в окно стукнул, так я бы мигом из этой бани вылетел, ни на секунду бы не остался.

Бабушка пожурила нас за такой ночлег. Ее история про мою прабабку и банные страхи.

Их в семье 10 человек было: шесть дочерей и четыре сына. Рождались они парами. Первыми дочери родились Агафья и Марья, через полтора года Анёдрей и Прасковья, потом Анна, Павла, двойники Фома и Прокопий, а самые младшие — Настасья и Алексей.

Жили небогато, но скота держали. Прабабка с сестрами ходили по найму, к татарам нанимались, к липовским, абызовским.

Жила прабабка в постратках у Степана Андреевича. Он у остяков рыбу покупал. Остяков тогда обдывали очень, за водку покупали.

Очень зажиточно жил Степан Андреевич. Мука у него ржаная была, а все белая пшеничная, крупчатка. В амбаре сахар четвертями стоял, еще говорят «сахарная голова».

Раз хозяева куда-то уехали, другая работница и говорит:

— Давай, Агафья, в бане на каменке блинов испечем.

Сказано — сделано, завели, пошли в баню печки. Тут кто-то приехал и стал в ворота стучать.

Прабабка пошла посмотреть, а когда вернулась, подруга без памяти лежит. Вытащила ее на воздух, та понемногу отошла, стала рассказывать.

— Вдруг, — говорит, — дверь открывается, ты заходишь и начинаешь меня давить. За что ты меня, Агафья, давила?

А давил-то ее банник, потому что нельзя в бане стряпать.

Спать ложимся уже под утро, все пересказано, переговорено. Светит месяц и звезды над нашим домом, над деревней и всей землей Сибирской.

*Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки — из прошлого тащим,
Потому что добро остается добром —
В прошлом, будущем и настоящем!*

А вот другая история. Дед мой сказывал.

Ворожили раз девки в бане, а ворожат на старый Новый год. Узнают девки, какой жених будет. Для этого в потемках к бане пойдут, юбки поднимут. Поглядит банник по девичьему заду мохнатой лапкой — будет жених богатый, а поглядит голой рукой, знать, судьба за бедного замуж идти.

Вот раз собрались девки ворожить, а парни про это узнали, подшутить решили. Спрятались в бане, ждут, что будет.

А девки у бани окошко выставили. Задрала юбки первая, погладили ее парни мохнаткой. Те рукавицы — мохнатки — из собачьей шерсти шьют.

— Ой, — говорит девка, — меня баннушко мохнатой лапкой погладил. Будет у меня богатый жених.

Другая юбки задрала. Погладили ее парни голой рукой.

— Ой, — говорит девка, — у меня бедный жених будет.

Подошла третья, только юбки задрала, как парни ей по заднице ремнем отетенили и бежать. А девки с воем в другую сторону — дедушка-баннушко осерчал.

Вот такая была ворожба.

Словарь местных слов и выражений

арака — самогон из муки, слабый после первой перегонки

божница — красный угол

«деревянный» **огонь** — древесный, или живой огонь, огонь, добываемый трением

дурничка — дурость, блажь

в позатом году — в позапрошлом году

вышка — чердак

дедушка-суседушка — домо-вой

дедушка-баннушко — банник

колдовка — колдунья

кукишка — кукиш

малопулька — малокалиберная винтовка

маячит — кажется

мирьба — замирение

назавтре — назавтра

отетинить — огреть

поскотина — пастбище

пай — участок сенокоса

постратка — работница

смёртная привязалась — заболела неизлечимой болезнью

содома-гомора — ералаш, беспорядок

Стуеное море — Ледовитый океан

урман — тайга

урок — сглаз

уходился — утонул (видимо, от слова «ушел», поэтому считается, что нельзя говорить «пошел за водой», а то уйдешь совсем, надо говорить «пошел по воду». — *Прим. П.Е.*)

шаять — тлеть

яр — высокий берег реки, обрыв



Анкета * анкета * анкета * анкета * анке

1 По моему мнению, краевед — это, во — первых, человек, который любит свою малую родину, во — вторых, пытается узнать ее историю сам и пробудить интерес к ее изучению у других.

Себя считаю скорее тюменеведом.

2 Примером для меня был мой дед Николай Васильевич Калугин,

хотя его и нельзя в полной мере назвать краеведом, но его любовь к Тюмени, не громкая и не показная, помогла мне серьезно увлечься историей родного города.

3 Все, что связано с Тюменью XIX — начала XX вв.

С. Кубочкин

Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени: Путеводитель. — Тюмень, 1999. — 336 с.; **Иваненко А.С. Окрестности Тюмени:** Справочник-путеводитель. — Тюмень, 1999. — 238 с.

Сохранение в сознании народа своей истории стало одной из сложнейших проблем XX столетия. Общая дехристианизация мира, утрата нравственных критериев как правил и основ жизни народа и каждого человека, технические возможности так называемых средств массовой информации привели к разрушению исторического сознания, к распространению невежества.

Фундамент наших исторических знаний — это устное предание, основанное на свидетельствах очевидцев, долгое время сохранявшееся изустно, а впоследствии записанное. Причем точная запись может быть сделана через пятьдесят и даже через сто лет. Препятствием для такой записи может быть или гибель народа, или социальная катастрофа, результатом которой явилось бы уничтожение огромного числа людей и одновременно навязанная насильно перемена мировоззрения. В нашем случае ничего подобного не произошло, напротив, историческая па-

мять сохранила даже с документальной точностью события тех далеких времен, о которых мы будем говорить. Поводом к настоящей заметке стала довольно частая публикация «историко-краеведческих» (без кавычек нам не обойтись! — **А.Ч.**) материалов горячо любимого газетой «Тюменский курьер» г-на А. Ивы. То он прогуливается по улицам Тюмени и просвещает всех нас, от куда, как и когда пошла то одна, то другая магистраль. То вдруг целыми полосами ведает нам о городских культовых постройках, нисколько не утруждая себя работой с первоисточниками, ибо в архивах областного центра просто не помнят, когда этот г-н был их гостем. Но тем не менее именно этому «краеведу» администрация города заказывает все новые и новые работы. Только в 1999 году увидели свет два справочника-путеводителя, принадлежащих его перу. А в начале прошлого года он открыл новый «путеводитель» на страницах излюбленной газеты под общим заголовком «История тюменских храмов»¹, удивляя нас псевдоисторичностью, беспринципной компилятивностью. И надо заметить, что г-н Ива давно утвердил за собой титул псевдоинформатора. Десять лет назад из-под его скрипуче-

¹ Тюменский курьер. 2001. 12 янв., 10 фев.

го пера вышел исторический очерк «Четыре века тюменского поля» (Свердловск, 1990. — 270 с.). Ради справедливости пора назвать его настоящее имя, ибо к истории сельскохозяйственного производства он имеет непосредственное отношение как кандидат сельскохозяйственных наук.

Александр Стефанович Иваненко (он же Ива) давно и упорно штурмует «заповедные» страницы краеведения, щедро и без всяких мудрствований вводя нас в заблуждение своей некомпетентностью, отсчитывая свой стаж в этой ипостаси с 1981 года, когда в Свердловском книжном издательстве вышла его книга «Вокруг Тюмени». С тех пор он кружит по заповедным далям...

Мы еще вернемся к началу нашего разговора, а пока перелистаем страницы его книги «Четыре века тюменского поля» с помощью рецензента журнала «Земледелие», уделившего пристальное внимание новой работе агронома-краеведа.

Рецензент не скрывает своего недоумения от чтения книги. В одном месте он пишет: «Можно поспорить с утверждением А. Иваненко, что развитие земледельческой техники в Зауралье «в значительной степени способствовали переселенцы. От них сибиряки-старожилы научились пахоте железными плугами вместо сох...». Это противоречит имеющимся в лите-

ратуре данным о том, что внедрение новой техники, особенно американско-канадских образцов, за Уралом происходило гораздо быстрее, чем в Европейской России»². В другом случае подчеркивается, что «вопрос об интенсивности использования земли за Уралом излагается в книге весьма сбивчиво. С одной стороны, утверждается, что русский переселенец был знаком с передовыми по тем временам паровой и трехпольной системы земледелия... Здесь есть противоречие: почему же «передовое» уступает «примитивному» и «древнему»? Утверждение автором книги о том, что в Зауралье крестьяне пахали землю и сеяли хлеб по русскому обычаю, «несколько противоречит сложившимся в исторической науке представлениям»³. И далее: «Допущена путаница в отношении ржи. Автор утверждает, что в Зауралье в начале XVIII века сеяли много яровой ржи, но к концу века она почти исчезла и была заменена озимой. На самом деле все было наоборот — исчезла не яровая, а озимая рожь...»⁴. Вообще же, завершая свой разбор, рецензент подчеркивает, что в этой книге «немало стилистических небрежностей, есть и фактические ошибки. На странице 95, например, утверждается, что «колмаки (калмыки) являются предками

² Земледелие. 1992. № 1. С. 76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

современных казахов. Ничего общего у этих народов нет, говорят на разных языках и исторические судьбы их различны».

Этот перечень можно было бы продолжить, но мы возвратимся к «новым» исследованиям г-на Ивы в области культовой архитектуры Тюмени, ибо студенты вузов нашего города просто безбожно конспектируют его исторические откровения. Так, относительно года постройки Всехсвятской церкви автор категоричен, считая, что она возведена в 1833 году, к тому же памятная доска, установленная на ней, вторит ему. Однако план на строительство каменного на месте деревянного храма, составленный тобольским губернским архитектором Праманом, был утвержден архиепископом Афанасием (А.Ф. Протопопов) лишь 27 сентября 1832 года, и за год храм никак не мог быть возведен. В двух первых церковных описях Всехсвятского храма (1839 и 1840 гг.)⁵ 1833 год указывается как начало строительства. Даже если г-н Ива не нашел времени познакомиться с документами Государственного архива Тюменской области (ГАТО), то следить за новинками литературы по интересующей теме краеведу положено по статусу. Он обязатель-

но должен был познакомиться с работой историка В.А. Курмачева о судьбе этого храма⁶. Но вот еще одна деталь: ссылаясь на работу Н.А. Абрамова, не узреть в его тексте дату постройки храма Всех святых, а она там присутствует, надо было постараться⁷. Именно у Николая Алексеевича Абрамова читаем дословно: «Кладбищенская во имя Всех Святых — каменная, приписанная к Ильинской, основана в 1833, освящена в 1838 году». Не знаем, какими источниками пользовался г-н Ива, утверждая, что «вначале она называлась церковью Сорока Мучеников». На основании архивных данных церковь Всех Святых была построена (деревянный вариант) по грамоте преосвященного Варлаама I (Петров) от 12 декабря 1779 года с тем именем, которое она носит и сегодня⁸.

О Всехсвятской церкви Тюмени, которой г-н Ива в своем газетном «путеводителе» уделил всего тридцать строк, читаем дальше: «В 1929 г. тюменские большевики не закрыли Всехсвятскую церковь, и она оставалась единственной действующей в городе»⁹. Действительно, в 1929-м не успели, а в конце 1930-х все же закрыли, используя ее под складские помеще-

⁵ ГАТО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 5. Л. 42. 47.

⁶ Курмачев В.А. Историческое обозрение о Всехсвятской церкви города Тюмени (1833—1998 гг.) — Тюмень. 1998. — 52 с.

⁷ Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. — Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 397.

⁸ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 56.

⁹ Тюменский курьер. 2001. 27 янв.

ния. И тут же, строкой ниже, читаем: «Кладбище закрыли в середине 20-х гг. XX века, и церковь стала приходской...».

Полнейший абсурд! Кладбище было закрыто в 1884 году как старое, заполненное могилами. Захоронение усопших здесь было запрещено и лишь в исключительных случаях допускалось с разрешения епархиального начальства¹⁰, а приходской церковью храм стал в 1922 году¹¹.

Не хватит площади журнала, чтобы перечислить все не-лепые сведения, подаваемые г-ном Ивой как исторические свидетельства. К примеру, относительно строительства Никольского храма села Утяшево, приписного к Никольской (Крестовоздвиженской) церкви. У краеведа-селекционера читаем: «В 1888—1889 гг., когда его построили... деньги на постройку дал известный сибирский делец Евграф Кухтерин»¹². А вот что говорится в Указе Тобольской духовной консистории от 17 июня 1887 года: Утяшевская Никольская церковь заложена 21 мая 1887 года томским первой гильдии купцом Евграфом Николаевичем Кухтеринным, а построена 29 мая 1888 года попечением его сына Алексея Евграфовича Кухтерина.

Чтобы не утомлять читателя дальнейшими примерами бес-

пardonного вранья г-на Ивы, напомним о его заявлении относительно переименования Знаменской церкви из приходской в соборную. Стоит заметить, что время этого события до сих пор многими «исследователями» трактуется в широком диапазоне: то забегая на 60 лет вперед, то отставая на 32 года (1850—1945 гг.). К примеру, в книге А.Ю. Низовского «Самые знаменитые монастыри и храмы России» (М., 2000. — 443 с.) говорится, что после реконструкции 1850—1862 гг. церковь обращена из приходской в соборную. Г-ну же Иве доподлинно известно (см.: Тюменский курьер. 2001. 20 янв.), что с открытием Знаменской церкви в 1945 году она стала соборной.

Так давайте дадим свидетельству события, газетному отчету от 10 сентября 1913 года, слово: «В Знаменском соборном храме, 8 числа, состоялось большое церковное торжество, по случаю переименования храма из приходского в соборный. Храм был наполнен молящимися... По окончании литургии протоиерей П.Н. Ребрин сказал прекрасную речь, посвященную истории церкви...»¹³.

Доколе же мы вынуждены будем наступать на грабли, подбрасываемые нам всезнающими «краеведами»?

¹⁰ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 357. Л. 2.

¹¹ Курмачев В. А. Указ. соч. С. 12.

¹² Тюменский курьер. 2001. 10 фев. С. 5.

¹³ Вестник Западной Сибири. 1913. № 194, 10 сент. С. 3.

Словцовские чтения-2001: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001. 180 с.; **Самодийцы:** Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г.). Тобольск-Омск, 2001. 314 с.; **Западная Сибирь: история и современность.** Краеведческие записки: Вып. IV. Тюмень, 2001. 160 с.; **От Ваха до Агана:** Эколого-краеведческий альманах. Тюмень, 2002. 224 с.

До недавнего времени на территории Тюменской области единственным центром, объединяющим краеведческое движение, был областной краеведческий музей («высокая» наука держала дистанцию, не выходя за пределы «башни из слоновой кости», то бишь вузовских и академических стен). Нынешние «Словцовские чтения», выросшие из ежегодной отчетной научно-практической конференции ТОКМ, представляют собой солидный форум, объединяющий преподавателей вузов, представителей академической науки, музейных сотрудников и любителей-краеведов. И если сборники тезисов первых конференций ТОКМ являли собой скромные брошюры, а подавляющее большинство авторов (из 30–40 участников) были научными сотрудниками этого музея, то на последних «Слов-

цовских чтениях» выступило уже 113 человек, в том числе — 21 сотрудник ТОКМ и 33 ученых из вузов и научных учреждений Тюмени, более 50 участников — приезжие. География гостей конференции достаточно обширна: Салехард, Ноябрьск, Нижневартовск, Сургут, Шеркалы, Омск, Ишим, Новосибирск, Барнаул, Иркутск, Заводоуковск, Ялуторовск, Кунгур, Курган. Тематика докладов даже в рамках одного раздела (а всего их — 5) разнообразна, как картинка калейдоскопа.

Подавляющее большинство докладов посвящено исторической тематике и охватывает период с конца XVI века до наших дней. Музейная специфика не утрачена (22 доклада в секции «Музееведение»), но все же несколько поблекла на фоне докладов ученых-профессионалов. Раздел «Природа края», вне всякого сомнения, необходимый в таком сборнике, выглядит все же несколько чужеродным: специфичная научная терминология и тематика тезисов понятны и интересны, пожалуй, лишь узкому кругу специалистов. В связи с этим думается, что наметившаяся тенденция преобладания в сборниках конференции высокопрофессиональных, но, в то же время, и узкоспециальных докладов способна изменить еще недавно столь демократичный облик «Словцовских чтений». Общее повышение научного уровня

докладов и все более профессиональный состав участников конференции оставляют за ее «бортом» любителей-краеведов (в 2001 году отбор — если он был — прошли лишь 10 человек). В конечном счете, сборник трудов конференции может выйти на высокий уровень вузовских и академических сборников, что, несомненно, повысит его статус, но заметно сузит круг заинтересованных читателей.

Иной и, на мой взгляд, более эффективный и перспективный, путь избрали организаторы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник при организационной поддержке Института истории и археологии Уральского отделения РАН, спонсорской помощи администраций ХМАО, ЯНАО и Тюменской области). Правда, сначала тоболяки (пединститут) совместно с ИПОСом провели в 1997 году первый и пока единственный Сибиро-Уральский исторический конгресс «Культурное наследие азиатской России», следуя общепринятой схеме. Но уже на следующий год в Тобольске состоялся первый Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири», посвященный сибирским татарам. Тематический принцип тоболяки успешно реализовали и

в последующие годы, проведя еще три Сибирских симпозиума («Обские угры», «Русские», «Самодийцы»).

В работе симпозиумов участвовали представители научных учреждений со всей России. Примечательно, что, несмотря на их достаточно широкий профессиональный диапазон (археологи, лингвисты, этнографы, историки), соответственно, предполагающий непонимание дисциплинарных аргументов представителями разных наук, вавилонского разноязычия не наблюдалось. Большинство участников пиршества (именно так с греческого дословно переводится термин «симпозиум», а это было настоящее пиршество научных открытий, обмен идеями) говорили живым, всем доступным языком. Подобные встречи представителей разных наук, занимающихся решением близких проблем, как показал опыт этих симпозиумов, способствуют заметному ускорению движения научной мысли. Сегодня тематический круг Сибирского симпозиума замкнулся, но четырехгодичный цикл, по мнению его идейного «трансформатора» Андрея Головнева и неумоимого «мотора» Алексея Нескорова, вполне естественно и закономерно предполагает возвращение к прежним темам, но уже на новом уровне, тем самым приближая нас ко все более адекватному пониманию исторических процессов, некогда происходивших в Западной Сибири.

Завершая свой беглый обзор состояния современного краеведческого движения в регионе, который недавно называли Тюменской областью (как сейчас политкорректно следует его называть, увы, не знаю), приглашаю читателя в глубинку, а точнее — в Нижневартовск. Сегодня этот город можно смело называть не только индустриальным, но и новым краеведческим центром в регионе: в прошлом году вышел в свет уже четвертый (!) выпуск записок «Западная Сибирь: история и современность». На первый взгляд, этот сборник заметно уступает по масштабам вышеупомянутым, но при более пристальном ознакомлении ясно просматривается его в целом высокий научный уровень и угадывается многообещающий потенциал. Сборники состоялись благодаря усилиям муниципальных учреждений «Библиотечная система» Нижневартовского района и «Библиотечно-информационная система» г. Нижневартовска, а также Нижневартовского государственного пединститута. Роль первой скрипки в нем играет научный коллектив НГПИ, ведомый профессором Я.Г. Солодкиным. Группа историков института задает тон во всех выпусках сборника, составляя основной блок статей научного профиля (раздел «История» занимает около половины объема из 7–10 разделов сборников). К слову сказать, эти же авторы весьма активно участвовали в работе «Слов-

цовских чтений» и Сибирского симпозиума. Научные интересы Я.Г. Солодкина и его коллег, правда, ограничиваются проблемами сибирского летописания и темой первоначального освоения Сибири русскими (к. XVI–XVII вв.).

Общесибирский «крен» в тематике исторических разделов с лихвой компенсируют статьи и заметки экологов и журналистов, посвященные, в основном, местной тематике. Последние, к сожалению, часто не вполне вписываются в краеведческий профиль сборника. В частности, вполне симпатичные сказки и эссе Н. Зинченко к этнографии или фольклору коренных жителей края имеют лишь опосредованное отношение, их жанр можно назвать «фантазией на тему», более уместную, наверное, в художественно-публицистических альманахах.

Похоже, организаторы серии «Записок» пока еще находятся в «поисках жанра». Это, кстати, заметно и по содержанию другого краеведческого сборника «От Ваха до Агана», посвященного исключительно местной истории. В нем совсем мало науки — преобладают статьи и заметки эмоционального характера, а предмет «разговора» — судьбы поселков, исторических памятников выдающимся и обычным людям, оставившим след в истории края. Большая часть материалов основана на документах и воспоминаниях (за исключением очередного открытия Н. Зинченко, да-

тировавшей хантыйские мифы и легенды эпохой плейстоцена, хотя наука утверждает, что человек появился на севере Западной Сибири позднее, в эпоху голоцена).

На мысль о «поисках жанра» наводит варьирование названий и численности разделов в разных выпусках. В этом отношении стоит отметить, что третий выпуск «Записок» выглядит более разнообразным и сбалансированным, нежели четвертый (пока последний), благодаря, в первую очередь, привлечению «импортных» авторов — В.А. Могильникова и

В.И. Семеновой, а во вторую — наличие этнографических (но не этнологических) статей В.И. Сподиной и Т.А.Исаевой.

Думаю, дальнейшие успехи и плодотворность нижевартовского краеведения все же требуют отказа от кимирсеновского принципа «чучхе», подразумевающего опору исключительно на собственные силы, и привлечения к сотрудничеству тех историков, археологов, этнографов и лингвистов, научные интересы которых в какой-то степени совпадают с тематикой «Записок».

Омельчук А.К. Частное открытие Сибири: Каждый сам открывает свою родину. Тюмень, 2001. 400 с.

В свое время я написал небольшую статью в региональную энциклопедию о человеке, который добился известности и дома, и в стране, и среди зарубежных гостей. Причем во всех своих ипостасях. Как журналист он по-своему хорош на телевидении, в радиозфере и «на бумажных носителях». И во Всемирной паутине не потерялся.

Задолго до всяких перестроек и реформ Анатолий Константинович Омельчук вникал в такие острые проблемы Тюменского Севера, нравственные и социальноэкономические перекосы нефтегазового освоения, что ду-

малось: как такое пропускали? В публицистическом поле он собрал более всего шишек.

Писательский билет СП РФ получил только в 1990 году. Хотя к тому времени, ведя «Арктическую разведку» «На полярных ветрах» с «Рыцарями Севера» на берегах «Соленой Арктики» и у «Салехарда», подчиняясь «Зову Арктики» и проникшись «Севером с большой буквы», сумел написать и увидеть напечатанными девять своих неплохих книг. Уровень Омельчука-писателя, очеркиста был куда интересней цеховой касты. Внешне она приветствовала моего героя, но песочек на рельсы сыпала только так.

Более всего Омельчук одинок в среде тюменских краеведов — публики разномастной, несобранной и ревнивой. Если

в остальных областях признание его трудов официально зафиксировано, то громадный массив свершенного в любимом процессе изучения континента «Sibirika» специальными наградами пока не отмечен...

Омельчук родился 27 февраля 1946 года в п. Могочино Молчановского района Томской области. В журналистике с 1965 года, еще до завершения высшего образования в Томском университете. Вехи трудовой биографии: окружное радио Таймыра, далее Ямал (1967–1987). В Тюмень переехал в 1987 году, став председателем областного телерадиокомитета. Коренным образом изменил содержание и стиль программ, открыл авторские передачи, сам подавал пример (разговор про «безнадежное литдело» — парадокс! — аналитические беседы с властью и знаменитостями, краеведческие радиоочерки).

В 1992 году, в очередной всплеск резких перемен, удержал на плаву свою структуру, стал президентом ГТРК «Регион-Тюмень». Она и сегодня лидирует в местных СМИ. И во многом именно Омельчук придал зрелищность, динамизм и общественный интерес творческим делам компании. Но ему с присказкой: «мне нравится авантюризм, который дает результат» и тут же: «мой идеал — искатель истины и пространств» — все мало. В 1991 году Омельчук инициирует межрегиональный фестиваль «Белые пятна истории

Сибири», в котором заняты все-российские звезды из числа деятелей культуры.

Он и сегодня часто появляется в эфире, ведет общественно-политические, историко-культурные и краеведческие передачи. Особо заметен цикл «Судьбы Сибири». Писать стал давно, печататься — с 1965 года. В 1978 году пришло широкое признание, Омельчука с тех пор регулярно публикуют центральная и региональная пресса. Как очеркист, публицист и литкритик он быстро вошел в число «своих» авторов журналов «Урал», «Сибирские огни», «Полярная звезда», «Дружбы народов», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний Восток», «Уральский следопыт», «Москва», «Октябрь», «Северные просторы», «Стерх».

За двадцать лет написал и издал одиннадцать книг. Удостоен литературных премий: Тюменского комсомола, имени П. Ершова, имени В. Муравленко, имени И. Ермакова. Одним из первых внятно и стильно раскрыл творческие пути Е. Айпина и А. Неркаги, Р. Ругина и А. Тарханова — да многих интересных писателей нашего Севера.

Заслуженный работник культуры РФ (1995), член-корр. Международной академии информатизации, эргсмейкер. Получил почетные дипломы РФ за достижения в области телерадиовещания.

Областная администрация дважды награждала Омельчука

как лучшего журналиста (1996, 1997). В 2001 году стал академиком Российской академии телевидения. И все эти заслуженные лавры — знак уважения к его личности: ходячей, письменной и эфирной Сибириаде, которая увлекла Омельчука в 1965 году: «Я проехал величайшие и прекрасные реки мира: Обь, Енисей, Лену и даже прихватил судохолдную часть реки Камчатки, увидел чеховский остров Сахалин, не раз проехал алтайскими долинами и пересек бесподобные Саяны, омыл ноги в хрустальных водах Байкала и испил из родников, рождающих родную Обь».

Он хотел написать книгу про Сибирь «Бедствие от богатства». Мучился вопросом: почему богатая сибирская сторона влачит полунищенское существование? Стыд России, всего человечества. Омельчук стал открывать Сибирь для себя, ибо, открывая родину в частном порядке, открываешь ее сообща. И с теми, кто ушел в мир иной, и кто сейчас в пути...

Так сложилась уникальная книга — «Частное открытие Сибири: Каждый сам открывает свою родину» (Тюмень, 2001). Автор, как обычно, в самом авангарде исследователей и литераторов, занятых самыми жгучими и увлекательными проблемами сильно возмужавшей в последнее время науки о Сибири.

Книга Омельчука замечательна тем, что автор освоил многие отрасли знания — от истории до прикладного искусствоведения.

Ведь только в ней читатель увидит собрание репродукций художников А. и Л. Гайнановых, нашедших в своей живописи мифологический мост связи между Верхним, Средним и Нижним мирами. Широта и глубина взгляда и оценок Омельчука оказались сродни творцам из Когалыма.

Энциклопедический характер штудий, путевых очерков и биографических открытий виден в поисках неутомимого «самохода», продолжающего складывать величественную мозаику Сибири. Сегодня в мире в чести культурологические откровения, синтезирующие современное гуманитарное знание. Его адептам нужны смелость, незаamorенность традициями, умение вести диалог. Этого у Омельчука с избытком.

Автор начинает, оттолкнувшись от негативных оценок предшественников, политиков, ученых. Он напоминает про труды наших областников (Потанин, Ядринцев и др.), еще в XIX веке говоривших о полуколониальном статусе Сибири.

Великий русский историк Ключевский удостоил эпоху первоосвоения Сибири небольшим абзацем в своем пятитомнике, озаботившись темными пятнами процесса, испугавшись столкновения России с Китаем. О дикой и темной Сибири писал Ленин. Передергивали плечами, наслушавшись про наш якобы мрак и холод, знаменитые А.К. Толстой и нобелевский лауреат Бунин.

Омельчуку такой масштаб не с руки. Он берет отметку в миллиарды лет, обозначив в своей личной культурологии Сибирь стрежнем космического миропорядка. Затем, пролетев на «машине времени» к отметке в три миллиона лет, осматривает в древней Якутии чоппер — рукотворенное орудие из камня. Далее — алтайское плато с ощущением ауры нашей працивилизации. Путешествие заканчивается (по книге) в пушкинском школьном музее в том самом поселке, где малая родина Омельчука. В гостях у преподавателя русской словесности Л. Пономаревой.

Исторический метод автора объективен, без крайних ныне ангажированных политкрасок, дабы показать деяния известных и стоящих того персон. Приятель Ленина обдорский ссыльный соседствует с адмиралом Колчаком. Адмирал, оказывается, был исследователем Арктики. Анархист и князь Кропоткин — с расстрелянным колчаковцами министром Временного Сибирского правительства А. Новоселовым — гуманистом, писателем и защитником инородцев.

Омельчук всегда к месту «качает» нам эрудицию, цитируя классические труды сибиреведов Миллера, Мессершмидта, П. Слоцова, Кастрена и др. На их основе увидено много нового, необычного. Возвращено право первородства инженеру-геологу В. Василье-

ву, еще в 1934 году в экспедициях в Югру составившему довольно точные карты месторождений. Тут Омельчук солидарен с незабвенным К. Лагуновым, тоже написавшим очерк о Васильеве. Он же напомнил про жестокую судьбу А. Андреева, за десять лет до официальной даты, еще в 1959 году, оконтурившего на полевых картах крупнейшее на планете Уренгойское газовое месторождение. Андреев назвал его Самбургским (по имени ненецкого поселения).

Довелось Омельчуку и заново открыть для нас путь в Русскую Америку, побывать под нынешним Сан-Франциско, где эмигранты — выходцы из России устроили нечто напоминающее Форт Росс — «рашен локаль», вызвавший у автора надежду на рывок Сибири в будущее. Реконструирован и Великий хантыйский путь, разгадано место в Метелево под Тюменью, где переселенцы завели первую сибирскую пашню, проложили первую борозду.

Выразительны страницы о попытке поднять восстание против пришельцев остяцкой княгиней Анной Кодской в начале XVII века. Запоминается рассказ о братьях Никитиных — живописцах Петровской эпохи, сосланных Анной Иоанновной в Тобольск. Добрался Омельчук до гигантского белого пятна — истории русской старообрядческой культуры. Поскольку

мне довелось познакомиться с ее литературными памятниками благодаря коллегам с исторического факультета Тюменского госуниверситета, скажу, что это удивительный и светочносный материк, соравный именам и произведениям знакомой нам с детства классики.

Омельчук не боится ломать консервативные редуты веков и называет Мирона Галанина, старообрядца, не только мучеником за свою православную веру, но и основоположником народной, свободной крестьянской литературы XVIII века, раскодируя потаенное имя.

В результате получилась книга-атлас, собрание сибирских, шире — всероссийских и глобальных уникамов, дарящих нам «движущуюся панораму» наших столетий. Это и диалог с читателем, в котором живость изложения не мешает научности, документально выверенным выводам. А там, где автор домысливает, реконструирует прошлое (хотя бы история про старца Федора — перевоплощенного императора Александра I, якобы оставившего трон ради несчетного добротоделания, и про возможный тайный вояж великого Л.Н. Толстого в Томск с целью разгадать тайну этого странника), возникает ощущение его правоты.

Книга Омельчука — настоящий подарок тюменскому

юношеству, ибо духовная энергия сибирских просторов, удачно сфокусированная автором, наводит надежные мосты между поколениями. Возможно, кто-то из местных краеведов найдет какие-нибудь ошибки и огрехи, знает иные версии прописанных событий. Мне в этом отношении с Омельчуком соревноваться трудно, поскольку более занимаюсь проблемами современной тюменской культуры. Общий свод я накопил, что и позволяет с радостью присоединиться к «частному» вкладу Омельчука. Он бескорыстен и щедр на «проценты» для всех ревнителей регионального краеведения.

В новом, уточненном издании (первое — 1999 г.) автор поместил неожиданную лирическую главку со своими стихами. И тут не сплеховал. Стихи — такая вещь, что достаточно иногда процитировать их вместо комментария, дабы представить интересный поэтический мир. Вот и завершим нашу статью многоговорящей миниатюрой Омельчука. Его кредо:

По-другому любить не умею,
По-другому любить не могу,
Ошалю.
Замру.
Устарею
И умру.
Дай, Господь, на бегу...

МАНДРИКА Юрий Лукич — родился 28 марта 1952 г. под Харьковом. Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах («Тюменские известия», «Нефть Приобья», «Тюменская правда»). Несколько лет возглавлял издательство «СофтДизайн». Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

За успехи в издательском деле удостоен премии им. В.И. Муравленко. В настоящее время возглавляет издательство.

Десятая муза меняет профессию

Вечный редактор первых номеров* журналов Анатолий Васильев вновь дебютировал с толстым, а-ля «Новый мир», журналом. На этот раз он называется «Врата Сибири». Памятуя о краеведческой направленности всех изданий, во главе которых стоял Анатолий Иванович, надо только радоваться. Крыша — государственная, распространение — беспроблематичное... Значит, всяк желающий ближе узнать родной край вполне сможет это сделать, почтывая «Врата Сибири».

Кстати, и рубрика «Краеведение» в номере обозначена. Но сама специфика журнала предпо-

лагает, что местная тематика в издании должна

превалировать. Поэтому несколько не удивился, когда под рубрикой «Десятая муза» обнаружил публикацию В. Субботиной «Михаил Степанович Знаменский» с расшифровкой: «Статья».

Тема небезынересная для автора этих строк. Приходилось участвовать в составлении тома «Исторические окрестности города Тобольска», готовить к публикации рукопись, хранящуюся в РГАЛИ «Пятидесятые годы



* Насколько я помню, «Сибирский тракт» закончился раньше, чем успели завершить публикацию романа А. Васильева. «Сибирское богатство» завершилось на пятом номере — увели название. В имени нового издания вновь обозначены контуры Сибири. Но опубликована информация, что финансирование «Вратам Сибири» уже «обрезали».

в Тобольске», вести переговоры с Рощевскими о публикации хранящихся в семейной коллекции части дневников тобольского художника и писателя.

Пробежав глазами публикацию искусствоведа В. Субботиной, узрел несколько неточностей. В журнале «Маляр» никогда не публиковалась «Моя поездка на кумыс: Клубные сонные грезы». В. Субботина называет серию карикатур «Поездка на кумыс». Дело не в полноте имени. Знакомый с творчеством Знаменского человек все-равно поймет, о чем идет речь. Автор статьи не упоминает о прижизненных отдельных изданиях карикатур, которые по тем временам были шедевром искусства типографики. Тогда и слова такого, скорее всего, не было, а две брошюры, изданные в типографии К. Высоцкого в 1875 г., нельзя и сегодня не заметить. И не только из-за раритетности изданий (экземпляры сохранились в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике), но особого подхода при издании. Обе книги напоминают отпечатанные с одной стороны листы, сброшюрованные на завершающем типографском цикле.

Поскольку был причастен к изданию «Исторических окрестностей города Тобольска», вроде бы неловко говорить о переиздании карикатур в 1997 г.

Статья меня взволновала фразой: «На обороте портрета

рукой *тобольского краеведа И. С. Абрамова*, много сделавшего для сохранения наследия...»...

Я понимал, что, с точки зрения этики, не имею права на такой эксперимент: надо идти с открытым забралом... Но эмоции заглушали все рациональное. И я позвонил:

— Меня очень интересует судьба тобольского краеведа...

— О, это очень известный тобольский краевед, — слышалось с другого конца провода.

— Мечтаю о нем написать... Может, что-нибудь подскажите о нем такое, без чего портрета не напишешь...

— О, о нем все знают...

Набор фраз для диалога был исчерпан обеими сторонами.

Мне действительно хотелось написать портрет злодея, который в тридцатые (?) годы, побывав в командировке в Тобольске, вывез архив всего, скорее, всех Знаменских и развеял по всему белу свету. Часть материалов попала в РГАЛИ, часть, говорят, в Алма-Ату, что-то досталось семье Рощевских... В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился документ о покупке материалов о Знаменских у Ивана Спиридоновича Абрамова. Т.е. «краевед» не просто сохранил, а торговал, преумножал свое отнюдь не культурное богатство...

При публикации «Пятидесяти лет в Тобольске» (Лукич. 2000. №1. С. 7–45) уже шла речь о том, что публикация осуше-

ствляется с рукописи, переписанной рукой племянницы автора — Н.М. Знаменской. Судя по тому, что для И.С. Абрамова вывезенное из Тобольска было товаром, сегодня можно предполагать только: сколько раз переписала «рука племянницы» незавершенную вещь...

В сегодняшнем номере публикуются отрывки из дневника Михаила Знаменского. Раньше эти материалы хранились в Пушкинском доме. Уже шла речь о том, как копии рукописи попали в Тобольск. Вот только в Пушкинском доме следы исходника на сегодняшний день обнаружить не удалось.

Вывезенные из Тобольска ради спасения, они исчезли пока бесследно, вернувшись на родину копиями. Насколько точными?

Кто этот злодей, лишивший провинциальный город того, что ему принадлежало по праву?

Известно о нем немного. Родился в 1874 г. В 1905 г. в «Живой старине» (вып. III и IV) была опубликована его работа «Черниговские малороссы. Быт и песни населения Глуховского уезда Черниговской области». Жил в это время на Васильевском острове в Петербурге. 27 ноября 1906 г.

был избран членом-сотрудником (т.е. работал по заданию общества) Русского географического общества. В РГАЛИ сохранилась вырезка из газеты 60-х о 90-летнем юбилее старейшего краеведа на Украине. Но ни в одной из украинских энциклопедий имя И.С. Абрамова не значится.

В каталоге Русской государственной библиотеки — около двух десятков наименований его книг*. Начиная с беллетристики и воззрений на жизнь неплюевцев до брошюры по истории края (любого) и каталога картин, подготовленного всеядным И.С. Абрамовым к печати.

Как он попал в Тобольск? Думаю, что и сегодня это немаловажно. Ибо, уточнив причины приезда, лиц, командировавших «краеведа» в наш край, мы, может, и сумеем узнать, сколько рук было у племянницы Знаменского?

Ну а в отношении десятой музы?

Очень жаль, что теперь она всегда в продаже, особенно в канун всяких юбилеев. Для многих главное, чтобы было красиво, а вот по существу ли... Как мы уже заметили, десятой музе, стоящей у врат Сибири, это безразлично...

Вот только некоторые из них. В культурном скиту: Среди неплюевцев. Спб., 1902; Царь Максимилиан: Святочная комедия. Спб., 1904; Городецкий музей Вольнской области. Спб., 1906; Деревенские очерки. Спб., 1907. Поездка на Стародубье. Спб., 1910; Что говорят забытые могилы. Спб., 1912 (1927). 175 с.; В культурном скиту: Процветающая коммунистическая община. Спб., 1914; и др.

Валерий Александрович Чупин родился 30 июля 1962 г. в г. Ишиме. Закончил исторический факультет ТюмГУ, работал учителем в школе. Публиковался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», «Архитектурном наследстве». В настоящее время — старший научный сотрудник отдела фондов Тюменского областного краеведческого музея. Постоянный автор журнала «Лукич».

Где жила Павла Петровна?

Я не могу просто и однозначно ответить на этот вопрос. Если б мог, то не ставил бы его в заголовок этой публикации. Ответить непросто, но всё-таки я попытаюсь, иначе зачем было всё это затевать. Павла Петровна жила в Иркутске, во Владивостоке, на Алтае, в Новосибирске, в Томской области. Доводилось ей с мужем бывать и в Москве. На паспорту одной из её фотографий написано: «1885 г. Москва. Фотография И. Курбатова. Большая Лубянка, дом кн. Голицына, № 62, близ Софийки». В общем, поездила она немало. Зачем ей нужно было столько странствовать или почему она вынуждена была столько скитаться, мы говорить здесь не будем. Это тема другого, следующего рассказа.

Сразу после войны, когда Павле Петровне было уже далеко за 70, они с 7-летней внуч-

кой Наташей ехали в Москву. Однажды ночью девочка почему-то проснулась

и увидела, что бабушка стоит у окна, смотрит на перрон и плачет. Станция называлась «Тюмень». Внучка, конечно, не поняла, что было причиной бабушкиных слёз. Спрашивать не стала, не принято это было у них — задавать лишние вопросы. «Спи-спи...» — тихо сказала бабушка, и внучка, покорно выполнив повеление, уснула и забыла про станцию и про слёзы. Никогда раньше не слышала Наташа этого слова «Тюмень», но оно почему-то осталось у неё в памяти, не в «оперативной», которой «пользуются» каждый день, а там, глубоко, откуда иногда что-то вдруг



всплывает С бабушкой они прожили вместе ещё почти 10 лет, но никогда больше о Тюмени Наташа от нее слышала.

Много лет спустя Наталья Александровна узнала, что дядя Лёша, Алексей Петрович, самый младший из сыновей бабушки и мамин брат, как-то «хвастал» своей дочери Ирине, что маленьким сидел на руках у самого Распутина, что в детстве жил у деда на колокольном заводе в Тюмени. Ещё он рассказывал о том, что в 50-х или 60-х годах съездил в Тюмень и в их доме обнаружил то ли техникум, то ли школу.

Какая Тюмень? Про Тюмень она ничего и знать не знала, и думать не думала. Наталья Александровна рассказала о своих сомнениях мужу. Он ответил, что это бред какой-то, что мало ли чего они там сейчас напридумывают. «Но ведь придумать такое невозможно. Приврать такое тоже нельзя», — мысль эта не давала ей покоя. Тогда, наверно, Наталья Александровна вспомнила и тот послевоенный поезд, и бабушкины слёзы, и Тюмень. Она решила написать письмо в Тюменский музей. Целый год не было ответа. Тюмень молчала. А потом Катя Лахно вышла из декретного отпуска и ответила. Шёл 1994-й год.

«Бабушку никто и никогда не называл бабушкой. Все уважительно величали её Павлой Петровной. Я никогда не виде-



П.П. Воробейчикова.
1885, г. Москва

ла её неряшливой, неопрятной, непричёсанной, даже дома, без посторонних. Никогда она не носила никаких халатов. У неё всегда было строгое платье с белым воротничком. Когда что-нибудь готовила на кухне, то просто надевала фартук». Было в ней что-то непростое, особенное, величественное, «царственное», какое-то благородство, достоинство. Впрочем, для маленькой внучки в этом не было ничего невероятного. Привычное ведь не удивляет. Это теперь она многое понимает, «глядя» на бабушку уже взрослыми глазами «Вот это фотография 1937 года, такой она и

оставалась до смерти. Она совсем не менялась».

Павла Петровна Воробейчикова родилась в 1869 году в Тюмени в семье Петра Ивановича Гилёва, тюменского купца 2-й гильдии, промышленника, представителя славной тюменской фамилии, которая известна с XVII века. В XIX—начале XX веков именем колоколов Гилёвы прославили Тюмень далеко за пределами России. Павла была единственной дочерью Петра Ивановича и его второй жены Татьяны Дмитриевны. Кроме неё, в семье было ещё пятеро сыновей. Два старших брата Павлы Петровны Александр и Константин¹ были «свидетелями» — поручителями на её свадьбе. Павла Петровна вышла замуж 16 января 1887 г., ей было 17 лет, а жениху, Петру Константиновичу Воробейчикову, «екатеринбургскому мещанину Пермской губернии, жителю стуюющему в Тюмени» — 29.

Тюменская купеческая дочь-единоверка стала православной екатеринбургской мещанкой. Кто сейчас ответит, что это было — любовь или отцова воля. Скорее, последнее. Кто тогда выходил по любви? Но так или иначе Павла Петровна не раз гово-

рила внучке, что прожила с дедом счастливую жизнь. У них родилось 11 детей. Четверо из них умерли во младенчестве, двоих — Андрея и Игнатия — убили на первой германской. Последняя коллективная фотография семьи, на которой запечатлены Георгий, Михаил, Сергей, Алексей и Ольга вместе с Павлой Петровной, была снята в 1934-м.

Бабушка рассказывала Наталье Александровне, что дед мог себе позволить иной раз «красиво пожить». Эти его «наклонности» пресекались Павлой Петровной, которая говорила мужу, что незачем тратить напрасно деньги. Звучало убедительно. Она была не просто женой при муже, домохозяйкой, матерью детей, она была хозяйкой. Тюменская Васса Железнова — такой я её представляю, только личного счастья ей выпало в жизни побольше. И горя тоже. Пётр Константинович скончался 13 сентября 1914 года, когда получил известие о гибели сына Игната.

П.К. Воробейчиков владел пимокатным заводом в Тюмени² и в Омске, занимался торговлей сельскохозяйственными машина-

¹ Александр (1865—1890), умер в возрасте 25 лет от паралича, Константин (1866—1915).

² По одним данным фабрика валяной обуви в Тюмени образована в 1907 г., по другим — в 1908-м. На заводе работало 100 мужчин и 18 женщин, годовой оборот заведения составлял 200000 рублей. Производство было фабричным, с паровой машиной и электрическим освещением. Продукцию, получившую высшую награду на Первой Западно-Сибирской выставке в Омске в 1911 г., Воробейчиков сбывал по всей империи. Кроме валенок, завод выпускал шапки и картузы.



П.П. Воробейчикова.
1937

ми. В 1913 г. он служил агентом Северного страхового общества. У Павлы Петровны было своё собственное имущество и своё собственное дело. И вообще, в городе как-то больше известна была она. Во всяком случае в справочной литературе и в офи-

циальных документах начала XX века чаще встречается фамилия Воробейчикова, а не Воробейчиков и не Воробейчиковы.

Семейство Воробейчиковых было одним из самых богатых в Тюмени. В 1911 г., например, недвижимое имущество Павлы Петровны оценивалось в 67880 руб.³ Превосходили её в этом только Текутьев, Логинов и Собенников, да и то ненамного⁴.

Так где же всё-таки жила Павла Петровна? Начнём с детства. Поскольку родилась она в семье Гилёвых, следовательно, её отчий дом — дом Гилёвых.

Дом Гилёвых на Царской

Самым известным домом Гилёвых сегодня можно считать дом, который стоял на углу Семакова и Республики, там, где скверик-газон перед главным зданием университета. Этот дом запечатлён на открытках, на фотографии-панораме Тюмени, сделанной с колокольни Знаменского собора. Это один из самых ранних снимков Тюмени середины — второй половины 1870-х гг. (в письме Гилёва Семёна Семёновича — сына Семёна Петровича

³ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 690а. Л. 66.

⁴ Чтобы стало понятно, что это за сумма, приведу оценку недвижимости некоторых других известных в городе имён: Гилёвы Константин и Семён — 13500, Багаев Александр Андреевич — 27678, Брюханов Михаил Алексеевич — 60000, Дементьев Михаил Ефимович — 1040, наследники Давыдовского Николая Ивановича (дочь Софья Николаевна Васильева) — 25150, Давыдовская Надежда Михайловна — 17400, Жернаков Василий Лаврович — 37000, Колокольниковы — 23005, Колмаков Антон Васильевич — 10500, Колмогорова Ф.С. Н-ки — 29987, Товарищество «Братья Колмаковы» — 47400, Машаров Н.Д. — 25000, Торговый дом «Собенников и братья Молчановы» — 70500, Вас. Логинов — 70800, Текутьев А.И. — 73620. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 690а.)

Гилёва, который передал эту фотопанораму в ГАТО в 1973 г., — снимок датирован 1883 г.). Сомнения в правильности датировки вызваны тем, что на фотографии ещё нет здания реального училища, на его месте ещё только видны фундаменты будущего здания. Общеизвестно, что ТАРУ было открыто в 1879 г., следовательно: 1) либо фотография сделана раньше 1883 г., до 1879-го; 2) либо ТАРУ построили позже общеизвестной даты «1879 г.», после 1883-го. Кстати, Н.М. Чукмалдин в статье «Г. Тюмень», опубликованной в газете «Сибирский листок» в 1893 году, писал, что «училище реальное десять лет как уже открыто и прекрасно выполняет свою задачу»⁵. Не более 10 лет, не 14 лет, а именно 10! Это, разумеется, не доказательство, но всё-таки какой-то штрих и, может быть, даже важный; во всяком случае безразлично к нему относиться не будем. Обратим на него внимание, тем более что есть и другие источники, подливающие масло в огонь наших сомнений по поводу правильности датировки фотографии и постройки ТАРУ.

В 1885 году 15 апреля тюменский купец Сергей Григорьевич Гилёв обратился в городскую управу за разрешением пристроить «к существующему 1-этажному каменному дому парадное крыльцо с зонтом, согласно чертежам». Разрешение было получено. Чертеж С. Гилёву выдали, или возвратили⁶. Жаль только, что чертеж не сохранился среди документов управы. На фотографии этот «зонт» виден. Но дата!!! 1885 год. — ??? А как быть с датой фотографии — 1883 г. и с датой ТАРУ — 1879 г.?

В письме С.С. Гилёва (жил в Свердловской области, Тугулымском районе, рабочем посёлке Ертарском, ул. Школьная, д. № 2. 4 июня 1973 г.) написано, что фотография «принадлежала Гилёву Сергею Григорьевичу, бывшему владельцу усадьбы и 2-этажного дома угол Республики и Семакова⁷. В конце XIX столетия после смерти Сергея Григорьевича дом перешёл во владение наследников — племянников Гилёвых Семёна Петровича и Константина Петровича и вдовы Сергея Григорьевича⁸. Фотография находилась в за-

⁵ Н. Чукмалдин. Г. Тюмень // Лукич. 2001. № 4. С. 79.

⁶ ГАТО. Ф. И-1. Д. 384. Л. 10об.—11.

⁷ У Сергея Григорьевича был ещё один дом на Царской, около единоверческой церкви. «Дом Гилёва по ул. Республики 29/31 арендован до 21 декабря 1921 г. Торгово-промышленным товариществом «Экономия» (в т.ч. и дом единоверческой церкви)». ГАТО. Ф. 141. Д. 23. Л. 24.

⁸ В именных списках Троицкой единоверческой церкви 1837 г. написано, что Сергей Григорьевич (1816—17 сентября 1895) жил с матерью Анной Афанасьевной Гилёвой (1785 г.р.), женой Григория Ивановича Гилёва и сёстрами Марфой 24 лет и Матрёной 12 лет в доме дяди Василия Ивановича Гилёва. В 1871 году, 12.09, он, 56-летний, вторично женился на вдове 31 года Пелагее Михайловне Вагановой (в девичестве Поспеловой).



Семья Воробейчиковых: (стоят) Сергей, Игнат, (слева направо) Георгий, Петр Константинович, Ольга, Алексей, Павла Петровна, Михаил. 1912

нимаемой квартире вдовы. После смерти ея была у моего отца Гилёва Семёна Петровича, мы жили после революции и освобождения города от белых в бывшей квартире жены Сергея Григорьевича. С 1930 г. фотография была у меня, последнее время я жил в Ергарском рабочем посёлке Тугулымского района. Так как она имеет некоторый интерес — показательна, как развивалась Тюмень, поэтому я передаю её в архив. С. Гилёв».

В 1898 г. дом на углу Царской ул., № 13 и Царской площади, № 6 принадлежал Гилёву Семёну Петровичу⁹. В документе 1918 года тот же дом, но по адресу: Республики — Подаруевская, 13/14 записан за Гилёвыми Константином¹⁰ и Семёном Петровичами¹¹.

В доме Гилёвых на Царской одновременно занимали «квартиры»: 1) редакция еженедельной газеты «Ермак» (с 1911 г.) под руководством редактора и изда-

В 1890 г., 24 сентября, тюменский 2-й гильдии купец Сергей Григорьевич Гилёв написал в управу заявление с просьбой построить при Свято-Троицкой единоверческой церкви деревянный 1-этажный флигель. ГАТО. Ф. И-1. Д. 388. Л. 72—73.

⁹ ГАТО. Ф. И-1. Д. 462.

¹⁰ Константин Петрович умер в 1915 году.

¹¹ ГАТО. Ф. 141. Д. 22. Л. 2 об.

теля Алексея Максимовича Афромеева, его же заочные курсы игры на гитаре, склад музыкальных инструментов «Сибирская лира», где имелись «заграничные гитары, мандолины, скрипки, рояли, пианино, граммофоны, патефоны и ноты», редакция аф-

ромеевского же музыкального журнала «Аккорд»; 2) магазин Валентины Петровны Шитовой «Посуда, лампы, обои» и 3) магазин Рахматуллина С.В. — «свежие фрукты, кондитерские, гастрономические, бакалейные и табачные товары».

Сомнительное отступление

Где находился Клуб приказчиков в 1900 г.?

Часть 1

В «Сибирской торговой газете» (СТГ) за 10 октября 1900 г. Воробейчикова П.П. доводила «до сведения гг. покупателей, что её магазин из дома Н.Г.¹² Ядрышников с 15 сего октября переводится в собственный дом, рядом с Приказчицким клубом». Если бы газета была датирована 1910 годом, то никаких вопросов не возникло бы, поскольку Клуб приказчиков в то время (с 1910 г.) располагался в доме Шайчиков, на месте нынешнего концертного зала имени Гуляева (филармония), а рядом с ним, на углу Иркутской и Царской, был дом (один из домов) Воробейчиковой. Но где находился клуб в 1900 г., мы, к сожалению, пока не знаем, поэтому точно сказать не мо-

жем, куда же всё-таки переехал магазин Павлы Петровны, в какой именно её собственный дом.

В 1890 г., например, тюменский *приказчицкий* клуб помещался в «наёмном доме Бровцына¹³, имел сцену и декорации для спектаклей и кроме того весьма значительного собрания библиотеку, насчитывающую до 5000 томов»¹⁴. Но мы не знаем, какой из домов Бровцына имелся в виду и где он находился¹⁵. Так что эта информация тумана не рассеивает, тем более что ни один из домов Бровцына не соседствовал с недвижимостью Павлы Петровны. Итак, где же находился клуб в 1900 г.? Хотел было написать, что не знаю, и это было правдой до сегодняшней ночи, а теперь — уже

¹² Может быть, здесь опечатка. Наверное, здесь должна стоять буква I, поскольку отчетство Ядрышников, о котором, видимо, идёт речь, — Иулианович.

¹³ Календарь Тобольской губернии на 1891 год. Тобольск: Издание Тобольской губернской типографии, 1891. С. 120.

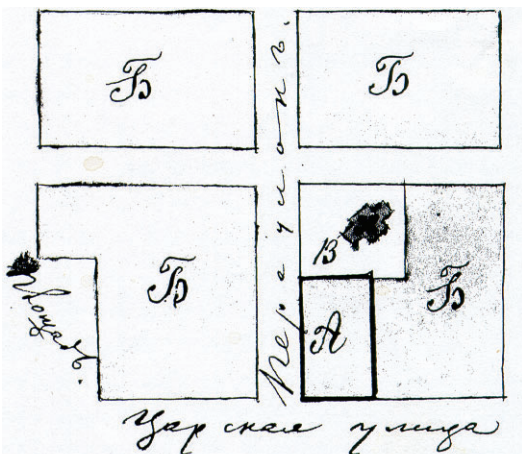
¹⁴ Клуб в 1890 г. имел 8 почётных и 98 действительных членов. Делами клуба заведовал совет старшин под председательством Николая Михайловича Глизмана. К 1 янв. 1890 г. в кассе клуба числилось наличных денег 739 руб. 91 коп.

¹⁵ Дома тюменского мешанина Бровцына Сергея Степановича находились по адресам: Володарского, 14 (1925 г.), Садовая, 32 (1912 г.). У Бровцына были также дома на Успенской, Серебряковой улицах, на углу Садовой и Царской. Где именно располагался клуб, пока неизвестно.

нет. Так что я поменяю формулировку: я знаю, но не скажу (пока)¹⁶.

Часть 2

Я передумал не говорить. Я скажу. Вот «Сибирская торговая газета» за 13 января 1900 года. Опубликовав сто лет назад самую обыкновенную и не слишком приметную заметку, она помогла мне только что сделать «открытие». Заметка была такая (публикуется в сокращении): «Не мало ещё неприглядных строений на Царской улице но более других режет взоры неуклюжее здание на углу Царской и Подаруевской улиц *против клуба* и дома г-жи Брюхановой¹⁷. Казалось бы угловое место на главной улице города давно должно бы быть занято каким-нибудь магазином Дом принадлежал мещанам Пелымским, последний из них Иван Степа-



Выкопировка из утвержденного плана
Тюмени. Конец XIX века.

Угол Царской и Подаруевской.

- а) Место Багаева, бывшее Войнова:
3-этажный каменный дом
в) Знаменская церковь

нович Пелымский (ум. 1879 г.), остались сёстры его мещанка Чмутина и чиновница Сергеева (ум. 1885 г.)»¹⁸.

Итак, на каком из четырёх углов перекрёстка указанных выше улиц располагался этот безобразный дом Пелымских, нам известно доподлинно. На том, где в 1930-х построили дом «Ре-

¹⁶ Имею право. Такая манера достаточно широко распространена в нашей краеведческой среде. Впрочем, я не удивлюсь, если об этом *уже ещё* кто-нибудь знает. Не важно. Так даже смешнее. Чтобы потешиться моему самолюбию, достаточно и того, что этого не знают В.Е. Копылов, Н.А. Томилов и другие очень уважаемые мною авторы. Да и Тюменскому краеведческому музею, который ведёт свою родословную с момента первых публичных демонстраций словцовских коллекций, тоже, думаю, интересно было бы знать, где именно он «родился».

¹⁷ Брюханова Августа Флегонтовна, её наследники — сын Брюханов Пётр Александрович и дочь (?) Фотинья Александровна Гирман.

¹⁸ СТГ. 1900. №4 (13 янв.).

конструктор», где в 1970–80-х был бар «Молочный» (на студенческом жаргоне «Молокан»), а ныне хозяйничает «Сибирь Полис». Этот «режущий взор неуклюжий» домишко остался в веках на фототюпке начала XX века. Открытка опубликована в книге «Тюмень глазами», но я, к сожалению, не могу привести здесь точную сноску на это издание и указать страницу, где искать снимок, потому что страницы в книге почему-то не пронумерованы.

Напротив него (дома Пельымских), там, где раньше стояла «Семаковка» (университетское общежитие № 1), бывшая до революции домом господ Брюхановых, а в 1930-х гг. тюменским филиалом НКВДы, сейчас стоит новенький информационный центр университета с одним из модных ныне городских бигбэнов на угловом фасаде и с какой-то уж сильно громоздкой серой крышей.

По диагонали (наискосок) от дома Пельымских когда-то стоял дом купца Сергея Григорьевича Гилёва и его наследников (см. выше).

Четвёртый угол перекрёстка занимал дом Александра Андреевича Багаева, где в 1900 году,

если верить газете, и развлекались тюменские «прикащики». А рядом с бывшим клубом-домом Багаева до сих пор стоит и украшает Тюмень дом Павлы Петровны Воробейчиковой (Республики, 15). Дом Багаева, к счастью, тоже сохранился (Республики, 13). К чему это я клоню? Да к тому, что в доме Шайчиков клуб находился последних лет 7–8, не больше, а сколько он проживал в доме Багаева? Думааа, не меньше. Притом в юбилейном 1967-м, филармония изукрасила «шайчиковский» клуб до неузнаваемости, а этот, «багаевский», стоит практически в неиспорченном «цивилизацией» виде. Не пора ли, господа, прибавить новую доску?! И ещё одно «открытие», и ещё один повод для доски: известно, что в 1879 г. клуб арендовал помещение в доме купца Войнова¹⁹, где, кстати, впервые были выставлены словцовские коллекции. *Так вот, дом Багаева и дом Войнова — это одно и то же здание.* В ГАТО имеется документ (к сожалению, без даты, ориентировочно конца XIX века) с планом «дворового участка купца А. Багаева, бывший Войнова»²⁰. Следовательно, клуб напротив безобразного дома Пельымс-

¹⁹ Томилов Н.А. Тюменский областной краеведческий музей // Хозяйство русских в коллекциях ТОКМ. Тюмень, 1994. С. 12.

Каталог музея при ТАРУ. Тюмень, 1905.; ГАТО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 79. Л. 18–28 (данные о ГАТО требуется уточнить. — *Объявление автора*).

²⁰ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 9. План дворового места Александра Андреевича Багаева, ранее принадлежавшего Войнову. 3-этажный дом с флигелем, баней и службами. Улица Подаруевская названа просто проулком. Рядом — Знаменская церковь, напротив — застроенный квартал с домом Гилёвых, за ним — площадь (Александровская, Царская).

ких, рядом с магазином Воробейчиковой, дом Багаева и дом Войнова, где в 1879 г. Словцов впервые в Тюмени выставил свои сокровища, — это всё один и тот же дом по нынешнему адресу Республики, 13 (угол Семакова).

На то, что клуб находился именно здесь, косвенно указывает и тот факт, что летом для своих увеселительных «мероприятий» «клубцы» использовали не какой-то иной частный сад, которых в городе было немало, а именно сад Гилёвых, располагавшийся напротив. Помоему, всё очень логично. Этим садом «прикащики» продолжали пользоваться вплоть до 1911 года, пока не решили разбить свой собственный на берегу Туры, между Благовещенским собором и домом Плишкиных (тогда Гостинодворская площадь, 2, а ныне Республики, 1).

Дом Гилёвых на Войновской- Серебряковской

С клубом мы разобрались, а где же всё-таки жила Павла Петровна?

Если вы поняли, отец её Пётр Иванович Гилёв прямого отношения к дому Гилёвых на Царской, то есть к дому своего двоюродного брата — ровесника Сергея Григорьевича, не имел. К сожалению, где жила его (Петра Ивановича) семья и где появилась на свет Павла



Павла Петровна и Петр Константинович Воробейчиковы.

1888, г. Тюмень

Петровна, точно сказать пока невозможно, хотя есть одна гипотеза. В перечне тюменских домовладельцев за 1898 г. домом наследников П.И. Гилёва назван деревянный 2-этажный особняк с усадьбой по адресу: Войновская, 3, Серебряковская, 7²¹. Если верить документу, там жил Константин Петрович Гилёв, старший брат Павлы Петровны.

В 1900 г. тюменский купец Константин Петрович Гилёв сделал запрос в управу о разрешении ему пристроить «деревянного жилого помещения на каменном фундаменте к суще-

²¹ ГАТО. Ф. И-232. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13 об.

ствующему полукаменному дому Наследников П.И. Гилёва в I участке по Войновской и Серебряковской ул.»²² (дом не дожил до XXI века, ныне на этом месте за бетонным забором стоит новый 2-этажный особняк модной архитектуры и с журавлем на фасаде по ул. Кирова, при пересечении ее с Советской). Мне думается, что именно этот дом и был родовым гнездом Гилёвых — Петра Ивановича и его детей Константина, Семёна, Павлы и других²³.

На мысль о «гнезде» меня наводит и тот факт, что наискосок от дома брата (Серебряковская, 8, Войновская, 6)²⁴ жила какое-то время (может быть до начала XX века) и сама Павла Петровна с семьёй. Впоследствии дом стал использоваться как доходный, но оставался собственностью Воробейчиковых до самой революции²⁵.

Дом Павлы Петровны на углу Советской и Кирова тоже не сохранился, но я его ещё помню. Он стоял рядом со знаменитым «серебряным» домом

П.И. Никольского. К сожалению, у меня нет его фотографии.

Дом на Спасской

Ещё один адрес, по которому могла жить семья Воробейчиковых, — это Спасская, третий дом от угла улицы Полицейской (Тургенева). Сейчас сам угол пустует, никакого дома там нет, впрочем, может, его никогда там и не было, а находился там, например, сад г. Зверева или г-на жандармского унтер-офицера Перетягина, но это сейчас (пока) не очень важно. Так или иначе до наших дней дожил «узенький» (всего на 2 окошка) очень трогательный и милый 2-этажный каменный флигель Перетягина, его же деревянный 2-этажный дом (Ленина, 19) и располовиненный обгорелый 2-этажный деревянный дом Воробейчиковых (Ленина, 17). О том, что будто бы в этом доме жил купец Воробейчиков, впервые сообщила мне Наталья Александровна Безрукова²⁶, а ей сказал Евгений Альбертович Бушаров,

²² ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 384. Л. 48–49.

²³ После смерти Константина Петровича дом, видимо, продали Шмуклеру. В начале 1920-х там устроили 9 коммуналок. (ГАТО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 21. Л. 38; Д. 102. Л. 87 и 124. Ф. 141. Д. 23. Л. 3 об.)

²⁴ ГАТО. Ф. И-232. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13 об.

²⁵ ГАТО. Ф. И-85. Д. 322. Л. 107. В доме Воробейчиковой (наискосок Успенской церкви) *вверху, у набожной старушки Аграфены Михайловны Велеговской отставной коллежский регистратор Григорий Петрович Черепанов, 42 лет, просил о настоятеля Тюменского Троицкого монастыря назначить его послушником или сельским священником.*

ГАТО. Р-143. Оп. 1. Д. 102. Л. 199. В 1924–25 гг. в бывшем доме Воробейчиковой (Крестыанская, 6, угол Советской) организовали 10 квартир, в том числе для Александра Петровича Рогозинского.

²⁶ Внучка Павлы Петровны.

которому, в свою очередь, об этом поведали старожилы этих памятников старины²⁷. Я без особого доверия воспринял информацию-легенду. Купцом, думал я, Воробейчиков не был, а был екатеринбургским мещанином, да и вообще память людская склонна всё путать по документам — вещь упрямая. Легенда оказалась правдой. Вплоть до того, что Петр Константинович в «Оценочной ведомости 1910 г.», как по заказу старожилки, именуется купцом (!)²⁸. В этой ведомости описываются владения унтер-офицера Николая Ивановича Перетягина по ул. Спасской, 13: деревянный 2-этажный дом, кладовая, погреб, сарай; 2-этажный каменный флигель с подвальным помещением. Соседом жандарма слева (на углу Полицейской) был податной инспектор г. Зверев, а «справа — тюменский купец П.К. Воробейчиков и его жена».

Дом на Спасской у Воробейчиковых появился, видимо, не ранее 1907 г., поскольку именно тогда Павле Петровне разрешили построить на Спасской улице деревянный 2-этажный дом, но «без проектированного балкона», и брандмауэр. Чтоб совсем стало понятно, где этот дом стоит, скажу, что слева от него

— 2-этажный с «мезонином» каменный дом бывшей мусульманской школы (мектеб, ул. Ленина 15), а напротив — новый корпус университетских финансистов (Ленина, 16 и 17).

Правда, и тут у меня не обошлось без сомнений и мучительных раздумий, поскольку дётга в бочку мёда уверенности в правильности моей гипотезы внесли некоторые документы, где дом Воробейчиковой на Спасской обозначен под №14 (а это значит — чётная сторона и где-то после дома Машарова). Дом Машарова в том же документе числится под №12, следовательно, воробейчиковский — следующий, соседний, а этого быть не могло, потому что ближайший к Машарову сосед — это Госбанк, который был им и до революции, а еще раньше принадлежал выдающемуся тюменцу П.И. Подаруеву. Так что под №14 для Воробейчиковых просто нету места. Ошибочка вышла у писца. И, увы, не первая и не последняя. И спросить не с кого. А мы теперь мучайся! Он, наверно, просто перепутал цифры — вместо 1 написал 4: если дом Перетягина 13-й, значит, Воробейчиковых (а он ближе к началу улицы) — 11-й. Единицу с четвёркой спутать — проще некуда.

²⁷ Рассказ был такой: «В прошлый раз мы пошли наискосок от Машаровского музея с Бушаровым — там 2-этажный деревянный дом. Он мне говорит: «вот это, наверно, дом, где жили Воробейчиковы». Мы зашли во двор. Там сидит какая-то женщина. Она и говорит, что в 19-м году, у неё муж был военный, и выселили кого-то (она говорит, что это был дом купца Воробейчикова), а их вселили. Она до сих пор живёт в этом доме».

²⁸ ГАТО. Ф. И-1, Д. 474. Л. 11 и следующие л.

*Царская, 17, 19, 21
(Республики, 15)*

Вернёмся теперь к дому рядом с Клубом приказчиков образца 1900 года. Нынешний адрес этого дома Воробейчиковой — Республики, 15. Именно об этом доме, видимо, говорил Алексей Петрович Воробейчиков, для Натальи Александровны Безруковой — «дядя Лёша», младший сын Павлы Петровны и Петра Константиновича. Когда он то ли в 1950-х, то ли в 1960-х заезжал в Тюмень, то обнаружил, что в их доме находится школа. Школ в других домах Воробейчиковых, кажется, не

было, а этот дом до сих пор по старинке многие зовут «первой школой», поскольку за истекшие полтора десятилетия после отъезда учебного заведения на Смоленскую, никто заметный здесь не поселился и не стал олицетворением этого памятника истории и архитектуры. Так что я даже и не знаю (хотя пробовал запомнить), что за ЗАО или МУ там располагаются в настоящий момент. А ведь когда-то, это ещё в «школьное» время, здесь доводилось работать сторожем самой Гузели Аушевне (см. энциклопедию «Тюмень и тюменьщики», там она чаще всего проходит как «птичка» автора)²⁹.

Часть дома Воробейчиковой по ул. Республики, 15.

Современное фото



²⁹ А ещё в начале 1990-х там квартировало рекламное агентство «Рефлекс», где я временно хранил свой старый плащ. Пока Колобов не пресёк это безобразие.

Школа как цельный организм приучила воспринимать этот комплекс зданий, протянувшийся почти от ул. Семакова до Кирова, как одно здание; на самом деле сегодня их числится два, с двумя номерами — 15 и 17, а сто лет назад домов здесь было не менее четырёх, а именно: №№17, 19, 21, 23. Два номера сохранились не случайно. Этот «рудимент», оставшийся с досоветских времен, говорит о том, что здание, сегодня воспринимаемое как цельное, в прошлом принадлежало двум разным хозяевам и не всегда было «сросшимся» Левая его часть принадлежала П.П. Воробейчиковой, а правая — Н.И. Ядрышникову. Ядрышниковские хоромы увенчаны башенками, а воробейчиковские — «безглавые». Открытки начала XX века запечатлели разные этапы жизни и строительства этого комплекса зданий. На самой первой по времени открытке изображён только один из домов Воробейчиковых, ближайший к ул. Подаруевской, под №17, а ныне 15. Другие ещё не построены.

Самые ранние из известных на сегодняшний день сведений об этом доме относятся к времени переписи населения и составления списков тюменских домо-

владельцев. Было это в 1897–98 гг. Там по адресу Царская, № 17 значатся братья Ядрышниковы, правда, потом эта строка зачёркнута и вместо них вписана Воробейчикова Павла Петровна, а по Царской, 19 — вместо наследников Земляницына (тоже зачёркнуты) — Бузолина Александра Осиповна³⁰. Если поверить списку домовладельцев, то уже не позднее 1898 г. самый крайний, ближайший к ул. Подаруевской и к Клубу приказчиков (дому Войнова, Багаева), дом, изображённый на открытке, принадлежал Воробейчиковой П.П.

Сюда в 1900 г. из дома соседей Ядрышниковых Павла Петровна и перевела свой магазин³¹. Кстати, в это время дом Ядрышниковых на углу улиц Царской и Войновской (Кирова) уже существовал, он тоже виден на открытке — с башенками, как и сегодня, а между каменным домом Воробейчиковой (№ 17) и домом Ядрышникова (№23) на открытке видны какие-то деревянные одноэтажные лачуги. Но на другой открытке их как будто и не было никогда. В 1903 г.³² Павла Петровна купила у Абрама Каллистратовича и Владимира Каллистратовича Бузолиных³³ именно размером 12х8х12 саженой по

³⁰ ГАТО. Ф. И-1. Д. 462.

³¹ «Воробейчикова П.П. доводит до сведения гг. покупателей, что магазин из дома Н.Г. Ядрышникова с 15 сего октября переводится в собственный дом, рядом с Приказчиным клубом». — СТГ. 1900. 10 окт.

³² Купчая была оформлена в Тобольском окружном суде 19.12.1903 г.

³³ Кем им доводилась Бузолина Александра Осиповна (см. выше), выяснить пока не удалось, но, скорее всего, матерью. По крайней мере — родственница, это уж точно.

адресу: Царская, 19 («с правой стороны — Николай Иулианович Ядрышников, с левой — Александр Андреевич Багаев, на задах — Знаменская церковь»)³⁴. Купила за 3000 руб., а через год «то же» имущество Воробейчиковой П.П. было оценено уже в 16000 руб. Из этого следует, как сильно должно было измениться то, что Павла Петровна купила у Бузолиных. На этом месте появился «один каменный 2-этажный дом». В 1904 г. его застраховали в обществе «Саламандра».

В 1905 г. Павла Петровна, оценив преимущества электрического освещения, обратилась в городскую Думу Тюмени с просьбой о разрешении устройства котельной в собственном доме на улице Царской. Это, видимо, была небольшая электростанция малой мощности для освещения дома и хозяйственных построек. Реклама тех лет свидетельствует о появлении частных контор, которые предлагали установку электрических звонков, новогодних гирлянд и охранной электрической сигнализации³⁵. Павла Петровна хотела идти в ногу со временем.

В 1907 г. дом по Царской под № 21 (рядом с «собственными» №№ 17 и 19, по соседству с ядрышниковским угловым: Царская, 23 — Войновская, 16) так-

же числился за семьёй Воробейчиковых, только не за Павлой Петровной, а за Петром Константиновичем. В рекламном объявлении, помещённом в Календаре Тобольской губернии, он (Пётр Воробейчиков) назван владельцем и управляющим пимокатного завода в г. Тюмени. Наверное, завод размещался где-то в дворовых постройках дома по Царской, 17—19—21.

В 1908 г. екатеринбургская мешанка П.П. Воробейчикова решила переделать каменную кладовую на Царской в 2-этажное жилое помещение и пристроить к нему «новых таких же каменных частей»³⁶. Дом увеличивался в размерах, прирастал новыми «модулями».

То, что здание строилось в несколько приёмов, хорошо заметно и сегодня. Даже при невнимательном взгляде фасад «расчленяется» на три части. Совсем и всем очевидно это станет, если при реставрации памятника эти члены выделят разными тонами одного цвета, проще сказать — удачно раскрасят фасад.

В огромном каменном 2-этажном доме Павлы Петровны снимали угол книжный, канцелярский и писчебумажный магазин Олимпиады Фёдоровны Невской и книжный магазин Ю.Ф. Левитовой³⁷, колбасные

³⁴ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 10. Л. 12.

³⁵ Копылов В.Е. Окрик памяти. Книга 1. Тюмень, 2000.

³⁶ ГАТО. Ф. И-1. Д. 407. Л. 46.

³⁷ Вся Тюмень. Тюмень, 1910.

Мандля и Букена, два собственных магазина Воробейчиковой П.П., в которых продавались обувь, шляпки, шапки, дорожные вещи, магазин молочных продуктов Анны Яковлевны Памфиловой-Краузе (сыр, масло), мастерская дамских и детских шляп Софьи Васильевны Дубровиной, Санкт-Петербургский табачный магазин и др.

В 1913 г. в доме Воробейчиковой проживал врач, надворный советник, преподаватель гигиены в женской гимназии Давид Залманович Ноторин. Ещё пару лет назад, в 1910-м, он один снимал квартиру за 550 рублей у соседа Павлы Петровны Николая Иулиановича Ядрышников в 2-этажном доме (в 3-этажном углом жил сам владелец). Что-то ему там не понравилось и он перебрался к Павле Петровне.

Напротив магазина Воробейчиковой на Царской работал электротheater «Прогресс»³⁸.

Царская, 26 (Республики, 30)

Эти два дома, видимо, появились в самые первые годы XX столетия³⁹. Во всяком случае так

свидетельствуют документы и открытка 1902 г. (датировка В.Е. Копылова⁴⁰). На этой открытке, кроме домов Воробейчиковой (на дальнем плане), видно здание Сибирского торгового банка с крыльцом на Царской улице. Банк получил это здание (бывший дом П.И. Подаруева) в 1899 г., а уже в 1900-м затеял коренную его перестройку, а также сооружение 2-этажного дома по Иркутской (Челюскинцев) и крытого крыльца со стороны Царской. Через несколько лет, в 1914-м, когда началось строительство одноэтажного каменного пристроя («операционного зала»), соединившего банк с домами Воробейчиковой, крыльцо было снесено. Факт отсутствия крыльца при наличии существующем одноэтажном каменном пристрое тоже задокументирован на открытке, только на другой: одноэтажный пристрой с рядами пилястр и украшениями в виде женских головок есть, а крыльца больше нет.

В 1909 г. при доме на Царской Воробейчикова П.П. решила построить каменное 2-этажное здание для пимокатной мастерской⁴¹. В ТФ ГАТО сохра-

³⁸ Вся Тюмень С. 24.

³⁹ В 1898 г. место по Царской, 26 принадлежало Петру Ивановичу Матягину. В 1900 г. местом уже владела Павла Петровна: городской голова А. Текутьев и заступающий его место Д. Назаров разрешили построить П.П. Воробейчиковой на Царской улице два каменных дома, оговорив при этом, чтобы «простенки в верхнем этаже были не уже окон, а в нижнем, там, где предполагалось устроить магазин... для большей устойчивости должны (были) быть положены железные рельсы ниже арок». ГАТО. Ф. И-1. Д. 384. Л. 39об.-40.

⁴⁰ Тюмень глазами С. ?

⁴¹ ГАТО. Ф. И-1. Д. 409. Л. 142.

нился редкий для тюменской истории документ — проект здания. В данном конкретном случае это проект «центральной станции на заводе Воробейчиковой в Тюмени». На чертеже показаны паровая машина-локомотив, динамо-машина, распределительная доска, дымовая труба и т.д. Документ этот ценен ещё и тем, что в нём имеется план участка, на котором обозначено, где находились котельная, сушилка, пимокатное заведение и каменный дом по Царской улице. Благодаря этому плану можно с абсолютной уверенностью не только утверждать, что дом по Республики, 30 принадлежал Воробейчиковой, что пимокатный завод располагался именно на этой усадьбе, но и то, что здание завода сохранилось до наших

дней. Два дома Воробейчиковой, стоящие вплотную один к другому, соединённые на плане воедино, представляли собой букву «П». Это хорошо видно и сегодня со стороны двора, правда, сейчас в наличии осталась только половина буквы, в которую недавно переехало БТИ (или, как теперь оно именуется, ДФГУП ТЦТИ — Дочернее Федеральное Государственное Унитарное Предприятие «Тюменский центр технической инвентаризации»). Вторую часть здания снесли и на её месте поставили 4-этажный жилой дом с большим «двухходным» крыльцом и с вывеской «Акрополь». Надо же было кому-то придумать такую, мягко сказать, неравноценную замену. Дурь несусветная! Но у нас в городе, как правило, она и торже-

Часть дома Воробейчиковой по ул. Республики, 30.

Современное фото



ствует. Здание пимокатной мастерской, слава богу, сохранилось. Оно стоит во дворе напротив, на одной линии с сохранившимся крылом буквы «П» и по ширине абсолютно с ним совпадает (см. на плане)⁴². Это для Тюмени достаточно редкий теперь памятник промышленной архитектуры (по крайней мере в центре города). Сейчас бывшее «пимокатное» вид имеет неприглядный, в нём, как сказала одна моя коллежанка, находится психбольница, а если точнее, то дневной стационар Тюменского центра психического здоровья и практической психологии, а также «лечебно-производственные мастерские». Когда-то это здание находилось «на обочине» живопис-

ного сада Спасской церкви. Это тоже видно на плане. Двор был ухожен, я в этом нисколько не сомневаюсь, потому что Павла Петровна была Хозяйкой. К тому же где-то здесь же, во дворе, квартировали синемаграф и фотография И. Шустера, где, судя по всему, и фотографировалась семья Воробейчиковых. Один из таких снимков сделан в «чёрный» для семьи день в сентябре 1914-го, когда умер Пётр Константинович, получив известие о гибели на войне сына Игнатия⁴³. Со снимка, наклеенного на фирменное паспарту Шустера, смотрят маленькие Оля и Алёша Воробейчиковы. Оле (матери Натальи Александровны Безруковой) 4 года, а Лёше (упо-

⁴² Я не могу знать, какими источниками пользовались авторы книги «Тюмень глазами», когда составляли аннотации к открыткам с видами домов Воробейчиковой на Царской и соседними с ними зданиями. Например, под одним из снимков имеется такая подпись: «Собственный дом, банковская контора и магазин торгового дома «Я.П. Андреева и Наследники», позднее — дом П.П. Воробейчиковой с фабрикой вяленой обуви во дворе и аптека С.М. Айзенштадта. На дальнем плане — дом и магазин аптекарских и фототоваров А.И. Соколовой. Фото Т.К. Огибенина, 1902 г. Здания сохранились в существенно изменённом виде: надстроены, устранены декор, балкон, башенка. По-прежнему на бывлом месте располагается городская аптека». По «моим» источникам: дом Воробейчиковой с пимокатным заводом располагался напротив, в 2-этажном каменном доме по ул. Республики, 30 (там сегодня размещается БТИ—ТЦТИ), а 2-этажная каменная пимокатная мастерская сохранилась во дворе (там ныне — «психбольница»). Аптека Айзенштадта тоже находилась, по нашим сведениям, не здесь Дом и магазин аптекарских и фототоваров Соколовой здесь действительно были (каменное двухэтажное здание — Республики, 21), и аптека в ней *располагается по-прежнему на бывлом месте*, вот только в 1902 г. она ещё не была построена, и на снимке её нет. Она появилась около 1908 г. Что касается фабрики валяной обуви, то в месте, запечатлённом на снимке, только на усадьбе Соколовой, а не Андреева, в самом деле работал магазин обуви, шапок, шляп и дорожных вещей владельца пимокатного завода *Шмырова М.А.* (а не Воробейчикова). Сам завод находился на его (Шмырова) собственной усадьбе по нынешнему адресу: Республики, 5 — Красина, 4.

⁴³ Это семейное предание рассказала Наталья Александровна Безрукова.



Пимокатный завод Воробейчиковой (1910) во дворе дома по Республики, 30. Современное фото

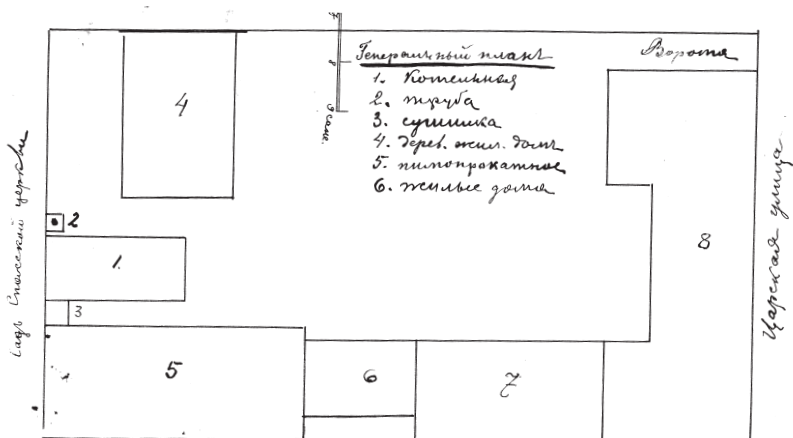
минавшемуся уже не раз «дяде Лёше») — 7 лет. Не думаю, что Павла Петровна водила их в такой день в фотоателье. Видимо, это сделал сам Шустер — так, по-соседски. В 1914-м была произведена оценка недвижимости по Царской, 26. Каменный 2-этажный дом с торговым помещением и электротеатром, каменное машинное отделение и 2-этажное каменное шерстобитное заведение, а также деревянный 2-этажный дом во дворе, стайки и разные деревянные службы были оценены в 40000 рублей.

Под электротеатром имелся в виду синематограф — «Весь мир» и «Модерн», которыми владел И. Шустер. Он славился не только своей художествен-

ной фотографией, но и увеличивал портреты, производил «кинематографические ленты по Сибири»⁴⁴. За участие во Всемирной выставке в Париже 1890 г. он даже получил «Высочайшую благодарность от Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны». Шустер также удостоился похвального отзыва на выставке в Кургане 1895 г.

В доме Павлы Петровны снимали квартиры дантист Шмуль Абрамович Айнштейн, управляющий Государственным банком статский советник Василий Андреевич Любославский и семья Г.И. Горбунова. Инженер-механик Григорий Иванович Горбунов приходился ближайшим род-

⁴⁴ Вся Тюмень. Тюмень, 1910.



План усадьбы Воробейчиковой (1910) по Республики, 30.

4 — деревянный дом; 5 — пимокатный завод; слева — сад Спасской церкви; 8 — двухэтажный каменный дом на Царской

стенником Павлы Петровны — кумом⁴⁵. Григорий Иванович был женат на Клавдии Степановне Селивёрстовой, родной сестре Софьи Степановны, жены Семёна Петровича Гилёва — родного брата Павлы Петровны⁴⁶. Надеюсь, вы не запутались в хитросплетениях родственных уз.

Дом на углу Царской — Иркутской, рядом с клубом в доме Шайчика

Впервые в известных нам источниках этот дом Воробейчиковой упоминается в 1907 г.

(в списке домовладельцев 1898 г. его ещё нет). В 1907 г. екатеринбургская мешанка П.П. Воробейчикова просила городскую управу разрешить ей построить на Царской улице «2-этажный полукаменный дом с двумя брандмауэрами»⁴⁷. Поскольку других деревянных или полукаменных домов на Царской у Воробейчиковой не было, то надо полагать, что речь в этом документе идёт именно об усадьбе на углу Иркутской и Царской. В том же 1907-м, а потом и в 1914 г. в «Оценочных ведомостях» дома братьев

⁴⁵ Они вместе крестили сына брата Павлы Петровны Семёна Петровича Гилёва, Семёна Семёновича

⁴⁶ Подробнее о них см: *Кубочкин С.Н.* Тычковка, Сараи, Потаскуй. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2002. С. 60–61.

⁴⁷ ГАТО. Ф. И-1. Д. 408. Л. 157.

Шайчик (на месте филармонии) Павла Петровна упоминается как соседка справа⁴⁸, то есть на углу улицы Иркутской, там, где сегодня асфальтированная площадка перед концертным залом филармонии. Этот дом виден и на фотопанораме улицы, опубликованной в книге «Тюмень глазами». В январе 1911 г. на углу Царской и Иркутской (№ 30/37) жена екатеринбургского мещанина Воробейчикова П.П. просила городское управление разрешить ей построить деревянное 1-этажное торговое помещение. И построила.

Вместо заключения

Это почти всё. Почти, потому что в одном из архивных документов 1910 года Воробейчиковы названы соседями некоей А.М. Сапожниковой, проживавшей в доме № 25/6 на углу Ишимской и Томской улиц. Следовательно, Воробейчиковым принадлежал второй дом от угла нынешних улиц Орджоникидзе и Осипенко. А ещё в том же 1910-м Воробейчиковы купили себе загородный участок. Сегодня бывшая заимка Петра Константиновича и Павлы Петровны называ-

ется посёлком Московским, но её историческую часть местные жители по старинке зовут «Воробейчики».

В списке недвижимого имущества лиц, бежавших с Колчаком, за Воробейчиковыми числились: усадьбы по Серебряковской, 6, Спасской, 14, Республики, 17, Республики, 26, Республики-Иркутской, 30/27 и колокольный завод⁴⁹. Кроме небрежности в нумерации домов, в этом документе есть ещё одна неточность. В 1918 г. колокольный завод уже не мог принадлежать Павле Петровне, потому что 5 марта 1916 г. он перешёл в собственность Семёна Семёновича Гилёва⁵⁰, сына её брата Семёна Петровича. «Видимо, старшие сыновья пошли по другой дороге, она понимала, что колокольным заводом заниматься никто не будет, и решила его продать», — так думает Наталья Александровна Безрукова, внучка Павлы Петровны.

Подводя итог размышлениям, необходимо хотя бы попытаться ответить на вопрос, поставленный в заголовке. Итак, Павла Петровна Воробейчикова в детстве и юности (до 1887 г.?) могла жить в доме на углу Серебряковской и

⁴⁸ ГАТО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 1-2.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 141. Д. 22. Л. 3.

⁵⁰ Павла Петровна была крёстной своего племянника Семёна Семёновича Гилёва (1902 г.р.). После революции Гилёв С.С. жил в Тюмени, а затем — в Тугулымском районе Свердловской области. В 1973 г. он прислал в ГАТО уникальную, совершенно бесценную фотопанораму г. Тюмени.

Войновской, № 3/7, потом (в замужестве, с 1887-го до 1900-го?) — в доме по Серебряковской и Войновской, № 6/8. В эти годы других домовладений за нею не числилось. К сожалению, оба эти здания не сохранились. После 1900 г. её большое семейство вполне могло проживать в домах на Царской (Республики, 15 и Республики, 30). Наиболее вероятным местом жительства из двух последних вариантов мне почему-то представляется второй адрес, а именно: Царская, 26 (Республики, 30).

В 1919 или 1921-м Павла Петровна вынуждена была сменить место жительства, она навсегда покинула Тюмень. Началась совсем другая жизнь, достаточно долгая, трудная и страшная. Наталья Александровна многое знает и помнит, а поэтому ей и её рассказам необходимо посвятить отдельное повествование.

Окончание будет (надеюсь).

PS. Прошу простить меня за несколько игривый тон моей «статьи». Уж и не знаю! Наверное, не следовало бы так, тема всё-таки серьёзная и для меня очень дорогая и важная, но ничего не поделаешь, так вышло. Единственное, что может меня в какой-то степени извинить, так это юбилей Мандрики. Праздник всё-таки! Ну и потом просто невозможно всё время изображать из себя серьёзного человека. В первых, начнёт тошнить от самого себя, а во-вторых, никто же всё равно не поверит. Зачем зря силы тратить?

В заключение хочу сказать, что всё написанное тут (несмотря на тон) — правда. Источники не вымышленные, а настоящие, и прочее и прочее. Ну а поскольку у меня нет полной уверенности, что я сделал всё правильно и совесть моя от этого неспокойна, то я обещаю написать другую статью об этом же, только лучше и серьёзней. Простите и до свидания.

По Туре, Тоболу и Исети*

Из путевых записок

I

Исследовать реку Исеть в гидрографическом отношении, убедиться в том, удобна она для сплава или судоходства или нет, познакомиться с ее течением, населением, промышленностью той страны, которую она омывает, со всей ее экономической жизнью — это была давнишняя моя мысль и мечта. Родная река, притом многоводная, глубокая, тихая, с ровным песчаным и глинистым мягким дном, протекающая среди самого густого населения, какое только находится в Пермской и соседней, Тобольской, губернии, населения, которое издавна славится своим земледелием, богатыми, громадными торговыми селами, сливающаяся с целой системой рек Западной Сибири, которые ей открывают путь на десятки тысяч верст, начиная с границ Китая до берегов Ледовитого океана, эта река не могла не интересоваться меня своим будущим, в которое верилось, только глядя уже на одну карту. Прибавьте к этому, читатель, бли-

зость горнозаводского Урала с его громадной промышленностью и жизнью, прибавьте крупные обороты целой вереницы крупчаточных мельниц, которые стоят на ее вершине, начиная от г. Екатеринбурга, прибавьте к этому торговое значение города Шадринска, который еще недавно играл крупную роль в торговом мире, служа местом миллионных перевалок хлеба, следующего на Урал и за границу, прибавьте к этому известную рядом с ним Крестовскую ярмарку, которая еще недавно имела десятки миллионов оборота, но упала вследствие отсутствия путей сообщения и того, что попала, как и г. Шадринск, в железнодорожную клетку и стала изолированной, и вы убедитесь, что р. Исеть совсем не для того создана природой, чтобы быть только двигателем одних раструсных маленьких мельниц, которые едва отвечают потребностям местных земледельцев, а совсем для иной цели, которая в будущем должна дать совсем иной оборот ее жизни,

* Печатается по: Урал. 1898. №№486, 489—490, 497, 501, 509

торговле и промышленности, когда эта река станет судоходной.

Вот те доводы, хотя далеко еще не все, которые давно заставляли меня задуматься о значении этой реки и сделать что-нибудь для нее посильное как для родины.

Я думаю, что против них никто спорить не будет. Такая река, как Исеть, в Европе была бы гордостью любой страны и золотым руслом. Я видел там в десять раз меньшие реки, которые усилиями людей и техники превращены в водные живые пути, где развивается кипучая деятельность. Положим, нам далеко еще до Европы, но все же мы идем вперед, наше население увеличивается, с нею увеличиваются торговля и промышленность, а для них первое — это пути, дешевые водные пути, которых не заменит никогда никакая узкоколейная железная дорога, которые для нашей страны всегда будут играть первую роль в народной жизни. Пройдет наше увлечение рельсовыми дорогими путями, и вы посмотрите, читатель, что мы снова займемся водными природными путями, которыми мы теперь пока еще пренебрегаем.

Вот мысли, которые еще давно, каждый раз, когда я посещал свою родину, возвращаясь из путешествия, волновали меня при виде этой родной реки. Но другие задачи, другие путешествия меня отвлекали от это-

го, и я только ныне, в эту навигацию, мог осуществить давнишнюю мечту поближе познакомиться с рекой благодаря тому случаю, что мой паровой катер ремонтировался в Тюмени, так недалеко от моей родины, чтобы решиться, наконец, что-нибудь для нее сделать в намеченной цели.

И я решил воспользоваться этим случаем и проплыть на нем в Исеть, чтобы посмотреть, годна ли она для судоходства.

Река Исеть впадает в р. Тобол, последний сливает свои воды с Турой, и мне, таким образом, открывался случай не только познакомиться с р. Исетью, но еще с двумя соседними водными путями, из которых один — по р. Туре — может считаться самым оживленным в деле судоходства в Сибири, другой — по Тоболу от устья реки Туры до г. Ялуторовска — только что начинающим в этом отношении, так как там только еще в десять последних лет положено начало правильному пароходству, причем третий путь — по реке Исети, еще ожидающий той же деятельности на своих водах, как бы невольно является дополнением этой общей картины, которая словно нарочно давала мне случай наглядно убедиться почти при одинаковых условиях жизни населения, почти при одинаковых запасах воды этих рек и условиях для судоходства, что может быть в первом периоде судоходства для

Исети, во втором и в том, будущем, когда эта река будет играть такую же роль в торговле и промышленности, как теперь играет подобная ей Тура.

Все это как нельзя лучше отвечало задаче исследований Исети, и я, уверенный вперед, что Исеть будет судоходной, что мой труд если не ныне, то впоследствии пригодится для нашего края и родины, обратился к тобольскому и пермскому губернаторам, которые любезно ответили мне распоряжениями оказать мне в данном путешествии возможное содействие.

Последнее было крайне для меня важно: я плыл в совершенно неизвестную реку, где не бывало еще ни одно паровое судно, которая заграждена мельницами, где и мельники, и народ могли посмотреть совсем иначе на это дело и стать на его пути, поставив меня в безвыходное положение. И за эти распоряжения я считаю своим долгом прежде, чем начать описание этого путешествия, выразить мою глубокую признательность как его превосходительству тобольскому губернатору Леониду Михайловичу Князеву, так и его превосходительству Дмитрию Гавриловичу Арсеньеву, которым я так много обязан.

* * *

К началу августа катер «Ялмал» был уже готов для путешествия, и я решил отправиться на нем 8 числа.

Начало августа это было как раз лучшее время для гидрографических исследований: уровень воды этих рек пал, как говорится, «до межени», вода стала прозрачнее, чем она была летом, и все как нельзя более отвечало тем задачам знакомства и описания этих рек, которые благодаря низкому уровню своих вод не могли скрыть от меня своего дна и перекатов, которые собственно и составляли всю задачу моего плаванья.

И вот 8 августа, запасшись всем, что было необходимо для пути, в 10 часов утра мы отправляемся в путь на «Ялмале».

Это небольшой, всего в 24 фута длины, паровой катер, имеющий 12 индикаторных сил, но, однако, сидящий в воде, пожалуй, нисколько не меньше больших сибирских пароходов, так как он винтовой, а не колесный. Его осадка во время пути была один аршин. Глубина, которую не имеют многие пароходы Сибири, вполне считая достаточным и удобным для себя осадку в три четверти, по условиям сибирских рек и даже в две с половиной.

Нет никакого сомнения, что впоследствии и эта осадка для сибирских пароходов будет считаться глубокой: фарватер рек портится, воды год от году становится меньше и меньше по небольшим рекам Сибири, и очень возможно, что будущие пароходы Сибири изменят свой тип и будут еще с меньшей

осадкой, чем ныне, и, быть может, турбинная система пароходов, при которой возможно с удобствами пользоваться и двумя футами осадки, не изменяя ни силы, ни скорости плавающих корпусов, совсем вытеснит ныне существующий тип судов, который вообще, уже при первом взгляде, кажется и устарелым, и тяжелым.

Нас было всего четверо на «Ялмале»: я, машинист, кочегар и люцман — состав, обычный для любого путешествия на таком маленьком судне, приспособленном только для легкой езды.

Оставив Тюмень с ее кипучей деятельностью на ее пароходных пристанях, мы быстро прошли несколько верст до Жабьинского завода товарищества Курбатова и Игнатова, чтобы окончательно снарядиться в дальнейший путь. Здесь ремонтировался катер, и мой долг был еще раз заехать сюда, чтобы лично поблагодарить тех, кому я обязан за сделанный ремонт.

Через час нас проводили с завода, и мы уже безостановочно отправились в путь по реке Туре, быстро рассекая ее тихие воды.

Это довольно быстрая широкая река, река, которой уже несколько лет заведует Министерство путей сообщения, где ограждена каждая мель, каждая коса, выдвинувшаяся к фарватеру от берега, каждый перекат, каждый поворот реки, где то и дело приходится посматривать на береговые знаки министер-

ства, которое сделало все, что только возможно в гидрографическом отношении, для судоходства по этой реке.

Мы плывем по настоящей судоходной реке: на каждом повороте ее стоят знаки, на каждой более или менее незначительной мели на столбах повешены шары и черные доски, по которым можно знать, какая глубина в означенных местах в четвертях и верхках, около каждого переката стоят по правую и по левую сторону белые и красные конусообразные баканы, означающие наглядно, где лежит фарватер реки, и по берегам ее то и дело попадаются маленькие серые будочки с мачтами под флагом, откуда при первом нашем появлении уже отчаливает сторожевая лодка с парой караульчиков, которые торопливо выезжают на середину реки для встречи, чтобы узнать, чей пароход и как называется, чтобы его проход отметить в своей книге.

Мы, так сказать, под надзором Министерства путей сообщения, наш путь отмечен, нам нет нужды в том водомерном шесте, который лежит у нас на носу катера на случай мелей, и «Ялмал» быстро и безостановочно проходит один десяток верст за другим, скользя, словно шутя, по этой реке, огражденной от случайностей и неприятностей судоходства. Порой навстречу нам показывается из-за мыса буксирный пароход. Мы даем сигнальный сви-

сток. Нам отвечают. Следуют обычные сигналы белыми флажками. Суда избирают свои направления, чтобы не набежать друг на друга, и мы быстро пробаем мимо громадных бортов дымящегося парохода и барж, которые шумно вспенивают воду силою своих корпусов, разводя позади крупное волнение.

Это самые интересные и горячие моменты нашего плавания — нужно смотреть в оба глаза, чтобы не захлестнуло волной; порой при встрече с сильным и быстро двигающимся пароходом, особенно без баржей, мы даем тревожные свистки, тогда пароход убавляет ход, и мы проскальзываем мимо него, отвечая ему за любезность свисточком.

Громадный пароход позади, пассажиры его с удивлением смотрят за нами, на барже не менее любопытства, и мы снова одни на реке, рассекая ее взволнованную поверхность.

Порой мы в затруднении: поворот узок, фарватер не широк, чтобы разойтись свободно, мы в нерешительности, которую сторону реки взять за направление, но так как мы идем сверху, то выбираем выгоднейшее направление, и нам его уступают, уменьшая ход и давая дорогу, чтобы нам не попасть на мель. Попасть на мель при встрече парохода — это самое опасное для нас положение: наш килевой катер может накрениться, его может залить

большая волна, и потому мы стараемся держаться как можно ближе к фарватеру, хотя бы нам и предстояло пройти мимо самого борта парохода.

Но одна-две минуты — и мы снова свободны, пароход остался позади и уходит, быстро прибавив ход, и мы только покачиваемся плавно на разведенных им волнах, лихо рассекая их острым носом катера. Поворот реки, другой, и словно встречи не бывало.

Мы идем одни по тихой реке. День чудный. Река словно зеркало. Берега словно спят, и высокие осохори, стройные осины, эти тополи нашего севера, одни играют своими круглыми листьями при легком дуновении ветерка, который порой рябит зеркальную поверхность.

Порой с поверхности воды нам видна через низкий берег деревушка, порой среди деревень проглянет белый храм, и снова мы на пустополе, где только изредка по какому-нибудь шалашу, оставленному недавними косцами, срубленному дереву, оставленной лодке заметно, что мы плывем по жилой, населенной реке.

Нужно заметить, что река Тура имеет мало селений по своим берегам, большинство их в стороне от ее течения, потому что она имеет низменные берега, широкую долину и только изредка можно видеть в ней селение, когда оно близко подходит к материку. Но и эти

селения далеко не напоминают нам то, что мы привыкли считать за деревню в нашем крае: в большинстве случаев это маленькая, всего в десяток-другой домиков, деревушка, которую окружает тот же беспорядочный запущенный лес, как всюду по берегам этой реки, та же пустошь, которая тянется десятками верст по берегу, та же картина, которая так знакома всем, кто бывал на наших однообразных, безжизненных сибирских реках.

По Туре мало хлебопашества, там больше луга; этот край уже не так плодороден, как наш, леса в нем заняли гораздо больше места, чем поля; мхи и лишайники гораздо больше, чем пшеница, и население далеко не так густо, как в нашем краю, и чуть не наполовину состоит из чуждого нам инородческого населения — татар, которое не особенно занимается хлебопашеством, хотя и владеет громадными угодьями земли на правах инородца. По этой реке не редкость встретить юрты татар с неизменной мечетью и луной на ее вершине, с характерными домиками татар, с их бойкой речью, которые хотя и числятся уже издавна оседлыми жителями, но все еще пока не так усердно, как русский крестьянин, занимаются хлебопашеством, привыкнув к невзыскательной и даже бедной жизни.

Чаще деревень нам встречались по пути склады дров для

пароходов. Заготовка дров для пароходов — один из выгоднейших промыслов местных жителей Туры. Некоторые из них прямо берут на это подряды от известных крупных пароходных фирм, но большинство их вывозят просто дрова на берег к ближайшему плесу от своей деревни или сдают их известному подрядчику, который и нанимает от себя караульщика, на обязанности которого и лежит продажа и отпуск дров пароходам за деньги и за квитанции. Таких запасов дров по Туре — десятки, и они так часто встречаются, что любой пароход может по этой реке нагрузиться дровами там, где у него истощится запас топлива. Такие запасы дров, вероятно, приносят жителям не одну тысячу рублей ежегодно.

У одного такого склада дров остановились и мы в два часа дня, чтобы пополнить свой запас дров, взятый с завода.

Это был небольшой склад сосновых свеженарубленных дров. Продать их вызвался сторож сторожевой будки, и мы пристали к его берегу и тотчас же занялись приготовлением дров, выбрав самые из них сухие.

Так как это была первая наша остановка на пути, мы сделали уже около пятидесяти верст, то мы решили заодно тут же выпить чаю и пообедать.

Красивый обрывистый берег, вид на изгиб Туры, копны свежескошенного сена, поле с сжатými кучами рослой пше-



Лоскени на берегу Тобола 10. VII.



Пароход на реке Туре -
в бассейне! - 18. VII
Чуваши с оленями

ницы, тихий день — все это так и манило к себе, и я помню — с удовольствием напился чаю на берегу у будочки речного сторожа, который нам продал небольшой запас дров.

Это был сторож ближайшего переката, под его руками было два бакана, несколько баканов, готовых на случай, лежало на его берегу, и тут же стояла крепко привязанная шитая лодка, на которой он выезжал навстречу пароходам и ставил баканы, и зажигал в них по вечерам огни. Жилищем ему служила довольно чистенькая землянушка, вырытая прямо в обрыве песчаного сухого берега. Я заглянул в нее: там было две койки, стол с посудой и несколько фонарей и принадлежностей водного поста — своего рода инвентарь этого пункта. У самой сторожки была поставлена мачта, на которой развевался флаг, а несколько поодаль и на другом берегу стояли другие, выкрашенные, знаки с вывешенными знаками глубины переката. Это обычная обстановка таких пунктов реки.

Пока мы стояли у этого берега, мимо этого поста прошел легкий пароход. Сторож еще за несколько верст слышал его шум колес, и только что он показался из-за ближайшего мыса, дав свисток на повороте реки, как он был уже на середине реки, выехав навстречу пароходу, готовый на всякий случай к его усугам.

Но пароход благополучно прошел перекат, держась между баканов, и он, исполнив свое дело, снова был уже на своем берегу, привязав к нему прочно свою лодку.

Проход судов — это единственное развлечение таких сторожей водных постов; они все лето, всю навигацию, с ранней весны до поздней холодной осени, проводят на одном и том же берегу этой реки, только изредка выдаясь с кем-нибудь из деревни, кто приносит им печеный хлеб и провизию, и еще раз в месяц, когда около их поста останавливается казенный пароход со служащим, который развозит жалованье и разные необходимые принадлежности поста. Скудная однообразная служба.

После трех часов остановки мы снова были с запасом топлива, и наш «Ялмал» снова быстро понесся вниз по течению, оставляя за собой извилистые красивые берега этой реки.

* * *

Часов около восьми вечера на реке зажглись уже баканы и фонарики, и мы тоже по правилам судоходства зажгли свои отличительные огни и стали подумывать, где бы нам остановиться на первую ночевку вблизи селения. Но как раз в это время они стали очень редки, мы были вблизи с. Созоновского, до него, по словам встреча-

ющих нас сторожей, было еще добрых пятнадцать верст, и мы решили как-нибудь, хотя с опозданием, добежать до первой деревушки, чтобы там заночевать под жилым берегом, если нельзя уже будет дойти до села.

Идти ночью, хотя и по огражденной реке баканами, где горели то белый, то красный огонь, было, однако, неприятно, берега почти стало совсем не видеть, к заре видны одни только силуэты деревьев, и над рекой стал уже подниматься легкий туман, который обещал позднее совсем закутать этот путь, смешавшись вместе с темнотой ночи.

Особенно была бы неприятной при таких условиях встреча с парходом, которые и днем немало нас затрудиляли своим движением, поднимая страшные позади себя волны, в которых нужно было хорошо ориентироваться, чтобы не черпнуть воды бортом.

Но за нами было счастье, и только что наступила ночь, как мы вдаль увидели силуэты крыш деревни и поспешили пристать к ее берегу, обрадованные, что мы можем заночевать в жилом месте.

На наш свисток из деревни вышли люди и указали нам приглубый берег, где мы благополучно и причалили, и остановились на ночевку.

Была уже темная ночь, разноцветные огни ближайшего переката красиво горели, отражаясь на гладкой поверхности

чуть-чуть подернутой дымкой реки; вдаль где-то пыхтел парход, подавая свистки на поворотах, и огни деревни красиво, приветливо светились на ее берегу, маня нас к ночлегу.

Я справился, сколько мы проехали верст от города, и нам сказали: «76». С полдня с трехчасовой остановкой это было на первый раз достаточно, и мы, оставив караул на катере, спокойно отправились в деревню к пригласившему нас мужику пить чай, интересуясь познакомиться с русской маленькой деревушкой этого края.

Нас повели в совершеннейшей темноте по какому-то кривому переулку, провели мимо двух крестьянских дворов и завели в просторную избу, где мы застали кучу белокурых ребятишек, которые с удивлением смотрели на нас, вероятно, не понимая, откуда мы могли взяться так поздно ночью.

Но приветливая хозяйка, видимо, была привычна к таким посещениям парходов — у хозяина ее была пристань для загрузки дров, и прежде чем мы успели зайти в ее комнатку рядом с кухней, как она уже взялась за громадный старый самовар и потащила его в кухню ставить.

И через какие-нибудь полчаса мы уже сидели за столом в чистой комнатке и пили с наслаждением чай со свежими сливками, которыми не поспешила наша хозяйка. Вероятно,

зная по опыту, что гости с пароходов бывают голодными, она сварила нам свежих яиц всмятку и даже было хотела уже топить печь, чтобы сварить нам курицу, но мы ее остановили.

Чай, яйца и тепло были вполне для нас достаточны после пути и сырости реки, и, не желая более задерживать хозяев, мы распростились с ними до утра и отправились спать на катер. Как было ни тепло в дому, но свежесть воздуха была для нас заманчивее, тем более что здесь нас могли побеспокоить насекомые деревни, в которых откровенно призналась нам хозяйка.

* * *

И вот мы снова на катере. Чтобы на нас не нашел какой ночной пароход, мы зажгли на борту красный фонарь, чтобы нас не могло отбить от берега волнение, мы занесли крепко на берег с цепью якорь и еще привязались к нему кормой при помощи троса, и в таком положении спокойно легли спать.

Действительно, такие предосторожности были не излишни: ночью прошли каких-то два парохода, и один из них провел свои баржи так близко от нашего катера, что не будь у нас на борту красного фонаря, то могло бы быть что-нибудь неприятное. Но все обошлось на этой узкой реке благополучно: мы еще издали могли слышать сквозь сон приближение паро-

хода, который гремел перебором своих колес, свистки их были слышны за десятки верст по воде, и мы к проходу каждого из них обыкновенно были уже на ногах и внимательно следили за движением пароходов: как они показывались из-за ближайшего мыска, как они надвигались на нас своей темной громадой с разноцветными огнями и искрами, целым снопом искр из трубы, как убавлялся ход, увидев красный фонарь нашего катера, и тихо проходили мимо нас, вероятно, недоумевая, зачем тут выставлен знак опасности, не видя нашего катера издали в темноте ночи.

Ночью при темноте проход пароходов представляет оригинальную картину на этой реке. Вы еще издали слышите их страшный шум колес и свистки, которые громким эхом долетают до вас и будят заснувшую поверхность реки с лесом; вот он где-то уже недалеко, за ближайшим мыском, вы явно слышите перебой его колес и грохот машин; вот снова благодаря изгибу реки он удаляется и стихает, слышны еще свистки его, потом он поворачивает снова в вашу сторону, проходят томительные минуты, и вдруг он показывается из-за вашего мыска с огнями, с пылающей искрами трубой, с отражением в зеркальной поверхности реки огней — величественный, надвигающийся, страшный. Он бежит прямо на

вас. Он увеличивается с каждой минутой, свет огней уже касается вас, вы прислушиваетесь к его жизни, но там словно ни души человека, словно это чудище одно двигается по воде, и вам невольно становится жутко и страшно. Но вот перед ним перекат, он убавляет ход, слышна команда капитана, свисток, и до вас долетает звонкий голос матроса, который выкрикивает с носа парохода каждый раз, как вытаскивает из воды медленно и ровно опускаемый водомерный шест: «Пять с половиной, пять, пять, четыре с половиной, четыре с половиной»; слышится команда «держаться вправо», гремит рулевая цепь; «четыре с по-ло-виной», — продолжает кричать матрос с носа; пароход тихо громадой проплывает мимо красного и белого огней баканов, слышен опрос сторожа: «Чей пароход, как название?», ему отвечают, и судно, громадное, выросшее еще в не сколько раз перед вашими глазами, снова прибавило ходу, снова загрохотало машиной, снова вспенило воду под колесами и летит, кажется, прямо на вас, зловеще рассыпая искрами, и плавно проходит мимо вашего берега, озаряя его светом разноцветных огней. Вслед за ним плывет, вспенивая воду, молчаливая громадная баржа; на ее высокой мачте только один маленький фонарик; кажется, что она безжизненна, пуста, одинока, но вы всматриваетесь и ви-

дите на корме силуэты двух матросов, которые молчаливо передвигают то в одну сторону, то в другую громадное повисшее в воздухе бревно, которое управляет громадным рулем сзади баржи. И не проходит и минуты, как вся эта плавающая страшная громада уже начинает тонуть в темноте ночи, и только одни волны свидетельствуют вам, с шумом набегая на берег, то поднимая вас, то опускающая вас с вашим судном, какая сила проплыла мимо вас только что за минуту, нарушив ваш покой ночи. И волны долго еще шепчутся между собой у берега, когда пароход уже снова смолк, и только порой еще до вас доносится его шум колес и слабый, раскатывающийся эхом свисток на поворотах.

И снова вы одни на реке. Вдали горят фонари переката, и только слышно слабое журчание струи воды, которая омывает борта вашего судна.

Такие картины реки, казалось, не забываются никогда в жизни, и я несколько не роптал на то, что меня будили ночные пароходы на этой реке в эту ночь, и, глядя на них, я только удивлялся способности лоцманов двигаться по такой неширокой реке в темные ночи, когда, что называется, «глаз выколи», не видно вплоть человека. Что-то особенно нужное гнало в такую ночь этих людей, что-то большее вашей обыденной, скромной, однообразной жиз-

ни, которая совсем не знает ни этих тревог ночи, ни этих мелких опасных перекаатов, где можно повредить, остановить, потопить дорогое судно.

И я долго прислушивался к перебою уходящего парохода, следя мысленно за его странным движением по этой реке, пока сон и усталость снова не захватывали меня своей силой.

* * *

Утро следующего дня нас встретило густым белым туманом, река была, как белая движущаяся живая лента, берега были сплошь окутаны дымящимися клубами пара, и наступало такое серенькое осеннее утро, что свежесть воздуха и сырость так и смачивали все на своем пути.

Мы полагали, что наступит уже ненастье, — ночью был мелкий дождь, но с восходом солнца день обещал что-то более лучшее, а когда солнце обогрело поверхность земли, сквозь туман стал пробуждаться такой чудесный тихий день, в который можно было только ожидать одно удовольствие в нашем пути.

Теперь перед нами была уже вся на виду наша деревушка. Она стояла на самом тракту в г. Тюмень, и тракт этот был так мал, в виде узенькой, посыпанной песком, с канавами, дорожки, что только было можно признать его по тому, что на нем были видны полосатые версты и убе-

гали прямой линией телеграфные столбы. Видимо было, что с открытием здесь судоходства и пассажирского движения на пароходах в нем редко бывает нужда: по нему была видна только одна торная колея, и трава благополучно росла по всему полотну этого тракта, не боясь, что ее могут вытоптать своими копытами бойкие тройки.

Но наш хозяин, у которого мы снова пили в это утро чай, уверял нас, что путь бывает очень оживленным, когда р. Тура становится мелкою и ее перекааты пропускают, и то с трудом, такие пароходы, которые ходят с осадкой в три четверти или даже меньше. Это случается почти каждую осень и даже лето, когда не бывает ненастья и дождей. В это время река сильно мелеет, пароходы за сотни верст не доходят до Тюмени, и пассажиры, следующие с ними, часто вместо того, чтобы пересаживаться в Иевлево и следовать тихим ходом с баржами и сидеть на мелях, предпочитают ехать в этот город на лошадях по этому маленькому тракту.

Мелководье — это самая горячая пора для жителей Туры, тогда для них неожиданно представляется легкий добычливый заработок при разгрузке судов и паузок, тогда зовут их за хорошую цену снимать пароходы с мелей, и дрова их, которые они берегут для этого случая, сразу повышают-

ся в цене, так как завезти дрова с Иртыша и Тобола, где они значительно дешевле, уже для пароходов нет возможности.

Повышение ценности дров в такое время считается нормальным, как и повышение фрахта тех же пароходов, которые, собственно говоря, выигрывают только благодаря мелководью и скорее наживают лишние деньги, чем, можно думать, проигрывают.

В убытке остается только грузоотправитель, но и то еще сомнительно, и вероятнее всего, что за все это рассчитывается, скорее, потребитель, чем купец.

По словам нашего гостеприимного хозяина, он не раз находил в это горячее время хорошие деньги и за дрова, которые он продает, и за услуги. Пароходство сильно, по его словам, питает население Туры, а мелководье только усиливает это в их пользу. И это прекрасно заметно на общем характере построек деревни: она вся состоит из хорошеньких пятистенных домиков, хорошо снабжена домашними пристройками, дышит некоторой зажиточностью, какую редко приходится видеть в подобной глуши, и без слов говорит, что здесь не редкость шальная копейка. Светло-русый, крепкий, рослый народ ее тоже говорит невольно о довольстве: дети одеты, в окнах цветы и занавески и в поле сытые лошади и скот.

Кроме поживы от пароходства, крестьяне этой деревушки и сеют, и запасают сено. Больших запашек у них нет, но зато луга вполне удовлетворяют их во втором отношении, и они держат столько скота, что могут без нужды в нем продавать его и колоть для своей пищи.

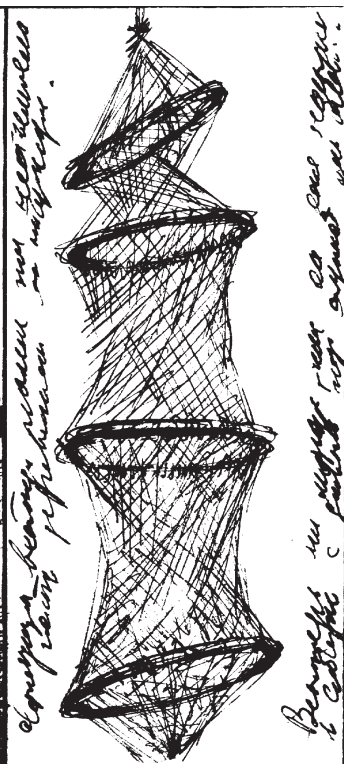
Эта деревушка произвела на нас приятное впечатление, и мы оставили ее только уже в девять часов утра, чтобы плыть дальше.

Сегодня воскресенье. Чудный день, и на реке то встречается охотник, бродя по берегу, то рыбак со своими снастями для ловли рыбы. После тумана река словно стала еще чище, лес свежее, и голубое небо как-то особенно гляделось в этот день в воды реки, отражаясь в нем вместе с глубиной своей и белыми кучевыми облаками.

Через полтора часа пути мы уже в с. Созоновском. Бойкий перевоз на пароме вместо моста, и мы останавливаемся у него, чтобы сходить в село.

Это первое село на нашем пути по реке Туре. Для такого расстояния, как с лишком 80 верст по реке, это очень мало, хотя река Тура и считается очень извилистой.

Село оказалось небольшим, со скромным деревянным храмом, но с богатыми постройками, что благодаря близости и обилию лесов и хорошей зара-



ботке от пароходства понятное дело. Но, как и всюду у нас, оно отворотилось от чудного берега реки, который красиво делает изгиб у самого села, снова уходя в луга и низменность, как и пришел только что с них к материку, на котором оно расположено. Рядом с селом видны нивы, хлеб уже сжат, повсюду видны его кучи и клади, и, видимо, урожай его был здесь прекрасней, потому что поля почти сплошь заставлены суслонами сжатого хлеба, над которым, несмотря на праздничный день, трудится еще народ.

Я спросил одного жителя, каков урожай, и он ответил, что хлеб родился хороший, страда была дружная, и, так как хлеб поспел рано, почти в то время, как они косили и заготовляли сено, то у них даже недоставало рук, чтобы поправиться сразу с хлебом и сеном, почему поденщины достигали почти небывалых цен — в 60 копеек, и в этой цене держатся до сих пор, предвидя много работы благодаря обмелению реки на перекатах.

Село Созоновское проходит редкий пароход, чтобы не остановиться. Это главный пункт, где производится нагрузка дров, и вблизи села есть не один склад их, принадлежащий разным подрядчикам и пароходным фирмам. Село, можно сказать, почти исключительно живет судоходством, и даже женщины и то, по словам жи-

телей, немало выторговывают денег от продажи съестных припасов, сбегаясь с тем, что можно только продать, при первом свистке парохода.

Тогда бывает настоящий торжок: на берег сносятся петухи и куры, яйца и молоко, репа и картофель, туда же спешат со своей рыбой рыбаки, тут можно проедем человеку и матросу запасть и хлебом, и всякими овощами, а в пору благодатного лета даже полакомиться всевозможными ягодами, которых целыми ведрами натаскивают сюда женщины и дети. И случается, что одна какая-нибудь подобная остановка пассажирского парохода и даже буксирного, с которыми едут пассажиры, оставляет в этом селе не один десяток рублей в какой-нибудь час за съестные припасы.

Все это в общем делает то, что все крестьянами продается по доброй цене, и они совсем почти не нуждаются в городском рынке.

После кратковременной остановки мы снова отправились дальше и скоро на одном перекате Туры встретили землечерпательную машину путейцев.

Это целый маленький плавающий подвижной завод: грохот машины, черпающей песок на перекате, шум и лязг цепей, трубы, целая система громадных красных труб, по которым передвигается на берег то, что машина поднимает со дна переката, масса рабочих, лодки,

движение — все это представляло оригинальную картину. Река была словно запружена всем этим, и мы, подходя к этому пункту, дали не один свисток, чтобы нам дали путь. Громадная черная баржа, на которой была землечерпательная машина, медленно двинулась в сторону, цепи загрохотали, и нам дали узкий путь мимо ее по фарватеру, по которому мы осторожно двинулись мимо этого чудовища перекатов. Минута, мы видим громадную цепь железных бадей, которые медленно поднимаются с кормы баржи и идут вверх, поднимаясь высоко над судном, чтобы вылить там воду и выбросить то, что они захватили собой со дна реки, грязь опрокидывается, течет вместе с водой в трубы, и те передвигают ее, изогнувшись по реке, на берег, очищая таким способом реку. Довольно простой способ очистки перекатов от песка и ила, но весьма громоздкий, сложный, с паровыми машинами, громадными цепями, сложным устройством, стоящим громадных денег, чтобы заменить ручной труд человека. Рядом с ней стоит баржа, где помещаются рабочие. Это целая плавающая гостиница, или номера. На барже самой машины тоже немало кают для машинистов и прислуги. Как я уже сказал выше, это целый плавающий завод, который передвигается с переката на перекат и таким

образом очищает их, углубляет до той глубины, которая должна быть общей для данной реки для прохода судов и пароходов.

Таких землечерпательных машин на Туре две, их в простонародье довольно удачно прозвали «грязнухами».

При помощи их местный округ путей сообщения довольно удачно и своевременно справляется с перекатами реки Туры, один за одним углубляя их во время навигации.

В наш проезд Тура как раз имела почти самый низкий уровень воды, на ее перекатах постоянно можно было видеть только одну черную доску с двумя или одним маленьким шариком. Это означало, что воды на них только что было всего один аршин с двумя или одним вершком, не больше. И, однако, несмотря на такую низкую воду, мы постоянно почти встречали буксирные пароходы, которые поднимали вверх по реке баржи и паузки от Иевлево — места перегрузки больших пароходов и барж в Тюмень. Порой мы встречали их два и три вместе, когда они шли целым караваном, чтобы было легче справляться на перекатах и в том случае, если суда приткнутся к мели или будут на мели. Все они двигались медленно, с обязательными промерами там, где было мелко, с постоянными остановками на мелях, и мы часто могли видеть, как затруднительно такое судоходство в низкую воду по такой реке, как Тура, и

как оно должно быть и неприятно, и убыточно.

Но все же суда двигались, пароходы, завезя баржи до следующего переката, бежали за оставленными у берегов другими судами, и груз, перегруженный в с. Иевлевском, хотя медленно, но поднимался, достигал Тюмени, рельсового пути, куда он торопился попасть, чтобы отправиться дальше уже рельсовым путем в Центральную Россию.

Главный груз, который мы встретили на своем пути, это был по преимуществу хлеб в зерне. Его двигалось десятки тысяч пудов, и грузоотправители сгорали от нетерпения поскорее вырваться с этой реки на железную дорогу, так как цены на него поднимались и нужно было торопиться поскорее его сдать заграничным фирмам. Здесь дорожили каждым днем и каждой сотой сажени воды на перекатах. Вода падала. Благодаря страшной засухе нынешнего года нужно было ожидать, что она падет еще ниже, мелкосидящих пароходов было только 14, и они поневоле торопились, работая даже и ночью, несмотря на страшную темноту, чтобы только сколько-нибудь больше доставить в Тюмень тысячи пудов груза, чтобы только сколько-нибудь больше заработать в это горячее время их страды.

В то время, как грузоотправители кряхтели от забот и лишних неподвиженных расходов,

мелкосидящие пароходы и их хозяева переживали самое горячее золотое время: все крупные пароходы стояли в Иевлевском, не смея двинуться сюда, за перекаты, и здесь хозяйничали только одни мелкие суда с паузками и баржами. Пассажиров на них уже почти было не видно; ехал только рабочий человек; все же, кто мог, еще из Иевлево отправлялись сухим путем в Тюмень, предпочитая переплатить за прогоны, чем сгорать от тревог и ожиданий, таскаясь по перекатам.

Целый день мы были свидетелями усилий пароходов в движении по мелям, несколько их сидело уже на мели, другие двигались еще, и только половина их обычно поднималась и спускалась по реке там, где было глубокое ровное плесо.

Чем ниже, тем река Тура, казалось, больше и больше капризничала перекатами и мелями. Крутые ее повороты тоже немало досажали судоходству, и изгибы ее, кажется, нарочно приняли такой вид, чтобы окончательно досадить судоходству, удлинняя и без того тяжелый путь. Нужно заметить, что Тура страшно извилистая река, на ней далеко не редкость встретить такие излучины, что, пройдя добрый десяток верст, вы снова подходите почти к тому же месту, от которого за час только что двинулись, а таких поворотов и излучин, как в три, четыре, пять верст, вы можете насчитать сколько угодно.

но каждый день, так что то состояние, которое нужно проехать на лошадях, вы смело можете рассчитывать, что вы сделаете рекой в три и даже порой в четыре раза.

Это уже обычный удел всех водных путей сообщения, которые это выкупают только тем, что они в десять раз дешевле рельсового пути и еще больше того — по нашим обыкновенным дорогам, которые бы никогда и не могли выдержать таких миллионных грузов.

В этот день нашего пути тоже нам не особенно часто попадались селения: все они были в стороне, на материке, и мы только по одним выгонам скота догадывались порой, что проходим то мимо одного, то мимо другого селения этой реки. Но зато нас вознаграждало оживление реки пароходами, которые теперь стали чаще и чаще попадаться, и тот вид реки, который она приняла с тех пор, как на ней чаще и чаще стали попадаться осохори. Это были громадные деревья, настоящие великаны лесного царства, и ряды их по берегам порой представляли такую чудную, оригинальную, характерную картину, что так и хотелось их захватить на желатин.

Это самые крупные деревья Туры, и притом красивые и ценные — из них местный рыбак выдалбливает себе лодки, и мы часто встречаем их по берегам, удивляясь их легкости и проч-

ности; некоторые деревни здесь даже занимаются специально их производством. Лодка из этого дерева служит целые десятки лет и ценится гораздо дороже, чем из любого другого дерева. Из этого же дерева здесь делаются и колоды, и корыта, и многое кое-что из домашних вещей, будучи даже предметом вывоза отсюда на Урал и в ближайшие местности Сибири. Но, встречая часто лодки, мы, однако, очень редко встречали на своем пути рыболовов. По их словам, река Тура совсем отказалась их кормить рыбой, и с тех пор, как пароходы ее стали смазываться нефтью, рыбы заметно стало меньше, и нет никакого сомнения, что она совсем переведется или уступит место какому-нибудь такому виду рыб, который может жить в отравленной нефтью воде. Даже раки, которых в последнее время была масса, и те куда-то скрылись за последнее время благодаря нефти.

На первый взгляд, это кажется непонятным, но стоит только посмотреть вслед за каждым пароходом, за каждой баржей, которая плывет по этой реке, как вы поймете, что нефть, без всякого сомнения, должна изводить рыбу. За каждым таким судном вы без труда можете видеть во всякое время целые полосы этого масла, оно плывет, отделяясь от бортов, оно тянется на версту в воде струей от каждого парохода —

чем дальше, тем больше и больше захватывает себе пространство, расплываясь по всей реке, словно оно не оставлено судном на его пути, а выделяется откуда-то со дна реки, поднимаясь оттуда каплями и потом расплываясь на целые сажени, захватывая всю реку. Даже наш маленький катер и тот там, где ему приходилось стоять на якоре, порой образовывал около себя целый круг тех отливающих на солнце жирных пятен на воде, пуская их по течению, которые так характеризуют эту современную смазку пароходов. Вся эта масса плавучего по поверхности реки масла, естественно, страшно загрязняет реку и отравляет ее воды, и чуткая рыба ясно, что или уходит от таких рек прочь, или просто вымирает, отравляясь.

* * *

Во второй день пути благодаря частым остановкам мы имели всего только шесть с половиной часов хода и потому, когда наступил вечер, то мы были только у села Дубровного, где и решили остановиться на ночевку.

Но вместо села, как мы думали, мы здесь нашли только одного караульщика на водомерном посту и у дров для пароходов. Самое село было далеко в стороне, и мы только могли видеть крыши его издали.

Это было для нас маленькой неожиданностью, и мы во-

лей-неволей должны были эту ночь провести на катере и напиться чаю просто по-дорожному, на берегу реки.

Быстро был разведен веселый костер, поставлены чайнички, сторож нас снабдил кой-чем из посуды, чтобы сварить ужин, и вот мы на ночевке. Пока мы пьем чай, мимо нас проходит один пароход с громадной баржей хлеба. Мы любуемся его видом, провожаем, а из-за мыса уже выходит другой, торопясь куда-то вниз, несмотря на наступающую темноту ночи. Слышны свистки их на поворотах, шлепанье колес, и чай на берегу Туры у огня костра кажется настоящим пикником.

Наступает ночь. Мы снова для безопасности вывешиваем красный фонарь, чтобы нас не побеспокоил какой ночной пароход своим бортом, и спокойно засыпаем на катере, наслаждаясь теплотой ночи.

Поздно ночью действительно проходят каких-то два парохода, но мы уже привыкли к ним и только любуемся каждый раз их грозным для нас видом, не опасаясь уже, что они нас могут захлестнуть волной.

10 августа.

Утро. Снова тихий, ясный осенний денек. Поверхность реки, как зеркало. Кусты ивы, осохори, осины, березовый лес словно умылись и стоят, чуть-чуть шелестя свежими листья-

ми, и туман реки так и тает под лучами только что поднявшегося солнца.

В 6 часов утра мы уже в пути и не можем налюбоваться красотой реки, которая только что выглянула из тумана.

В 8 часов на одном повороте реки, у переката, встречаем пассажирский пароход «Хрушов». Он стоит у берега. Масса пассажиров столпилась на юте и бортах, завидя наш маленький катер. Кто-то смотрит на нас в бинокль.

Дети в восторге, что видят такое маленькое судно, и мы торжественно проходим мимо, вероятно, вызывая зависть, что мы движемся безостановочно, когда такой громадный пароход принужден стоять на месте благодаря низкому уровню ближайшего переката. На берегу уже сложен табор его груза, что-то сгружают еще на берег, чтобы облегчить пароход, и толпа пассажиров, скучая и томясь, бродит по берегу, срывая цветы, в то время как другая что-то торгует у баб, прибежавших из ближайшей деревни со съестными припасами.

Обычная картина остановки пароходов.

Недалеко от «Хрушова» стоит у берега брошенная каким-то пароходом баржа, вероятно, в ожидании, когда к ней прибежит пароход и поведет ее дальше.

Река мелка, теперь приходится водить только по одной

барже и то медленно, и таких покинутых на время барж по реке много. Это придает ей еще больше оживления, и мы идем с постоянными встречами таких барж.

В 9 часов мы у села Покровского. Богатое, большое, с красивым храмом село, но только, как и большинство селений по этой реке, в стороне от реки и ее берега. Вместо села на пути — на берегу — громадный склад дров.

Это второй пункт остановки большинства пароходов.

Недалеко Тобол. Наш путь по Туре кончается, и мы с нетерпением ожидаем его устья, чтобы направиться теперь вместо северо-востока на юго-запад.

Теперь река стала ровнее и глубже. Пароходы встречаются уже не сидя на мелях и без промеров с их носа, матросы не кричат четверти, и бородастые лоцманы спокойно стоят у колес, тихонько поворачивая их то в одну сторону, то в другую.

Теперь приятно смотреть и на ход пароходов: движение их быстро, все плавание идет спокойно, без шума, гама, свистков, ругани, и за кормами судов только вскипают крутые волны, уходя к крутым берегам реки.

Последняя словно еще выше подняла свои берега, и обрывистые, песчаные, с густой порослью смешанного лиственного леса они идут от одного плеса к другому, представляя вид какого-то громадного глубокого канала.



По виду этих берегов видно, какая масса здесь бывает воды весной и летом, и настоящий ее уровень — только десятая часть той воды, которая здесь поднимается во время разлива.

12 часов дня, около двухсот верст пути по реке за нами, и мы на устье реки Тобола у пары барж, которые заведены сюда и поставлены в ожидании парохода.

Вот и ожидаемый так нами Тобол, по которому мы должны подняться до устья реки Исети. Какая маленькая и быстрая речка, судя по ее устью. Вода совсем другого цвета, и ее течение сразу отменилось при слиянии р. Туры, и пока идет, не смешиваясь своей быстрой, сильной струей вдоль берега. Недалеко видна мечеть татарских юрт, кругом выгон, плоское место, и только ивы одни указывают путь по Тоболу, следуя его извилине.

Мы запасаем дров и в два часа трогаемся в путь по Тоболу, оставив Туру с ее бойким движением пароходов, свистками, которые еще долетают до нас издали, говоря о кипучей деятельности на ней судоходства, тогда как с Тобола ровно ничего не слышно, словно это совсем несудоходная река.

Тобол нас встретил довольно негостеприимно: как раз на его устье мы застали такой ветер, какой ровно нельзя было ожидать еще этим утром, тишиной которого мы наслаждались

еще всего часа два тому назад; он дул со страшной силой как раз против нас и страшно задерживал ход катера. Не меньше его нас задерживало и сильное течение Тобола, которого мы ровно не ожидали, но главное неудобство, которое мы должны были испытать при первой же попытке зайти в устье этой реки, — это мели и такой извилистый характер русла, с которым нельзя было никак справиться без промеров и проводника. Последнего у нас не было, люди с баржи нам ровно не могли ничего сказать, лодки для промеров у нас не было, и мы должны были ошупью искать фарватер между громадными мелями устья этой реки. Кроме всего этого, река казалась такой маленькой на устье: если бы мы не знали, что это Тобол, то, вероятно, прошли бы его, так как он был на устье ничтожен и неширок.

Нужно заметить, что устья рек всегда обманывают и никогда не дают того понятия, которое после составляется о реке. Причина этому лежит в законах течения — всякая быстрая река впадает в другую такую же всегда с узким извилистым устьем, тут происходит вечная борьба рек: одна, поднимая свои воды, заносит другой устье и спирает ее, другая то же делает с той, в которой должна слить свои воды, и если последняя многоводнее, глубже, сильнее, то противница волей-

неволей должна бывает покориться и войти в ее нешироким устьем, и притом с такими мелями, с такими извилинами фарватера, что вы ровно не сочтете ее за большую реку, скорее приняв за какой-нибудь незначительный ее приточек.

В данном случае мы на своем пути по Туре уже имели второй такой пример: проходя мимо устья реки Пышмы, порядочной реки, мы никак не хотели верить, что это ее устье: оно нам показалось не больше какого-нибудь порядочного ручья — так оно было мало, между тем выше — это большая река, на которой стоит г. Камышлов, где много мельниц, где она кажется чуть не судоходной.

Точно то же мы встретили и на устье Тобола. Мы были страшно удивлены, как он неширок и как засорен мелями и карчами, хотя это было вполне естественно, потому что в каждый разлив, да и без разлива, он, спираемый высокой водой Туры, должен был нигде, как здесь, на своем устье, осаживать из воды содержимое и садить свои карчи, которые он смывает и несет вниз по течению весной. Эти громадные мели, в свою очередь, спирают его течение, и вот он прорывает его узкой сильной бороздой и, прижавшись к своему берегу, наконец, выходит в Туру и сливает с ней свои воды.

Река Тура здесь кажется могучей рекой, тогда как р. Тобол

— маленьким притоком, почему нижнее течение этих рек скорее справедливее должно бы быть названо Турой, чем Тоболом, который на самом деле играет здесь второстепенную роль.

Но вот мы в р. Тоболе, вырываемся из стремнины и мелей, и перед нами широкая, хорошая, с положим поворотом река. Только еще одно сильное течение тормозит наш путь, но мы надеемся, что дальше будет и оно тише. Проходим три-четыре версты, поворачиваем снова немного к востоку, видим юрты на берегу татар и вдруг встречаем такую мель, где ровно, кажется, нет нам прохода.

Мы берем то и другое направление, но всюду встречаем мелкое место, мы начинаем производить промеры: оказывается, что всюду нет глубже четырех четвертей, и через час напрасных усилий останавливаемся у берега и идем позвать местных жителей, чтобы они нам могли указать путь. Нет никакого сомнения, что в такой крупной реке, как Тобол, которая считается судоходной, не было бы глубокой борозды здесь или там по широко раскинушемуся течению, и действительно оказывается верно.

Через полчаса на место являются два здоровых татарина ближайших юрт, сламливают тальниковые вехи, заезжают в реку, мы промериваем ее основательно и находим такой фарватер, который никак не боль-

ше будет того, чтобы по нему прошло небольшое судно. Но вся задача в том, что этот фарватер идет не прямо по течению реки, а благодаря старинному язовому запору местных рыболовов, который и существует, несмотря на то что река эта давно открыта для судоходства и по ней рейсируют ежегодно пароходы, и теперь в виде целого ряда толстых кольев почти до половины перегораживающих реку. Ясно, что благодаря ему здесь и образовалась громадная мель и такой узкий извилистый фарватер, по которому надо умеючи провести даже наше маленькое судно. И нам пришлось провести его при помощи татар-проводников, так как справиться с быстрым течением, которое неминуемо нас наносило на колья яза, было не только немислимо на нашем винтовом судне, но даже и опасно, так как мы рисковали сломать винт о первый же кол, на который бы нас набросило течение.

Такая мель на самом почти устье, такие порядки, допускающие рыболовам перегораживать и портить и без того неглубокую реку, нам показались более чем странными, тем более, как говорят жители тех юрт и сами наши проводники, что благодаря только вот этому обстоятельству еще перед нами здесь простоял один буксирный пароход целых двадцать суток, не имея возможности даже на-

родом вырваться на глубокую реку Туру с этой мели.

И странно то, что команда, командир этого чуть не зимовавшего тут парохода даже не только не жаловались на местных рыболовов, что они портят своими запорами реку, но даже не потрудились выкорчевать те колья, которые их поддерживали на месте столько долгого времени, чтобы с ними не случилось подобного в будущем. Вероятно, то и другое считается или в порядке вещей, или просто предоставляется округу Министерства путей сообщения, который когда-нибудь узнает об этом и сделает надлежащее распоряжение.

Эта мель, этот запор рыболовный на самом почти устье реки Тобола невольно заставили нас задуматься, что будет дальше. Но дружелюбные татары нас утешили, что дальше река будет гораздо глубже, и подобного запора мы, пожалуй, не встретим даже до самого Ялutorовска.

Наступал уже вечер, когда мы добрались до первых юрт реки Тобола, и мы с удовольствием решили остановиться под татарским берегом, чтобы переночевать и запастись топливом.

Это были первые инородческие юрты на нашем пути, в которых мы могли выйти на берег, и нам было крайне интересно познакомиться с бытом и жизнью татар.

* * *

Юрты назывались Тархановскими. Недалеко, всего в трех-четыре верстах, виднелась еще такая же местность, как здесь, но те юрты были уже на Тоболе, ниже впадения Туры. Довольно населенный крупный инородческий пункт, быть может, какое-нибудь историческое место, судя по географическому положению.

Наши юрты расположены по самому берегу — высокому, крутому, который сильно подмывает р. Тобол, заставляя жителей отступать и отступать все дальше по высокой реке лугового места. Юрты богатые, еще с реки в них были заметны порядочные домики зажиточных, видимо, татар; и действительно, только что мы подошли к ним на катере, как на самый берег к воде высыпало почти все население юрт, щеголяя шелковыми нарядами женщин и вышитыми тюбетейками мужчин, которых интересовал наш катер. Это была довольно оригинальная, красивая группа: и женщин в пестрых нарядах, и детей, прыгающих от радости на берегу в одних рубашонках, и девушек, которые франтили между ними серебром своих дорогих уборов и шелком. Разумеется, как всегда в толпе — крик, шум, гам, возгласы, смех, удивление и восторг. Бойкие быстроногие ребяташки со стриженными головами встречают нас и бегут по берегу, за ними пускается тол-

па, и мы проходим мимо всего селения, сопровождаемые таким любопытством, что кажется, здесь еще не бывало совсем парохода.

Татаре — все рослый, здоровый народ. Мужчины в одних длинных с крупными рисунками ситцевых рубахах с неизменной тюбетейкой на бритой голове; женщины — поменьше ростом, часто с довольно милотвидным лицом, которое почти ничем не отличается особенно от лиц русских местных женщин, в которых сильно заметна монгольская кровь. Многие со светло-русскими волосами, и, смотря на них, не знаешь: русская ли в них кровь, или наши местные крестьяне заимствовали ее у этих аборигенов.

Их юрты — это настоящая, почти русская, деревня с той же улицей, с теми же оградами и воротами, с теми же домами, только отличающимися тем, что большинство их строится у состоятельных татар в два этажа с обязательным высоким во двор крылечком с балясами, с которых так любят переговариваться досужие татарки, и маленькими окошечками без ставней и плоскою крышей. Та же русская деревня, только устроенная не с такой прочностью, заботливостью, домохозяйством, как у наших крестьян, которые любят устраиваться плотно, с тесовыми прочными воротами, с глухими заплотами и службами кругом дома.

У татар в этом отношении много недостатков: все сделано значительно легче, словно прежний беспокойный образ номада еще удерживает их от прочного поселения, хотя они давно уже оседлые люди-хлебопашцы.

Я пошел пить чай к одному богатому старичку-татарину, который радушно пригласил меня к себе в дом.

Толстый, седой, в коричневом казакине, в лисьей порыжевшей шапке, в калошах, этот татарин имел добродушнейшую физиономию и много напоминал и своим видом, и своей речью, и обращением добродушных киргиз, у которых я был в позапрошлом лето. Дом его оказался на самом берегу Тобола и стоял особняком от прочного селения. В два этажа, с плотной оградой, с хорошинами службами, которые его окружали с трех сторон, он без слов говорил, что хозяин его из числа других жителей этих юрт позажиточнее.

В ограде у крыльца нас встречают молодая татарка с украшенной серебром дорогой косой, такая же, как она, молодая девушка и сын его Ахмет. Старик говорит что-то молодой женщине, и она быстро уходит в комнату нижнего этажа, где видны широкие низкие нары. Старик снимает калоши на крыльце, и мы поднимаемся с ним во второй этаж по крутой лесенке, которая нас приводит

в низенькую чистую комнату, на нарах которой мы застаем старушку. Она что-то шьет. На ней темное платье и шаль, которой она так прикрыла голову, что нам почти не видать ее лица. Мы идем дальше и заходим в другую, рядом, комнатку, которая служит приемной для гостей. Потолок низкий, окна маленькие, но при нарах, устланных сплошь циновочками из травы и ковриками, при такой же низенькой, как потолок, печке, выдавшейся вперед, со своеобразными украшениями, эта комната кажется и уютной, и достаточной по дому. В ней нет почти никаких украшений: ни зеркал, ни картин, ни цветов, все просто, стены голые и чистые, пол тоже, щели сруба плотно замазаны белой глиной, и все так вымыто, выскоблено, что производит приятное впечатление. С нашей мебелью эта комната была бы очень тесна, но при нарах она вполне достаточна, и мы садимся на низкие нары, на циновки и заводим разговор.

Добродушный простой старик оказывается рыболовом: у него целый амбар сетей, у него несколько работников и лодок исключительно для этого промысла, и когда бывает улов осенью и летом, он заготавливает столько рыбы, что отправляет ее сотнями пудов в свежем и сушеном виде на тюменский рынок или прямо сдает скупщикам рыбы для отправки ее в

Москву. Кроме того, он кой-чем торгует, сеет порядочно хлеба и вообще ведет большое хозяйство, не отставая, по его словам, от богатых русских местных крестьян.

Бывая сам всюду: и в Ирбити, и в Тобольске, и в Омске по делам торговли, он любит принимать к себе проезжих людей, и капитаны и хозяева рейсирующих по Тоболу пароходов часто заходят к нему напиться чаю и поговорить о торговле.

Вероятно, принимая и нас за торговых людей, он предложил нам купить несколько пудов набранной им у окрестных жителей ягоды брусники. Но мы сказали ему, что этим делом не занимаемся.

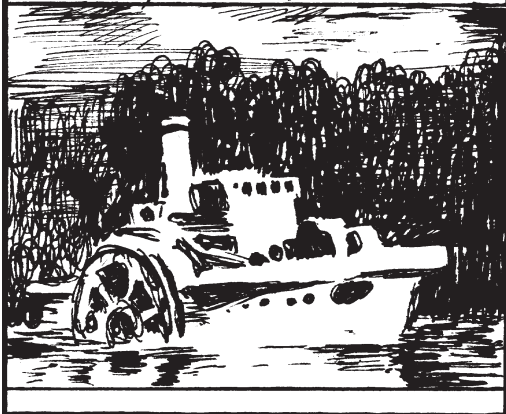
Пока мы разговаривали, в комнату вошла с большим круглым подносом молодая татарка. На нем были поставлены пара низеньких китайских чашечек, два блюдечка со своедельным вареньем из черной смородины и малины и низенький сливочничек с молоком. На паре других тарелочек лежало своего приготовления печенье — что-то вроде деревенских хворостов и маленькие пирожки из сухой малины. Женщина поставила все это перед нами прямо на нары, постлав предварительно красную деревенскую скатерть. Через минуту молодая девушка внесла громадный медный самовар и поставила его на круглый стол к нашим нарам.

Она была уже приодета, и ее шелковое платьице и украшения из серебра и бус приятно гармонировали с ее смуглым красивым личиком и черными косами.

Я полагал, что нас будут угощать женщины, как это водится в русских домах, но они ограничились только тем, что подали еще нам две тарелки кедровых орехов и пряников и тотчас же ушли вниз, предоставив угощение старику. Он с важностью хозяйки налил мне маленькую чашечку прекрасного чая и стал угощать меня, подавая пример и закусывая с аппетитом и жирными хворостами, и белыми душистыми пряниками, и кедровыми орехами вперемежку.

Я навел разговор на судоходство по Тоболу.

Старик хвалит реку, говорит, что она еще недавно была глубокая, но в последние года неизвестно отчего вот уже несколько лет в ней бывают малые разливы, а во время лета она так «перепадает», что, случается, по месяцу и больше приостанавливается всякое по ней пароходство. И вот только за несколько дней перед нашим приездом у его берега стоял двадцать суток один небольшой буксирный пароход с баржами, спустившийся сверху из г. Ялуторовска, который задержала мель, чрез которую мы только что переправились. Он благополучно спустился сверху, но



здесь встретил такую мелкую воду, что решительно ему нельзя было попасть на р. Туру, хотя она всего была от него в трех верстах расстояния. И только благодаря прибыли воды, случившейся на этой неделе, он мог выйти из этой засады и вырваться на р. Туру, где его ожидает столько работы благодаря мелководью.

Я спросил старика, отчего у них под юртами образовалась такая мель, но он ничего, вероятно, догадываясь, что она явилась благодаря, быть может, его запорам, не ответил. Я не захотел ему это указать, и мы перевели разговор на рыболовство и промысла жителей Тобола.

Но по его словам, р. Тобол далеко ныне не отличается ни рыболовством, ни другими промыслами местных жителей. Эта река, скорее всего, славится хлебопашеством. Рыбы в ней действительно было прежде много, но с открытием судоходства она быстро перевелась, и такая рыба, как нельма, уже встречается редко. Но все же весной в нее заходит рыбы много, и местные жители, ставя зимой запоры, ловят ее достаточно, чтобы без труда прокормиться.

Посидев у старика добрый час, я купил у него легкую долбленную осохоревую лодку и отправился на пристань, где должна быть заготовка на следующий день топлива.

* * *

На пристани, на берегу за юртами, я застал целую толпу татар. Разведенный костер красиво освещал их группу вместе с катером, который стоял под самым обрывом берега, светясь огоньками. Одни из татар приготавливали, распиливая, нам дрова, другие, большинство, сидели на обрыве берега, окружив и расспрашивая что-то у моих матросов, когда те распивали чай на берегу у катера.

Я прислушался к разговорам, оказалось, что один любопытный татарский молодой человек, вероятно, вкусивший в какой-нибудь медресе образования, расспрашивал их ни о чем другом, как о будущности мира, о том, что было до сотворения его и что будет при конце его, когда будет конец мира. Мои матросы, воспользовавшись случаем моего прихода, посоветовали ему обратиться с такими мудреными вопросами ко мне, и через минуту у нас с ним завязался разговор.

Оказывается, молодой человек действительно интересовался не шутя такими мировыми вопросами, и я ему сообщил кой-что по поводу его настоячивых вопросов. Узнав, что я бывал в Палестине, в Египте, в Константинополе, он забросал меня вопросами про святых и оказался таким сведущим татаринном относительно святых своего ислама, что я удивился. Мало того, оказалось,

что он даже знает географию и настолько начитан, что я удивился, зная, что книг подобных на его наречии не особенно много.

В конце концов уже поздно ночью, когда мы простились с ним, он признался мне, что очень любит науку и не пропускает случая, чтобы потолковать со знающим сколько-нибудь человеком, и такого случая, как со мной, он уже не забудет до смерти.

Я удивился такой любознательности молодого татарина и посоветовал ему поступить в русское училище. Но оказалось, что он уже женат.

Проводив публику и погасив на этот раз огни, мы легли было спать, но, вероятно, эта ночь должна быть для нас беспокойной. Только что ушли татары, как разразилась гроза. Пошел ливень. Нас промочило, и только благодаря усталости нашей мы заснули крепко утром, чтобы подкрепить свои силы.

Первое утро на Тоболе нас застало густым, сплошным белым туманом, берегов было почти не видно, над рекой тянулся белым покрывалом туман, и было так свежо, сыро и невесело, что мы пожалели, что проснулись так рано, чтобы отправиться.

Но пока мы разводили пары и пили утренний чай на катере, туман несколько рассеялся, и в 6 часов утра мы отправились вверх по Тоболу.

Теперь река стала более спокойной, чем ниже, мелей почти не было, и она, как канал ровная, глубокая, вела нас все дальше и дальше вверх, словно стараясь заглядить то впечатление, которое мы составили вчера о ней при первых затруднениях на ее устье.

Часа через два пути мы встретили на левом берегу реки снова татарские юрты. Это было маленькое селение, всего в десяток небольших домиков, но нам советовали в нем остановиться, чтобы сходить к русской часовне, где явилась икона Спасителя, которой одинаково поклоняются и которую одинаково чтят и русские, и татары.

Это место редко проходит без остановки любой парой, и мы, пристав к берегу юрт, тотчас же отправились к маленькой часовне, которая еще с реки виднелась недалеко от юрт выше по течению Тобола на небольшой сопочке, поросшей травой. Она стояла на самом возвышенном месте, немного в стороне от реки. Небольшая, в виде навеса с деревянным простым крестом, она теперь была совершенно пуста и, скорее всего, напоминала не часовенку, как ее называли, а навес — место, какое часто можно видеть на полях русских крестьян, куда они приносят иконы, молясь о дожде. Чудотворного образа Спасителя тут не оказалось, оказывается, что он хранится в селе Покровском в храме и сюда приносят-

ся только к 15 августа, когда из этого села бывает в эту часовенку крестный ход. Тогда служатся здесь молебны, делаются приклады и, как передавали нам, съезжается сюда столько народа из местных жителей Тобола и Туры, не исключая и татар, что образуется нечто вроде громадного становища.

Вероятно, благодаря этому съезду около часовни построены нарочно деревянные лавочки и шалаши в виде покая, где производится торговля.

Так как было уже недалеко до праздника, было уже 11 августа, то мы на месте этом застали несколько русских и татар, которые уже раскладывали свои товары в занятых помещениях. Одна лавка богатого татарина с Тобола с красным товаром была уже готова для торговли, и толстый седой хозяин ее терпеливо поджидал, сидя у нее на кошме, покупателей вместе с приказчиками, которые что-то еще устраивали в закрытой от солнца кошмой своей лавке. Около стояли воза, телеги, лошади.

Я разговорился с татаринном, и он сообщил мне, что образ Спасителя явился давно на этом месте и что уже издавна здесь вошло в обычай собираться к нему как русским, так и татарам, чтобы поклониться. И последние боготворят его так же, как свои святые.

Замечательное место в этом отношении, которое было бы

желательно обставить более прилично, чтобы и в отсутствие чудотворной иконы можно было верующему человеку прийти и поклониться.

Нашему миссионерному обществу далеко не излишне обратить на его внимание таких мест, где сходятся для поклонения и русские, и татары, и, так сказать, сливаются две чуждые религии; мало, и они могут в умелых и добрых руках быть хорошими проводниками христианства.

* * *

После часовой с лишком остановки у юрт татар и осмотра места, где явилась икона Спасителя, мы снова отправились в путь вверх по Тоболу, но тотчас же у самых юрт попали на мель.

Очевидно, и эта мель у самого жилья человека есть не иначе, как результат рыболовства и запоров.

Так оно и оказалось, когда на берег, видя наши затруднения, собрались местные татары: оказалось, что у них в этом месте исстари делается на зиму запор, и он существует до настоящего времени, нисколько не смущаясь, что река судоходная и ее нельзя перегораживать колыями и запорами из жердей и леса.

Но, к нашему благополучию, мы при помощи обмера этой мели нашли у правого берега реки проход и, переехав реку наискосок от самых юрт

к другому берегу, таким образом миновали мель, которая в данном месте имеет до семидесяти сажен длины во всю реку от одного берега до другого с глубиной всего в четверти.

Затем река снова стала глубокой и спокойной, и мы без всяких приключений прошли по ней три часа вплоть до Александровского поселка.

Это первая дровяная пристань и первое русское селение по Тоболу от устья. И мы решили остановиться, взять запас дров и побывать в поселке, который был всего в версте расстояния от дровней пристани и берега реки.

Был ясный тихий день, поселок казался совершенно безжизненным и словно спал под лучами солнца, и мы напрасно подавали свистки, чтобы вызвать на берег подрядчика, у которого бы можно было взять запас топлива. Пришлось идти самим разыскивать подрядчика в поселок. Поселок уже не новый, обыкновенная русская улица, обыкновенные огороды около домов, заплоты, ворота, дома, часовенка из дерева и обыкновенное расположение поселка с кривой улицей вдоль какого-то высохшего болота в стороне от реки.

Все наши попытки найти хозяев дров были напрасны: встреченные бабы, торопившиеся на берег с ведром яиц и ковригами хлеба для продажи, решительно заявили нам, что под-

рядчика нет дома, весь народ на пашнях, на «страде», и предложили нам отпустить топлива сколько угодно, если мы оставим квитанцию кому-нибудь из них на руки. Мы были рады такому обороту дела и отправились вместе с ними, чтобы не обмануть их надежды что-нибудь нам продать из съестных припасов. Произошел маленький торг, и мы набрали столько яиц, что не знали, куда с ними деться.

Но зато, вероятно, желая отплатить нам за такую любезность, бабы согласились нам напилить дров, и две из них, поздоровее, живо сели на берег, вытянули свои ноги, обутые позырянски в онучи, и бойко принялись за пилку дров, выпросив с нас всего четвертак с сажени. Бойкие, проворные, работающие бабы производили приятное впечатление, на берег еще прибежало несколько женщин, девушек и детей, и скоро на берегу составила целая интересная группа зырянок, которая прекрасно годилась для иллюстрации в любой журнал.

Несмотря на то что поселок уже старый, зыряне сюда переселились лет семьдесят, они прекрасно сохранили свои наряды и до сих пор, несмотря на соседство русских, носят коротенькие сарафаны, красные платки, повязывая их концами назад, простые, вместо ботинок, обутки с самодельными пестрыми и красными поясками, какие они производят для

продажи в своей Вологодской губернии, и даже продолжают любить клетчатые материи, которые можно видеть постоянно на их родине. Две хорошенькие белокурые девушки были в неизменных платочках, которые были повязаны чрез темя с опущенными назад концами. Рубашки их из простого холста были старательно вышиты по вороту красной ниткой, которой были украшены с оригинальным рисунком и их рукава. При этом обязательно раскрытый соблазнительный ворот, коротенькая юбочка и босые ноги.

На детях преобладал не ситец, а простая пестрядина, и мальчики, уже взрослые, благодаря простоте нравов бегали без штанов, как это же постоянно водится на их родине — в лесах Вологодской и Пермской губерний.

Словом, всюду милая простота нравов и та обстановка, которую уже все реже и реже случается встречать в путешествиях не только по Центральной России, но даже и в Сибири, в новых поселках и селениях.

Полюбовавшись этой давно знакомой мне картиной зырян и наслушавшись их лепета, который мне всегда почему-то напоминал лепет и выговор англичанок, как сам этот народ со своим рыжим цветом волос и замечательной бойкостью и находчивостью, я отправился прогуляться в ближайшие поля и луга, чтобы посмотреть,

как там работает зырянин на новом месте жительства.

Поля оказались прекрасно обработанными, луга подчищены и с хорошей травой, и всюду стоял такой роскошный, еще не убранный хлеб, такие копыны сена и зароды, что, видимо, трудолюбивые зыряне здесь царствовали, а не жили.

Но больше всего меня поразило обилие дикой птицы. В то время, когда по лугам и берегу реки не видно было ни одного стада гусей и уток, которых зыряне еще не привыкли, видимо, разводить, мало занимаясь ими и на родине при обилии дикой птицы, в каждом болотце, в каждой протоке, на каждом озерке было столько диких уток и такие смиренные, словно их никогда здесь не бьет человек. И я мог сколько угодно любоваться ими: как они плавали по камышам, как они ловили букашек между лапушником всего в пределах выстрела, словно домашние утки. И даже испуганные, они поднимались только для того, чтобы покружиться над болотцем и снова сесть на него всего в двадцати саженьях от меня, не придавая моему присутствию, видимо, особенного значения.

Но мое удивление возросло и заставило меня окончательно пожалеть, что у меня нет ружья, чтобы поохотиться, когда я увидел на лугах спокойно разгуливающее стадо журавлей, громадных серых журавлей, которые только мирно покрякивали, как-

да завидели человека, и вытянули еще дальше свои серые шеи. Их был добрый десяток, и только что я подошел к ним на выстрел, как они бросились бежать; разбежавшись, поднялись тяжело на воздух и низко потянули, вытянув шеи и лапы, за реку, медленно помахивая громадными крыльями.

Через полчаса я снова их застал на том же болоте, смиренно разгуливающими, и они, вспугнутые моим приближением, снова потянули за реку, чтобы вслед за моим же проходом воротиться и продолжать гулять на почему-то излюбленной мочажине всего в одной версте от зырянской деревушки.

Идя теперь вдоль берега Тобола, я набрал случайно на рыболова под самым обрывом песчаного берега. Рыболов оказался женщиной. Она удила рыбу парой удочек, и в ведре, которое стояло с ней рядом, казалось, привольно разгуливали чебачки, небольшие окуни и писканы, уже с десяток наловленных под этим берегом.

Мы разговорились. Женщина оказалась одинокой: муж где-то служит в работниках, а она, прохворав все лето, теперь, не имея сил работать, ходила каждый день на берег этой реки и добывала себе пищу ужением рыбы. Характерный факт для зырянской женщины, которая привыкла сама себе добывать самостоятельно пищу, как и женщина любого дикаря.

Оказалось, что она даже рыболов по страсти (тоже факт) и занимается этим делом не один год. Но только в последнее время на ее берегу стала совсем плохо ловиться рыба, причина этому, по ее словам, не пароходство, а рак: «Рак обидит рыбу», — говорила она, жалуясь на то, что рыбы стало меньше, когда рак с каждым годом увеличивается и захватывает реку и все ее обрывистые берега, делая себе там норы.

Я посидел у этого оригинального рыболова с удочкой, пожелал ему клева, спросил, прибывает ли вода; оказалось, прибывает, но медленно, всего по дюйму в сутки, и отправился к катеру, который уже разводил пары.

И вот мы снова в пути, бежим по глубокой извилистой реке и оставляем позади себя то луга, то поля, то старые толстые ракиты, которые вместе с сколочками, веселыми сколочками берез и тополей, напоминают, говорят уже о юге.

По реке попадается пропасть диких уток, кулики целыми верстами бегут по берегу, по временам взлетая, чтобы опуститься снова на тот же берег, пробежать от нас несколько десятков сажень и снова перелететь дальше, догоняемые катером. С утками, дикими утками та же история: подпустят на выстрел, на два, словно желая рассмотреть, кто идет, подвигнутся, перелетят плесо и снова

перед самым носом катера, вытянув шейки, готовые лететь, но удерживаемые каким-то странным любопытством.

Совсем первобытная река, и на ней ни одной лодки, ни одного рыболова, ни одной встречи, исключая только тех, когда народ, заслышав ход катера, выбежит на берег и посмотрит, какой пароход бежит в такую мелкую воду.

Это народ, работающий на полях, где еще не все скошено сено, где еще половина полей не убрана. Страда подошла вдруг «крутая», как говорят крестьяне, и они не успели выкосить травы, как уже поспела рожь, овес и закрошилась от засухи пожелтевшая пшеница. Но все это ничего, всем весело, потому что урожай, несмотря на засуху, на глинистой почве прекрасный, и хлеба будет множество, потому что зерно веско и полно.

Сегодня нам предстоит пробежать самое пустынное плесо, селения не будет верст тридцать, и мы, отправившись поздно из Александровского поселка с промерами, должны волей-неволей заночевать на пустопесье. Здесь река почти не тронута человеком, в любом месте на берегу целые заросли тальника, берез, рябин, осины, осохори и столько чащи, сколько высокой травы, что трудно подняться на берег и пройти по нему несколько сажень. Особенно хороши рощи тополей: на обрывистом берегу вдоль извили-

ны тихой широкой реки они порой представляли такую картину своей зеленью, своей стеной, своим красивым видом, что так и хотелось их схватить на желатин фотографической пластинки. После на всем протяжении реки Тобола я уже не видал ничего подобного, и вид этих рощиц, береговых зарослей с высокими тополями у меня остался, можно сказать, самым лучшим из всех видов в воспоминании об этой реке.

Действительно, вечером, часов в восемь, после чудного красного заката, который скрасила одна темная тучка, нам пришлось пристать к одному обрывистому лесистому берегу на ночевку.

Живо был разведен костер, берег, дикий берег, осветился, и мы расположились так, что совсем даже не жалели на этот раз о деревне.

Но ночевать нам привелось не одним: около нас неподалеку ночевало стадо уток в тальнике, а когда на другой день мы проснулись среди тумана, то наши пернатые соседи по ночевке были так смелы, что даже пожелали с нами познакомиться поближе, плавая почти около самого катера, покрывая в тумане. Эти соседи нас и разбудили рано утром, вероятно, недоумевая, что мы так долго спим. Действительно, было уже восемь часов утра, и пора было отправляться в дорогу.

(Продолжение в следующем номере).

Сергей Николаевич КУБОЧКИН родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях.

В 2002 году вышла книга «Тычковка, Сараи, Потаскуй...»

Постоянный автор журнала «Лукич».

Кто вы, герои «Кашеевой цепи»?

Лет десять назад, уже начав собирать старые тюменские фотографии, я по случаю приобрел фотоархив одной старой тюменской семьи. Последняя хранительница семейного архива была одинокой и умерла, оставив все своему квартиранту.

Человек, которому достались старинные фотографии, ценности в них не увидел и отдал их мне с видимым облегчением: выбросить рука не поднималась, а место они все-таки занимали.

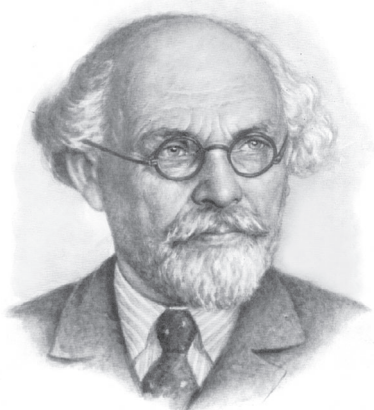
Фотографий было много. Запечатленные фотографом люди в старомодных сюртуках и фраках, в сапогах «бутылками» и модных ботинках, дамы в пышных платьях и шляпках, группами и поодиночке, реалисты и гимназистки в большинстве своем были мне совершенно незнакомы.

Лишь рассматривая обратную сторону паспарту, с некоторыми из них можно было «познакомиться», но подписями была снабжена лишь часть фотографий, остальные так и оставались незнакомками и незнакомками.

Таким образом удалось «познакомиться» с купцом И. Игнатовым, с управляющим Жабынским судостроительным заводом И. Капитановым, с будущим управляющим Западно-Сибирским пароходством М. Дементьевым, протоиереем И. Лепехиным, оперным певцом тюменцем А. Лабинским.

Кроме целой фотохроники семьи Аукиных-Рыжовых, были фотографии с изображением судостроительного завода,





*Пришвин Михаил Михайлович
(1873–1954)*

сюжетные фотографии, зафиксировавшие проводы мобилизованных на русско-японскую войну 1904 г., прибытие первых военнопленных и встречи их тюменцами на пристани в сентябре 1914 года.

Именно тогда, рассматривая старинные фотографии Игнатова, Лепехина, Аукина, и пришла в голову мысль сопоставить их с героями «Кашеевой цепи». Оказалось, что некоторые герои романа очень похожи не только по описаниям внешности на реальных людей старой Тюмени, но имели иногда такие же имена и фамилии.

Из действующих лиц романа наибольший интерес вызвали паромщик, дядя главного героя повествования, Астахов

(И.И. Игнатов), директор гимназии (И.Я. Словоцков), протопоп Иоанн Лепехин (о. И.П. Лепехин), учитель немецкого языка Я.И. Мюллер (Я.И. Миллер), капитан Аукин (Е. Аукин).

Исключенный из Елецкой гимназии, юный Михаил Пришвин приехал в Тюмень, к своему дяде Ивану Ивановичу Игнатову, очевидно, в ноябре 1889 года¹. Прошения о приеме, поданного в Александровское реальное училище, в Государственном архиве Тюменской области найти не удалось, однако сама подача прошения купцом Игнатовым была зафиксирована в отчетной ведомости Тюменского реального училища. К прошению были приложены документы поступающего: метрическая выписка, удостоверение Елецкой управы о звании (он был сыном потомственного почетного гражданина) и свидетельство о прививке оспы.

После сданных им экзаменов и «ввиду того, что в IV классе есть сверстники по летам», а также «ввиду удовлетворительно выдержанного испытания» было решено ходатайствовать перед попечителем Западно-Сибирского учебного округа о зачислении М. Пришвина в число учеников Тюменского Александровского реального училища.

Ходатайство было удовлетворено, и Михаил Пришвин,

¹ Первую испытательную работу в реальном училище Пришвин выполнил 5 декабря 1889 г.

став учеником IV класса училища, начал учебу уже с 3-й четверти, т. е. сразу после рождественских и новогодних каникул, в новом 1890 году.

Пришвин попал в класс, в котором учились Вадим Бобиков, будущий служащий Государственного банка, титулярный советник; сын тюменского купца 1-й гильдии И.П. Колокольникова Владимир; британский подданный Джеймс Вардроппер; сын тюменского пароходчика Михаил Селиверстов, будущий гласный Тюменской городской Думы.

Будущий классик советской литературы при примерном поведении и удовлетворительных успехах по предметам закончил IV, а также V и VI классы реального училища. Последний раз его фамилия встречается в списках VI класса² в мае 1892 года.

Возможно, что летом 1892 года Михаил Пришвин покинул Тюмень, приютившую на два с половиной года неблагонадежного ученика. Документальных свидетельств того, что он оставался в Тюмени дольше, найти не удалось.

Спустя тридцать лет после отъезда из Тюмени М.М. Пришвин напишет, по его же определению, автобиографический роман, в котором часть повествования будет происходить в горо-

де на Туре. Прототипами героев его романа стали люди, жившие когда-то в нашем городе.

И.И. Игнатов

Потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, коммерции советник Иван Иванович Игнатов родился в 1834 г.³ в небольшом старинном городке Белеве Тульской губернии, известном как родина поэта В.А. Жуковского.

Сведения, относящиеся к белевскому периоду жизни Игнатова, скупы и отрывочны. В «Кашеевой цепи» герой, образом которого он был, происходил из староверческого купеческого рода.

Граф фон Вальдбург-Цейль, знавший Игнатова, писал о нем: «уважение к этому превосходному человеку возрастает, когда узнаешь его прошедшее. Двенадцатилетним мальчиком начал он с того, что продавал масло на базаре, и лишь неумолимо старанию и непреклонной воле обязан он тем, что сделался крупным негоциантом»⁴.

Воспитание получил домашнее, так раньше обычно говорили о человеке, не получившем системного образования в учебных заведениях.

Молодой человек, заработавший состояние тяжелым много-

² Тюменское Александровское реальное училище было шестиклассным.

³ Дата рождения взята из формулярного списка И. Игнатова. Запись «К 1898 г. — 63 года» можно понимать так, что в 1897 г. ему было 63 года.

⁴ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С.38.



*Игнатов Иван Иванович
(1834–191...)*

часовым ежедневным трудом, пользовался уважением в городе. В 1861 г. в возрасте 27 лет (!) Иван Иванович был утвержден тульским губернатором в звании Почетного блюстителя 1-го приходского Белевского городского начального училища.

Но вскоре белевский⁵ 1-й гильдии купец Игнатов решается на переезд в Тюмень, вероятно, увидев больше перспективы для себя в Сибири.

Наверное, когда создавался роман «Кашеева цепь», а это были 1920-е гг., было нельзя писать, что купец заработал свой капитал ежедневным упорным и, главное, честным трудом, Пришвина по меньшей

мере просто не поняли бы, по большей — могли привлечь к ответственности за контрреволюционную пропаганду. Видимо, поэтому в романе Астахов (Игнатов) разбогател каким-то чудом: «Он забрал в долг у своих сколько-то денег, уехал в Сибирь и через какое-то, даже не очень и долгое время обратился в сибирского знатного пароходчика...». Как в сказке, взял и обратился в знатного пароходчика, но только в сказке быстро дела делаются.

Для того чтобы стать знатным сибирским пароходчиком, И.И. Игнатову для начала пришлось построить у деревни Мыс под Тюменью судостроительный завод, со странным названием — Жабынский.

Что такое построить завод, не какой-нибудь пряничный или коженный (да хотя бы и такие), а завод судостроительный, требующий, кроме огромных капиталовложений, знаний по судостроению, умения ориентироваться в станочном парке и инструментальном хозяйстве, а также знаний технологических процессов? Необходимо было найти сведущих в кораблестроении людей: инженеров и техников, токарей и фрезеровщиков, чертежников и слесарей, литейщиков и кузнецов.

Игнатов завод построил и стал строить пароходы. Себе и

⁵ Купец назывался по месту объявления своего капитала — белевским или тюменским, московским или нижегородским и т. д., а не из гордости или любви к кому-либо городу.

на заказ. Надо сказать, что заказы на строительство судов поступали даже от купцов Восточной Сибири, например, от крупнейшего купца и судовладельца Трапезникова.

К середине 1870-х гг. Иван Иванович уже богатейший тюменский купец, судостроитель и судовладелец, его пароходы ходили по всем судоходным рекам Западной Сибири. За делами так и не женившись, место для жительства выбрал на самой окраине. «Место сзади Тычковки, примыкающее к р. Туре, низменное, болотистое, куда прежде разве записной охотник рисковал ходить за утками, ютившимися среди зеленой осоки и маленьких озер, —

теперь стало неузнаваемо. Его дренировали, осушили, среднюю прорезали дамбой и насыпью полотна железной дороги, а на краю береговой линии застроили новыми пристанями, складами, уложили откосы берега сплошной стеною плитняка и протянули рельсы железной дороги. Длинной непрерывной полосой тянутся теперь постройки пристаней и пакгаузов, хорошего типа архитектуры, о которых и во сне не снилось прежним тюменцам. Ряд таких строений завершается большим домом и новым садом г. Игнатова»⁶.

В «Кашеевой цепи» дом Ивана Ивановича описан так: «двухэтажный дом с вышкой,

⁶ Сибирский листок. 1893. №58.



И.А. Калганов. Шулера

огромный, неуклюжий и мрачный, ни на что не похоже: ни дом, ни корабль. Для чего, одинокий, холостой, устроил себе такое большое жилье с танцевальной залой, люстрами и канделябрами на стенах? Видно, в свое время у него тоже был свой расчет на хозяйку, на большое женское приличное общество, но могучий человек на сибирских реках не справился с таким, казалось бы, маленьким делом — разыскать себе подходящую женщину, и от всей этой мечты остался только нелепый дом, похожий на речной пароход. Внизу двенадцать комнат и вверх столько же, на вышке подзорная труба — смотреть в степь, на пароходы и на пожары⁷.

Холостяк Иван Игнатов мог «во дворце своем на реке Туре» закатывать такие кутежи, которые надолго оставались в памяти не только его участников, но и прислуги. Так, еще в 1950-е гг. старожилками передавались рассказы о шумных застольях в доме известного купца. Рассказывалось, что для развлечения подвыпивших гостей хозяин приказывал запрягать в упряжь вместо лошадей прислугу и ка-



И.И. Игнатов (?)

тать гостей по комнатам своего дома.

Когда в 1876 году Тюмень посетили члены экспедиции по изучению Обской речной области доктор О. Финш из Бременского музея, его друг натуралист А. Брэм и адъютант штаба короля Вюртембергского граф Цель-Траухбург, они стали гостями И.И. Игнатова, встреча с которым произвела на них сильное впечатление.

«В России иностранцу приходится удивляться, даже если он знаком с солидной северо-германской кухней, обилию яств за домашним столом, но нам сказали, что в Сибири мы увидим еще далеко не то. И действительно, все виденное нами в доме Ивана Ивановича Игнатова, вполне оправдало это предсказание. Едва успели мы утром напиться чаю и кофе, — которые подавались стаканами в элегантных серебряных, резных подставочниках, — как уже был готов так называемый завтрак, состоявший из жареного мяса, дичи и рыбы, — короче не уступавший любому обеду. Как завтрак, так и обеду, предшествует непременно так называемое «закусить», т.е. прежде чем садиться за стол, отправляются к буфету,

⁷ *Пришвин М.М. Кашея цепь. М., 1984. С.115.*

уставленному разными холодными кушаньями, как напр. паштетами, ветчиной, колбасой, икрой, сардинками в масле, швейцарским сыром, и разными напитками, вроде портвейна, хереса и т. п., причем водка занимает самое видное место; каждый выбирает здесь, что ему по вкусу. Таковую закуску у нас признали бы удовлетворяющею всем условиям завтрака, и оттого, очень часто, неопытный иностранец, соблазнившись прелюдией, не может уже воздать должную честь настоящему завтраку, тем более, что каждому гостю кладутся такие порции, которые хоть кого могут привести в замешательство. Поэтому необходимый совет каждому, едущему в Сибирь, — привести сюда быстро переваривающий и здоровый желудок»⁸.

Умел Иван Иванович гостей принимать, описание «фестиваля» в «Кашеевой цепи» вполне соответствовало действительным событиям: «На большом столе посредине целая бочка с икрой, обложенная кедровыми шишками и потом дальше аршинными навагами, осетрами, стерлядями, нельмами; там дымилась горячие пельмени; из кедровых темно-зеленых веток выглядывали бутылки».

Но не только радушием, гостеприимством и обилием закусок удивил Игнатов искушенных немцев, как писал док-

тор О. Финш: «мы встретили в нем вообще чрезвычайно любознательного и сведущего человека, от которого могли гораздо больше позаимствовать, чем он от нас».

Силою той же непреклонной воли и терпения он сумел настолько пополнить пробелы своего образования, что разнородные и обширные сведения, более даже, чем его богатство, доставили ему известность не только в Тюмени и в Западной Сибири, но даже в Москве и в Петербурге. К таким самодеятельным личностям, как Игнатов, сохранившим притом теплое чувство участия к своим подчиненным и живую любовь к искусству и знанию, конечно, каждый отнесется с полнейшим уважением»⁹.

Пришвин также отметил любовь Астахова (Игнатова) к книгам. «Иван Астахов одинаково зимой и летом встает с петухами и до начала своих парходных дел занимается чтением. Чего только он не нахватал для своей библиотеки!.. Много тут есть всяких романов, но не в них дело, — Астахову дорога в книге умственность, такое, чтобы можно было поломать голову и все-таки до конца не понять и оставить догадку себе: есть Дрепер и Бокль, есть Дарвин и Спенсер, из каждой такой книги выходит как бы вызов всему свету. Вот это и есть самое драгоценное,

⁸ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С.38.

⁹ Там же. С.39.

заманка всего чтения. Даже Апокалипсис у него не простой, а подделка под XVI век, проданный букинистом за большие деньги как оригинал; такую книгу читать совсем невозможно, а зато как хорошо показать гостям загадочное и шепнуть: «Эта книга тоже с душком». Но есть святая святых библиотеки, тайна из тайн, и показывается только избранным: роман «Что делать?» таинственного автора, «Знамения времени», Ренан «Жизнь Христа» и Кеннан «Сибирь и ссылка», две книги рядышком в одинаковых переплетках, будто два тома одного сочинения; есть и запрещенная «Крейцерова соната» Толстого, переписанная со многими ошибками рукой легкомысленной свояченицы самого уездного начальника.

Игнатов, не получив системного образования, тем не менее считал его необходимым для молодого поколения. В течение 10 лет, начиная с основания Тюменского реального училища, с июля 1879 г. по 1889 г. И.И. Игнатов состоял членом Попечительского совета училища. Сам не имевший семьи, Иван Иванович помогал воспитанникам Владимирского сиропитательного заведения, состоял в Попечительском совете этого детского учреждения.

Для обучения детей в деревне Мыс Игнатов построил здание, в котором было открыто народное училище, содержавшееся за его счет.

Круг интересов этого купца не ограничивался судостроительным заводом или делами пароходства, он в течение нескольких лет организовывал экспедиции с целью этнографического и географического изучения нашего края.

В 1878 году в Тюмени в типографии К. Высоцкого была напечатана книга «3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби А. Павлова». Издателем этой книги был Игнатов.

В предисловии к ней автор пишет: «Летом 1876-го года, по инициативе И.И. Игнатова, я сделал вояж по рекам Западной Сибири, между Тюменью и Томском с целью ознакомления с современным экономическим положением берегового населения, в особенности инородческого, по реке Оби. Но, не связывая себя специальными задачами, я совершил поездку, как простой любознательный путешественник, знакомясь по возможности с бытом, характером, промыслами и торговлей прибрежных жителей рек Туры, Тобола, Иртыша и Оби, вследствие чего получилась небольшая сумма обще-этнографических сведений».

...Почтенный издатель моего труда дал мне мысль сделать настоящую книгу полезной для той части русской публики, которой случится проезжать через Западную Сибирь, и так как в

летнее время все проезжающие пользуются пароходным сообщением названных выше рек, то книге придан отчасти вид дорожника по этим рекам и приложена в конце коммуникационная таблица расстояний».

Можно предположить, что Игнатов, оплативший не только 3000 верст скитаний А. Павлова, но и издание книги, имел, кроме просветительских целей, свой экономический интерес. Интерес пароходовладельца в предоставлении услуг пассажирам своих пароходов.

Из 50 пароходов, ходивших по рекам Западной Сибири в 1884 г., Товариществу Курбатова и Игнатова принадлежало 11:

«М. Рейтерн» — 1870 г. постройки мощностью 120 л. с.;

«П. Коссаговский» 1871 г., 120 л. с.;

«А. Белленченко» 1871 г., 120 л. с.;

«Н. Казнаков» 1880 г., 100 л.с.;

«Сарапулец» 1880 г., 100 л.с.;

«Белевец» 1881 г., 80 л. с.;

«Нижегородец» 1882 г., 80 л.с.;

«А. Хрущов» 1881 г., 60 л. с.;

«И. Капитанов» 1871 г., 40 л. с.;

«Фортуна» 1876 г., 35 л. с.;

«Дельфин» 1866 г., 140 л. с.

Современники поругивали Товарищество Курбатова и Игнатова в преследовании только коммерческих интересов: «...К^о купцов Курбатова и Игнатова, как наиболее выдающихся, по своим операциям в сфере Запад-

но-Сибирского пароходства, должна была озаботиться постепенным улучшением своих перевозочных средств и доставлением своим пассажирам хотя самых необходимых путевых удобств, но к сожалению состоя во главе всех пароходных предприятий, компания Курбатова и Игнатова далеко не оправдала возлагавшихся на нее в начале дела упований. Поведя на первых порах дела свои довольно добросовестно, К^о пришла в конце концов к убеждению, что при достаточном обеспечении себя финансовыми средствами ей много церемониться со своими пассажирами, особенно 3 класса, уже не следует. Что же касается до конкуренции, то ей и в этом случае опасаться было нечего: равного ей по средствам смельчака-конкурента — не предвиделось»¹⁰.

Заключение компанией в январе 1882 года контракта с Главным тюремным управлением не оставило равнодушными некоторых жителей города. Ведь за буксирование арестантских барж от Тюмени до Томска и обратно в течение 10 лет компания получала по 103000 рублей ежегодно. По тем временам астрономические суммы.

Живший тогда в Тюмени художник-карикатурист И. Калганов написал картину «Шулера», один из ее персонажей внешне удивительно походит на Игнатова. Если учесть слухи,

¹⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск. 1884. С.159.

ходившие тогда по городу, что Игнатов запускает руку в казну, то можно предположить, что художник Калганов изобразил именно его.

Описания этой картины не оставил ни художник, ни Н. Чукмалдин, владевший ею до передачи ее в реальное училище. Лишь в общих чертах в своих воспоминаниях Чукмалдин описал: «Талантливо и правдиво схвачен в лицах момент здешней шулерской игры, когда обыгран был в Тюмени проезжий полковник, спустивший в один вечер 10 тысяч рублей казенных денег». В примечании редактора отмечено: «Выше помещены 4 карикатуры Колганова, одна из которых, очевидно, изображает Высоцкого. К сожалению, покойный Николай Мартемьянович не успел объяснить мне сюжетов остальных, на кучке фотографий, снятых с этих рисунков, стоит только: «Карикатуры Колганова».

Имевший колоритную внешность: «горбоносый, с пепельными кудрями, великан и красавец, если бы не темен в лице: не то разбойник, не то старый цыган-конокрад»¹¹, Игнатов, если предположить, что это он изображен на картине, в самой игре участия не принимает. И в этом смысле историческая правда соблюдена: сведений о том, что Игнатов был карточным игроком, не сохранилось.

Изображенный в профиль, он стоит за спиной обыгранного проезжего полковника и запускает руку в казну.

Российское правительство, в отличие от некоторых земляков-тюменцев, считало деятельность Игнатова по перевозке арестантов по рекам Западной Сибири полезной, за что в январе 1885 г. он был пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени.

Проявил себя Иван Иванович и в переселенческом деле, вернее, в помощи переселенцам из внутренних губерний России. В 1883 г. он организовал и возглавил частный комитет из нескольких лиц, сочувствовавших переселенческому делу. Комитетом были построены в том же году «на бесплатно отведенной городом земле (1600 квадр. саж.) барак в 20 сажень длины и около 5 — ширины — из прочного леса с полом, но без печей, с 12 окнами, обращенными на северную сторону, и две кухни с большими русскими печами и котлами для согревания воды. В таких помещениях могли найти приют до 1000 человек переселенцев».

Для поденщиков, работавших на пристанях, были открыты народные столовые, в которых за ничтожную плату отпускалась горячая пища. «Кухни-столовые обязаны своим возникновением инициативе и поддержке пароходоладельцев и преимущественно, наиболее

¹¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. М., 1984. С.101.

отзывчивому из них на всякое доброе дело — г. Игнатову»¹².

Попробовав себя в 1876 г. в географических и этнографических исследованиях, Игнатов в 1886 — 1887 гг. снаряжает совместно с управлением Богословских горных заводов М. Н. Половцевой и тюменским пароходоладельцем Ширковым экспедицию для исследования рек Южной Сосьвы и Тавды. Непосредственное руководство экспедицией было поручено горному инженеру Людовику Ипполитовичу Подгаецкому.

В течение 1886 года была исследована часть Южной Сосьвы от Филькинской пристани до ее устья. Результаты этих работ были напечатаны в «Известиях Императорского Русского Географического Общества»¹³. В течение 1887 года экспедиция исследовала реку Тавду, и результаты исследований были изложены в статье Л.И. Подгаецкого «О гидрографическом характере реки Тавды и ее экономическом значении как транзитного пути»¹⁴.

Свое избрание в 1885 г. в гласные Тюменской городской Думы Иван Иванович Игнатов воспринял как дополнительную возможность помочь городу и горожанам.

Он успевал быть везде: на Жабьинском судостроительном заводе и в учетном комитете

Тюменского общественного банка, возглавлял подготовительную комиссию для выработки проекта об устройстве за счет города водопровода и пожарных кранов на пристанях и работал в «комитете по вспомоществованию бедным жителям заречной части Тюмени, пострадавшим от наводнения».

Энергии и времени у Игнатова хватало на председательство в комитете «по упорядочению улиц г. Тюмени и изысканию потребных на это средств» и на работу в комиссии по изысканию источников сокращения городских расходов и увеличения доходов. Он состоял членом комиссии по постройке часовни в увековечение памяти императора Александра II и являлся членом местного уездного податного присутствия....

В феврале 1888 г. И.И. Игнатов был удостоен звания коммерции советника, а в октябре этого же года указом Правительствующего Сената возведен в потомственное почетное гражданство.

В четырехлетие 1889 — 1893 гг. деятельного и энергичного купца 1-й гильдии опять избрали гласным Тюменской городской Думы и в совет Владимирского сиропитательного заведения. По поручению городской Думы Игнатов во время своих

¹² Сибирский листок. 1893. №58.

¹³ Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. XXIII. С. 381.

¹⁴ Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. XXIV. С. 347.

поездок в С.-Петербург хлопотал в правительственных учреждениях по вопросу о полукопеечном сборе с грузов, проходящих по железнодорожной ветке между станциями Тюмень и Тура, для использования собранных средств на замощение тюменских улиц.

После утверждения этого сбора с января 1893 г. участвовал в работе исполнительной комиссии по организации работ и наблюдению за ними по мощению улиц и постройке мостов в Тюмени.

Бороться с наступившим голодом в Тобольской губернии в 1891 году Иван Иванович помогал в комитете для обеспечения продовольствием бедных жителей г. Тюмени, он лично уступил 1000 пудов ржаной муки по 90 коп. и 2000 пудов соли по 22 коп. для продажи городом бедному населению, в то время как цены на продукты первой необходимости подскочили в несколько раз.

1891 год в жизни И.И. Игнатова был ознаменован встречей с наследником престола, будущим императором Николаем II. Встреча эта оставила память не только в душе пароходчика Игнатова, но и в литературе.

Эти события начались осенью 1890 г., когда наследник престола, будущий российский самодержец Николай II, был отправлен своим родителем Александром III в морское путешествие для завершения сво-

его образования. Наследник престола со свитой начал свое путешествие с Вены, побывал в Греции, откуда на борту фрегата «Память Азова» в сопровождении русской эскадры прибыл в Египет. Затем была Индия, китайские колонии Франции, сам Китай и Япония.

Обратный путь наследник должен был совершить через всю Россию, начиная с Дальнего Востока. Первоначально планировалось, что по Тобольской губернии наследник проедет на лошадях, захватив лишь 153 версты. Однако со временем планы изменились и было решено, что царственный путешественник проследует от Томска до Омска на пароходе.

6-го июля 1891 г. цесаревич отбыл из Томска на пароходе «Николай», принадлежавшем купцу Некрасову, под управлением его компаньона купца А. Гадалова. Сопровождавшим шел пароход «Казанец», принадлежавший И.И. Игнатову.

«Восьмого июля, в 5-ть часов пополудни при великолепной погоде, пароход «Николай» плавно подошел к Сургутской пристани. Шума парохода не было слышно за криками «ура». Самый город находится на неудобном для причала месте, а потому, пристань устроена на пустынной местности, в 8-ми верстах от города. Обыкновенно пустая и неприветливая гора, под названием «Белый яр», была неузнаваема. Вся площадка на

горе была вымощена досками и покрыта красным сукном. На видном месте был выстроен особый павильон на случай, если бы Его Высочеству угодно было взойти на гору, и около него были приготовлены остоящие юрты со всеми принадлежностями домашнего быта и охоты.

Так как Сургут есть первый город Тобольской губернии, лежавшей на пути Его Высочества, то владельцы пароходов на реках Западной Сибири избрали этот пункт и просили Его Высочество принять хлеб-соль от пароходчиков. Блюдо работы Корнилова в Москве, серебряное, было украшено рисунком, изображавшим пароход на полном ходу, а солонка, сделанная в Тобольске художником Знаменским, изображала земной шар, на котором обозначен весь путь Его Высочества. Как шар, так и орлы, на которых он поставлен, сделаны из мамонтовой кости¹⁵.

«По всем рекам Западной Сибири и даже Восточной: по Оби, Иртышу, Лене и Енисею, от парохода на пристань и с пристани на другой пароход, всем на удивление, бежал слух, что могучий и непреклонный Иван Астахов, поднося хлеб-соль наследнику русского престола, струсил, не договорил свою речь и уронил к ногам его серебряное блюдо.

— Всей шпаной управлял, — удивлялись сибиряки, — а какого-то Николая струсил.

Удивлялись. Другие злорадно смеялись.

После всех этих судов и пересудов явился, наконец, и сам Иван Астахов на пароходе своего имени.

— Я сказал кратко, — начал он этот всеми жданный рассказ: — «Ваше императорское высочество изволили посетить наш отдаленный Север»

На этом месте рассказа Астахов делал большую паузу, и гости с волнением ожидали, что вот теперь-то и будет сцена падения блюда, но Астахов делал паузу только затем, чтобы с силой ударить на следующие затем слова «мы».

— Мы, представители западно-сибирского пароходства, в ознаменование сего величайшего события, подносим вашему императорскому высочеству хлеб-соль.

— Стой! — крикнул директор во время паузы перед «мы». — Стой! Стой! Сейчас же мне говори, что в это время случилось.

— Что случилось? — робким голосом переспросил Астахов.

— Ты уронил блюдо с хлебом и солью?

Молчание. Голос директора:

— Ты уронил?

— Ну да, уронил, — глухо ответил Иван Астахов¹⁶.

¹⁵ Приложения к календарю Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск. 1891. С.6.

¹⁶ Пришвин М.М. Кашеева цепь. М., 1984. С.138.

Вернемся к описанию встречи наследника престола в Сургуте.

«Блюдо подносил пароходовладелец Игнатов, а ассистентами у него были Гадалов, который имел счастье везти Его Высочество на пароходе Некрасова, и представитель фирмы наследницы И.Н. Корнилова И.И. Корнилов.

Тут же на пристани имел счастье представляться Его Высочеству доктор философии Стокгольмского университета Мартин, случайно находившийся с научной целью в Сургуте.

В шесть часов Его Императорское Высочество изволил сесть за обеденный стол, и сургутяне, многие в первый раз в жизни, услышали звуки прекрасного казачьего оркестра, который был выслан из Омска для сопровождения Государя Наследника.

Под звуки музыки пароходы отвалили и направились вниз по реке»¹⁷.

Стоит добавить, что управлявший пароходом, на котором плыл наследник престола, купец Гадалов получил от него в подарок ценный перстень и портрет с подписью Его Высочества. Такие же подарки получил и коммерции советник И.И. Игнатов, который, кроме этого, был еще приглашен 15 июля на личную аудиенцию.

Оказывается, Игнатов на самом деле подносил наследнику

престола хлеб-соль. Но на вопрос, ронял Игнатов блюдо или это литературная выдумка писателя, ответить пока не удалось.

В книге князя Ухтомского, сопровождавшего цесаревича в путешествии, о происшествии на пристани в Сургуте нет ни слова, что, наверное, объяснимо — это издание было парадным, будь даже какая-нибудь досадная оплошность на самом деле, вряд ли она попала бы на страницы.

Ответ может находиться в дневнике Николая II, который он вел, не пропустив ни одного дня, а такой казус, безусловно, должен был найти отражение в дневнике наследника.

В 1892—94 гг. И.И. Игнатов занимал должность директора Тюменского общественного банка и вплоть до 1907 г. состоял членом его учетного комитета.

За свою многолетнюю и полезную деятельность Иван Иванович Игнатов был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени, а также удостоен знака Красного Креста.

Последние годы жизни Игнатова, так же как детские и юношеские, практически неизвестны. В адрес-календаре по г. Тюмени на 1910 г. в списке телефонных абонентов И.И. Игнатов еще значится, однако уже в следующем издании адрес-ка-

¹⁷ Приложения к календарю Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск. 1891. С. 7.

лендаря на 1913 г. в числе телефонных абонентов его нет, а Жабынский судостроительный завод значится как закрытый.

По некоторым сведениям Игнатов в 1912 г. уехал из Тюмени в Тулу, где и умер в 1915 г. Однако беда краеведческой литературы — информация без ссылки на источник — не позволяет с достаточным основанием это подтвердить (опровергнуть).

Во многом Иван Иванович Игнатов так и остался для потомков загадкой, купцом, своими познаниями поражавшим ученых европейцев, судовладельцем, по контракту с Тюменным управлением перевозившим арестантов и одновременно укрывавшим беглых.

И.Я. Словцов

Иван Яковлевич Словцов (1844–1907), действительный статский советник, первый директор Тюменского Александровского реального училища, родился в семье православного священника.

Образование получил в Казанском университете. После окончания курса наук — на физико-математическом факультете по разряду естественных наук. 17 декабря 1865 г. Словцов приказом генерал-губернатора Западной Сибири был зачислен в штат Главного управления. Буквально через три недели Иван Яковлевич был назначен помощником столоначальника Главного управления.



*Словцов Иван Яковлевич
(1844–1907)*

Через год, в марте 1867 г., указом Правительствующего Сената он получил чин губернского секретаря. Но, видимо, Ивана Яковлевича привлекала больше преподавательская деятельность, потому что в апреле 1870 г. он подал прошение о желании работать в Сибирской военной гимназии. После выдержанных испытаний он был определен на должность штатного преподавателя.

В 1874 г. он получил чин надворного советника, через два года — коллежского советника. С октября 1878-го по 1 июля 1879 г. одновременно с преподаванием в гимназии состоял секретарем Акмолинского статистического комитета, за что имел благодарность.

Приказом управляющего Министерством народного просвещения от 18 августа

1879 г. И.Я. Словцов был назначен директором Тюменского реального училища, каким и оставался в течение более чем 25 лет.

По воспоминаниям С.И. Карнацевича, бывшего ученика Тюменского Александровского реального училища, «Иван Яковлевич имел большую седую бороду, которую при разговоре часто наматывал на руку, при чем издавал какие-то звуки, напоминающие хрюканье. Кличка ему среди учеников была «Барбос».

В «Кашеевой цепи» Ивана Яковлевича также можно узнать по характерным звукам и жестам: «когда священник Иоанн Лепехин говорит свою проповедь, директор вдруг подхрюкнет и начнет сматывать и разматывать свою бороду»¹⁸.

За свою многолетнюю службу по ведомству Министерства народного просвещения Иван Яковлевич Словцов был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени.

В двух своих произведениях: «Кашеева цепь» и «Печальный черт, или Ночь перед Рождеством» — Пришвин называет И.Я. Словцова ссыльным.

«В Сибири все с волчьими билетами, сам директор вышел из ссыльных»¹⁹.

«Учитель, Иван Яковлевич Словцов, был самый либеральный учитель, обращался с нами дружески, как товарищ. Но он был из ссыльных, и, наверное, недешево досталось ему право преподавания»²⁰.

В действительности И.Я. Словцов никогда не был ни ссыльным, ни под судом, ни даже под подозрением в каком-либо преступлении, тем более политическом.

В его формулярном списке в графе «Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенных с ограничением в преимуществах по службе, когда и за что именно, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке, не был ли оставлен в подозрении по преступлениям», короткая запись — «Не был».

И. П. Лепехин

Иван Петрович Лепехин, или, как его называли, отец Иоанн, происходил из духовного звания. В 1864 г. после окончания курса наук в Тобольской духовной семинарии 20-летний Иван Лепехин с аттестатом 1-го разряда архиепископом Тобольским и Сибирским Варлаамом был рукоположен в священники села Плехановского Тюменского округа.

Молодому батюшке достался приход церкви Введения во

¹⁸ Пришвин М.М. Кашеева цепь. М., 1984. С.131.

¹⁹ Там же. С.103.

²⁰ Пришвин М.М. Собрание соч. Т.5. М., 1983. С.410.

храм Пресвятой Богородицы. Помимо этого о. Иоанн в течение двух лет исполнял обязанности законоучителя Плехановского сельского училища безвозмездно, а до ноября 1871 г. учил детей за половинный оклад жалованья. Здесь он женился, здесь у него родились два сына: Петр 1865 г. рождения и Михаил 1869 г. рождения²¹.

В ноябре 1871 г. о. Иоанн Лепехин получил назначение на должность настоятеля тюменской церкви Успения Пресвятой Богородицы и состоял на этой должности по 1887 г. Одновременно с декабря этого года служил законоучителем Вознесенского приходского училища. Жил о. Иоанн на Успенской улице, в доме напротив Успенской церкви²². В семье Лепехиных любили музыку, и рояль в небольшой квартире священника, по всей видимости, стоял не как предмет мебели.

Работать с детьми о. Лепехину нравилось, может быть, поэтому в 1873 г. на предложение быть законоучителем еще и Владимирского сиропитательного заведения согласился без раздумий. На этой должности Иван Петрович проработал почти пятнадцать лет.

В 1874 г. его избрали в члены Попечительского совета Тюменской женской прогимназии.



*Иван Петрович Лепехин
(1844–19...)*

10 сентября, с открытием в Тюмени реального училища, по представлению его директора И.Я. Словцова, о. Иоанн Лепехин получил разрешение генерал-губернатора Западной Сибири на временное исполнение должности законоучителя в реальном училище. Больше двух лет проработал о. Иоанн в этой должности, прежде чем в октябре 1881 г. был официально в ней утвержден. В 1887 г. он был назначен настоятелем домово́й Александ-

²¹ Впоследствии Петр Иванович Лепехин состоял на государственной службе, а его брат Михаил, окончив Московское Императорское техническое училище, состоял на частной службе.

²² Сибирский листок объявлений. 1879. №19.

ро-Невской церкви Тюменского Александровского училища. С этого же года он преподавал закон Божий во всех классах Тюменской женской прогимназии.

Иоанн Лепехин на протяжении почти 40 лет помимо настоятельской службы вел преподавательскую работу, в основном с детьми. Пользовался их любовью и уважением. Среди многих сотен просмотренных мною на протяжении десяти лет старых тюменских фотографий встречалось немало с дарственными надписями о. Иоанну Лепехину от учеников и учениц. Бывший ученик Тюменского реального училища С.И. Карнацевич в своих воспоминаниях писал: «Закон Божий, вначале я застал еще, преподавал отец Иоанн Лепехин, очень мягкий по натуре, добрый поп».

При просмотре отчетных ведомостей успеваемости учеников реального училища убедился: учителем закона Божия в классе, где учился Пришвин, был о. Иоанн Лепехин. Можно согласиться с оценкой С.И. Карнацевичем мягкости натуры о. Иоанна: у всего класса в ведомостях стоят одни «четверки» за знания и «пятерки» за поведение.

Иоанн Лепехин был хорошо знаком с Игнатовым, пользовался его доверием и иногда посещал шумные застолья, случавшиеся в доме куп-

ца: «Явился толстый протопоп²³ Иоанн и тоже было направились в кабинет, но встретился в коридоре с директором и Астаховым. Все трое пошли в столовую

— Благорастворение воздухов и изобилие плодов земных! — сказал священник Иоанн.

— Приступим, батюшка, — сказал Астахов.

Директор хрюкнул, наматывая бороду. Священник Иоанн благословил все, начиная с икры, обошел вокруг стола, не забыл ничего. После этого все бросились к столу с тарелочками в руках»²⁴.

В 1894 г. за службу по ведомству Министерства народного просвещения Иоанн Лепехин был возведен в сан протоиерея²⁵. В следующем 1895 г. он был назначен председателем Тюменского уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета. Несмотря на то что им был выработан 25-летний срок для выхода на пенсию, распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного округа протоиерей Иоанн был оставлен на должности законоучителя еще на пять лет. В 1899 г. он в последний раз был оставлен на этой должности еще на пять лет.

За свою многолетнюю службу И.П. Лепехин был награжден набедренником, скуфьей, определением Синода за заслуги по

²³ Обиходное название протоиерея.

²⁴ Пришвин М.М. Кашеева цепь. М., 1984. С.131.

²⁵ Старший православный священник.

гражданскому ведомству был награжден наперсным крестом.

Последние документальные сведения об Иоанне Лепехине относятся к маю 1901 года, когда после похорон Н.М. Чукмалдина Иван Петрович заболел и попросил выдать ему пособие на лечение в размере 200 рублей.

Дальнейшая судьба И.П. Лепехина неизвестна, так же, как неизвестны судьбы его сыновей.

Я.И. Миллер

«А гости начали звонить один за другим. Сначала шли все больше капитаны и управляющие пристанями, с сибирскими фамилиями — Россошных, Беспалых, Долгих. Потом начались учителя. Саратовский немец Яков Иванович Мюллер в форменном вицмундире...»²⁶.

Учитель немецкого языка в Тюменском Александровском реальном училище Яков Иванович Миллер родился 11 октября 1854 г. в семье колонистов села Ольгина Камышинского уезда Саратовской губернии.

Окончив полный курс наук в Саратовском Александро-Маринском реальном училище, он подал прошение в педагогический совет училища о своем желании стать домашним учителем. С успехом выдержав экзамен, получил звание домашнего учителя.

С августа 1883 г. Яков Иванович работал преподавателем

немецкого языка в Тамбовском Александровском институте благородных девиц, но через три года, в августе 1886 г., подал в отставку по семейным обстоятельствам.

Для получения звания учителя гимназий он был подвергнут специальному испытанию по немецкому языку, которое успешно выдержал.

С 1 августа 1887 г. Я.И. Миллер предписанием управляющего Западно-Сибирским учебным округом был назначен учителем немецкого языка в Тюменское Александровское реальное училище. Через два года, в августе 1889 г., когда Якову Ивановичу было уже почти 35 лет, он женился. Его избраннице Екатерине Карловне Кирх не было и семнадцати лет.

С 1889-го по 1893 г. Яков Иванович одновременно состоял классным наставником, а в 1899 г. педагогическим советом училища был избран библиотекарем фундаментальной библиотеки.

К 1909 году статский советник Я.И. Миллер за свою службу был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней. Выслужив 25-летний учительский стаж, был оставлен на своей должности еще на пять лет.

Дальнейшая судьба саратовского немца Якова Ивановича Миллера неизвестна, однако сохранились сведения о его детях.

²⁶ Пришвин М.М. Кашеева цепь. М., 1984. С.122.

Их в семье Миллер было пятеро: Ольга (1892 г.), Александр (1894 г.), Лидия (1897 г.), Владимир (1899 г.), Виктор (1904 г.).

По воспоминаниям Т.И. Калугиной, в 1928 г. в Тюмень приезжал А.М. Лабинский, бывший ученик Тюменского Александровского училища. Он был приглашен в гости к сестрам Миллер, жившим со своей матерью на Телеграфной улице (ныне ул. Красина), на втором этаже двухэтажного деревянного дома. И хотя в их квартире было пианино, в тот вечер они не музицировали, просто вспоминали прежнее время, общих знакомых.

У гостя и хозяек было много общего, а главное, конечно, любовь к музыке. Ольга Яковлевна Миллер в свое время окончила

Петербургскую консерваторию, много концертировала, видимо, поэтому и знала Андрея Марковича Лабинского, тем более что были земляками. После войны О.Я. Миллер преподавала музыку в тюменской музыкальной школе №1.

Ее младшая сестра Лидия и один из братьев жили до 1970-х гг. в Тюмени, проведя свои последние дни в доме для престарелых. Судьбы двух других сыновей Я.И. Миллера неизвестны.

Е. Аукин

Еще одно действующее лицо «Кашеевой цепи» — капитан Аукин. Из повествования известно, что это был капитан одного из пароходов Астахова (Игнатова), имевший одиннадцать детей и обремененный хозяину своей работой.

Лишь достаточная редкость фамилии и совпадение, что фотографии Егора Аукина находились в одном старинном фотоальбоме с фотографиями Игнатова и Лепехина, позволяют сделать предположение, что это и есть прообраз капитана Аукина в романе «Кашеева цепь».

Документальных сведений о реальном Егоре Аукине практически не сохранилось, кроме старых фотографий, которые дают основание предположить, что в 1870-80-х гг. Егор Аукин работал на Жабынском судостроительном заводе Игнатова и позже стал капитаном одного из пароходов.



*Аукин Егор ...
(18...—...)*

Валерий Константинович Белобородов родился 28 декабря 1956 г. в г. Суругте. Окончил геолого-географический факультет Томского гос. университета. Работал корреспондентом радио, редактором городских газет. Первый редактор историко-краеведческого журнала «Югра». Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

Без ума от синемá

«Югорские краеведы» (1995), «Ученые и краеведы Югры» (1997), «Обь-Иртышский Север в западно-сибирской и уральской периодике» (2000) — это книги, плод творчества В. Белобородова и Т. Пуртовой. Был редактором-составителем трех сборников «Тропа жизни учителя Знаменского», «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века» (совместно с Л.П. Рощевской) и «Версты и строки» (все три — 1998 г.)

Постоянный автор журнала «Лукич».



Осень 1909 года запомнилась тоболякам началом регулярного показа кино в собственных, как их тогда называли, «электро-театрах». До этого тобольская публика была знакома с кино лишь по редким сеансам, которые устраивали заезжие демонстраторы. Например, в сентябре 1902 года такой сеанс был дан французом Ж.В. Дерсенем.

Из жителей Тобольска пионером в этом деле стал учитель физики мужской гимназии Н.К. Дингельштедт, открывший в сентябре 1909 года совместно с омским предпринимателем Фабри электротheater «Лух» («Свет»), в

основу репертуара которого были положены научно-популярные ленты. А уже весной следующего года в городе начался настоящий кинематографический бум: один за другим открылись еще три электротheatera. Кинематограф ворвался в жизнь губернского центра подобно тому, как это показано в фильме «Человек с бульвара Капуцинов», и вдруг занял очень заметное место в городской жизни, став и развлечением, и местом общения, и источником знания.

Материалы к истории тобольского кинематографа, как, впрочем, и на многие другие темы, содержатся в прекрасном

источнике информации — газете «Сибирский листок». Это, главным образом, заметки отдела «Городская хроника» и объявления. Газета очень внимательно следила за каждым шагом культурного новшества, сравнивала достоинства и недостатки электротeatров, соревновавшихся в привлечении к себе зрителя. Кинематографична и сама созданная ею панорама хроникальных сообщений, в чем легко убедиться, прочитав заметки.

* * *

В Тобольске в скором времени начнет функционировать электрический театр.

Мысль об устройстве такового принадлежит преподавателю физики в местной гимназии Н.К. Дингельштедту, задумавшему придать ему культурно-просветительный характер. В этих целях Дингельштедт вошел в соглашение с г. Фабри в г. Омске и совместно с ним устраивает такой театр. Уже нанята квартира в д[оме] Фришмана по Рождественской улице и получено согласие города на отпуск электрической энергии с городской электростанции.

(Городская хроника.
1909. 30 авг.)

* * *

Письмо в редакцию Н. Дингельштедта: «По просьбе г. Фабри я согласился лишь содействовать ему в открытии упомянутого театра в смысле устройства помещения и советами по выбору картин, содер-

жание которых отвечало бы запросам этики и просвещения. Формально же никакого соглашения с г. Фабри относительно совместного устройства (а следовательно, и эксплуатации) театра у нас с ним не было».

(1909. 1 сент.)

* * *

В пятницу, 25 сентября, состоится открытие электро-театра «Лух» (д. Фришмана, Рождественская ул., близ аптекарского магазина Деметьева).

(Городская хроника.
1909. 24 сент.)

* * *

В Тобольске открыт электро-театр «Лух». Программа картин с 25 по 27 сентября: Сумасшедший из Фалези (исторический эпизод из жизни Людовика XV); Тиволи (живописный уголок Италии); Роман клоуна; Виды Канады; Приключение в гостях; Близорукий Дон Жуан.

(Городская хроника.
1909. 27 сент.)

* * *

Здание, которое строит А.Н. Хвастунов против мужской гимназии под торговое помещение, снято уже г. Ф. и будет приспособлено под электро-театр. Помещение предположено отделать по типу лучших столичных электро-театров с фойе, буфетом, ложами, электрической вентиляцией и пр. Кроме обыкновенного аппарата, выписывается приспособление для демонстрирования картин с пением. Г.Ф. в ком-

пани с г. Хвастуновым ставят при помещении собственную динамо-электрическую машину с керосиновым двигателем. Открытие нового театра в этом помещении предположено на Рождество настоящего 1909.

*(Городская хроника.
1909. 19 нояб.)*

* * *

На днях в вновь отстроенном помещении против гимназии предположено открытие второго электро-театра — «Био». Среди первых картин пойдут: «Сафо», «Наши за границей» и последняя научная новинка, специально выпущенная дирекцией «Жизнь микробов», микрофотографические снимки бактерий сыпной болезни и их борьбы с красными кровяными шариками.

*(Городская хроника.
1910. 7 марта)*

* * *

В среду, 31 марта, состоялось открытие второго электро-театра «Био», привлекшее массу публики, несмотря на дорогие цены на места от 20 коп. до 3 руб. за четырехместные ложи.

Средняя небогатая публика с большим нетерпением ждет, когда откроются строящиеся новые кинематографы и понизятся цены, слишком высокие для Тобольска.

*(Городская хроника.
1910. 1 апр.)*

* * *

Для электро-театра, открываемого в д. Лобкова А.А. Сырмятниковым, В.П. Густыле-

вой и К°, уже пришел двигатель. Этот электро-театр так же, как и «Био», будет иметь собственное электрическое освещение.

Нельзя не пожалеть, что городу в свое время не удалось устроить крупную станцию электрического освещения, которая могла бы удовлетворить все запросы, мало-помалу собственным электрическим освещением обзаводятся такие предприятия, как электро-театры; кто-нибудь из владельцев их начнет обслуживать и частных лиц, а затем каторжная № 1 тюрьма откроет свою станцию на горе и возьмет на себя освещение казенных учреждений.

*(Городская хроника.
1910. 4 апр.)*

* * *

В новом электро-театре «Био», в доме Хвастунова против гимназии, недочеты первых дней исправлены, и новый театр производит хорошее впечатление. Помещение обширное и очень высокое, устроена электрическая вентиляция, зрительный зал почти втрое больше, чем зал театра «Лух», имеет частный буфет с приличной столовой; в антрактах публика гуляет в ожидательной комнате. Экран по размеру больше бывших здесь когда-либо синематографов, но дрожание света немного заметнее, чем в «Лух»; картины отчетливы, фигуры людей в нормальный человеческий рост. В «Био» несколько лож и поместительный партер, почти ползала занимают

дешевые места за 20 коп. (для детей и учащихся по 10 коп.); желательнее все-таки, чтобы и эти цены были понижены.

Дирекция на пасхе предполагает дать всем начальным школам города даровое представление.

Вероятно, благодаря приезду цирка, «Лух» ныне опустел. Вообще, что-то сомнительно, чтобы в таком небольшом городе, как Тобольск, успешно работали целых пять электро-театров, которые имеют здесь быть.

*(Городская хроника.
1910. 6 апр.)*

* * *

Объявление: «Репертуар «Био»: «Натурщица и балерины», «Слепой банкир», «Наводнение в Париже», «Горе-охотник», «Парижская цветочница», «Воздушные пираты»; «Лух»: «Роковая ошибка», «То было раннею весной», «Охота на леопарда», «Молодые индийцы», «Чудесный шкаф», «В недрах земли».

(1910. 8 апр.)

* * *

Электро-театр, устраиваемый в доме Лобкова против народной аудитории, начнет функционировать на пасхе, называться он будет «Искер».

В нем уже установлены динамо-машина и двигатели, выписанные от Уральского товарищества из Екатеринбурга, присланными специально монтерами. Помещение громадное, с

покатым полом, большим экраном и огромным фойе.

Питрепренеры — А.А. Сыромятников, С.М. Сыромятникова, В.П. Густылева, г. Густылев и г-жа Шапошникова.

10 апреля назначена приемка отстроенного помещения.

*(Городская хроника.
1910. 8 апр.)*

* * *

Начиная с пасхальной недели в Тобольске будут функционировать четыре электро-театра: ранее открытые «Лух» в д. Коган и «Био» в д. Хвастунова, затем «Искер» в д. Лобкова.

Четвертый электро-театр на усадьбе г. Бутлерова также открывает свои действия на пасхальной неделе.

*(Городская хроника.
1910. 18 апр.)*

* * *

На днях открылся в Тобольске четвертый электро-театр «Модерн» в д. Бутлерова по Б. Архангельской улице. Владельцами этого театра приняты меры к получению самых свежих новинок, для чего они вошли в соглашение с Екатеринбургской прокатной конторой Митенкова, абонировавшись на картины в третью очередь.

*(Городская хроника.
1910. 22 апр.)*

* * *

Объявление: «Репертуар «Био»: «Амур и Психея», «Паули Петерс и ее дрессированные животные», «Поединок», «Ривь-

ера», «Запрещенный плод»; «Лух»: «Бамбуковая шляпа», «Флория Тоска», «Жизнь американских охотников», «Вдовушка», «Ограбление банка», «Неудача капитана Главароша».

(1910. 22 апр.)

* * *

На Пасхе у нас были в действии четыре электро-театра и цирк, и везде было довольно много публики. Вновь открытые «Модерн» и «Искер» имеют почти одних размеров экран, в «Искере» несколько больше; картины там и тут выходят отчетливо и ясно; помещение в «Искере» больше, но потолок ниже, поэтому воздуха меньше; большое преимущество театра «Модерн» еще то, что машина там действует исправно, антракты очень короткие и публике почти не приходится ждать; в «Искере» преобладает демократическая публика, места недорогие, и весь праздник «Искер» хорошо работал; к сожалению, все еще пошаливает машина. Самым благоустроенным и самым интеллигентным остается пока «Био», прекрасный выбор картин и прекрасная музыка способствуют цельности и силе впечатления. Первый в Тобольске и самый маленький электро-театр «Лух» теперь почти забыт публикой, но охотно посещается школярами народных училищ, для которых дирекция уступает бесплатно места.

(Городская хроника.
1910. 25 апр.)

* * *

В администрации электро-театров «Лух» и «Био» произошли крупные перемены. Г. Фабри, в самом начале давший средства на устройство электро-театра «Лух», вышел из дела, и все предприятие перешло к г-же Дингельштедт. Г. Арефьев, директор электро-театра «Лух», также уезжает из Тобольска и взятый им подряд на аренду витрин для расклейки объявлений переходит к другому лицу, а именно к А.А. Сыромятникову.

(Городская хроника.
1910. 11 мая)

* * *

Тюменские электро-театры жалуются на отсутствие публики, за последние две недели они не выручают и двух третей затрат; это обстоятельство заставило один из театров сбавить цену до минимума — 8 коп. за вход, а публики все же нет.

(Городская хроника.
1910. 27 мая)

* * *

В понедельник 14 июня в электро-театре «Био» состоятся сеансы, сбор с которых поступит в пользу недостаточных учеников гимназии, которые в нынешнем году окончили курс. Всякий знает, как трудно бедняку выбраться из родного города в университет или другое какое-либо высшее специальное учебное заведение, потому можно надеяться,

что публика своим посещением «Био» в этот день окажет услугу окончившим гимназистам.

*(Городская хроника.
1910. 13 июня)*

* * *

В среду 25-го и в четверг 26 августа в электро-театре «Искер» предполагаются сеансы в пользу недостаточных студентов-тоболяков. Будут функционировать чайный и винный буфеты. В антрактах предполагается оркестр музыки. Начало сеансов 25-го с 5 часов дня до 11¹/₂ час. вечера, а 26-го — с 6 час. дня до 2 час. ночи.

*(Городская хроника.
1910. 22 авг.)*

* * *

С 23 ноября в электро-театре «Био» будет демонстрироваться интересная картина «Рыба сепия» (жизнь каракатицы — многоногого моллюска) из серии научных картин. Нельзя не пожелать нашим электро-театрам ставить почаще такие картины, как «Жизнь стоячей воды», «Жизнь микробов», «Развитие куриного яйца», «Операции Ду-эна», «Исследование желудка X-лучами», «Рыба сепия» и др., которые делают электро-театр не только местом развлечения, но и популяризатором научных сведений.

*(Городская хроника.
1910. 23 нояб.)*

* * *

В электро-театре «Искер» введена новинка — в антрактах выступают вышедшие из

труппы Кармелюка-Каменского г-жа Украинцева и г. Черноморец. Это новшество привлекает массу публики.

*(Городская хроника.
1910. 19 дек.)*

* * *

В электро-театре «Модерн» введена симпатичная новинка — в частном буфете получают газеты «Русское слово», «Речь», «Биржевые ведомости», «Уральская жизнь», «Сатирикон», которые туда доставляются тотчас по приходе почты в Тобольск еще вечером — эту почту горожане получают только на другой день.

*(Городская хроника.
1911. 1 марта)*

* * *

В электро-театре «Модерн» в минувшую неделю была поставлена интересная картина «Божественная комедия» Данте. Благодаря прекрасной игре г-жи Копачелли получалось очень сильное впечатление. Жаль, что на демонстрации этой картины перебивало сравнительно немного учащих благодаря экзаменационной страде.

*(Городская хроника.
1911. 1 мая)*

* * *

Электро-театр «Био» обещает своим посетителям небывалую еще в Тобольске новинку — говорящие картины. Перед зрителями проходят не обычные безмолвные картины, а в пьесах действующие лица декламируют, причем действует не грам-

мофон, а живые люди — кинодекламаторы. Одно из таких кинодекламаторов Я. А. Жданова электро-театр «Био» пригласил для постановки нескольких картин — «Мертвые души» Гоголя, «Хирургия» Чехова, «Свадьба Кречинского» и др.

(Городская хроника.

1911. 11 дек.)

* * *

От электро-театра «Био» за декабрь в пользу голодающих поступила в Красный Крест полная выручка с одного спектакля — 38 руб. 06 коп.

От электро-театра «Модерн» ожидается выручка валовая в субботу 21 января в пользу сельских столовых Красного Креста. Комитет надеется, что ввиду скорого открытия этих столовых тобольская публика поддержит субботний сеанс «Модерна» своим посещением.

(Городская хроника.

1912. 19 янв.)

* * *

В пользу столовых Тобольского уездного отделения Красного Креста электро-театр «Модерн» передал сбор с сеансов 14 марта, валового сбора в этот день было выручено 62 руб. Большой успех имело концертное отделение, в котором выступили г-жа Уварова (пение) и г-жа Ламанская (чтение).

(Городская хроника.

1912. 18 марта)

* * *

Электро-театр «Био» перешел в руки нового владельца Ивана

Петровича Миронова. Новая дирекция обещает поддерживать добрые традиции «Био», выбирая картины серьезного и научного содержания по преимуществу.

При электро-театре «Био» открыта оригинальная новинка — моментальная электрическая фотография миниатюр по дешевой цене — 50 коп. за дюжину карточек. Виденные нами образцы снимков очень недурны.

20 сентября в 10 часов утра в третьей части г. Тобольска, по Абрамовской улице, в доме Любокова, в здании электро-театра «Искер», будет продаваться движимое имущество, принадлежащее дирекции электро-театра «Искер» и состоящее из нефтяного двигателя, динамо-машины, проекционного фонаря, роля, мебели и проч., всего по оценке на сумму 1394 руб. 70 коп.

(Городская хроника.

1912. 23 сент.)

* * *

Электро-театр «Био» в скором времени ставит картины из жизни Тобольской губернии — торжественное освящение в присутствии губернатора дамбы в с. Червишевском, построенной крестьянами в голодный 1911 год, и тюменские юбилейные торжества 26 августа.

(Городская хроника.

1912. 30 окт.)

* * *

Везде жалуются, что кинематографы отбивают публику у театра, у нас, наоборот, последний месяц электро-театры «Модерн»

и «Био» пустуют за исключением праздничных дней; со введением народных спектаклей в народном доме публика постоянно пользуется случаем посмотреть хорошую игру приезжей труппы.

*(Городская хроника.
1912. 18 нояб.)*

* * *

Наши электро-театры вынуждены обратиться к гастролям странствующих «знаменитостей».

В «Био» только что закончены гастроли босоножки Аси Шпаковской. «Пластические танцы», несомненно, подняли сборы «Био», а сейчас уже объявлены гастроли «Короля цепей», который просит публику ни больше ни меньше, как принести с собой самые прочные замки и цепи и заковать его лично!

Почтенный король цепей не должен забывать, что в нашем городе пять тюрем, и по части замков и цепей у нас строго, у нас найдутся и в публике специалисты, вызов которым бросать легкомысленно, хотя гастролер и уверен, что он «освобождает себя от железных пут без всякого труда».

М.К.

(Театр. 1912. 29 нояб.)

* * *

В четверг, 24 января, в кинематографе «Био» идет сеанс, сбор с которого поступит в пользу местной лечебницы для бедных.

*(Городская хроника.
1913. 24 янв.)*

* * *

С первым снегом начался наплыв публики в электро-театры. Начал функционировать закрытый театр «Био», хотя картины пока те же, что в «Модерне». К сожалению, выбор лент «пинкертоновский» — «Протеа-сыщица», «Фантомас» и прочие перлы шаблонных кинематографов.

«Модерн» и «Био» 1 октября были переполнены.

(Театр.

1913. 3 окт.)

* * *

После трех электро-театров, бывших в городе, одного «Модерна» как будто бы маловато; раньше, пока была конкуренция, публика смотрела одни пьесы в «Модерне», другие в «Био», теперь монополия, «Био» принадлежит той же компании и пока закрыт.

Нельзя об этом не пожалеть. «Био» всегда пользовался симпатиями публики, так как и выбор картин, и музыка, и вся постановка дела в нем заставляли подтягиваться и «Модерн».

(Театр. 1913. 10 окт.)

* * *

5 января в электро-театре «Модерн» состоялась католическая елка, привлекающая почти все католическое население Тобольска и несколько детей других вероисповеданий. Устроительницы елки А.В. Печокас и Ю.Н. Кузиковская приложили немало труда и забот по организации елки, так как представили целый ряд удовольствий, кото-

рые удовлетворяли не только детвору, весело кружившуюся вокруг эффектно убранной елки и получившую со вкусом выбранные подарки, но и взрослых, любовавшихся как интересною программой электро-театра, так равно и вполне дружную игрою на польском языке любителей комедии в трех действиях «Советчики господина советника», причем особой искренностью и задушевностью отличалась игра господина советника и его дочери. После спектакля молодежь долго и оживленно танцевала под звуки стройной игры любителей балаганчиков. Католическое общество г. Тобольска никогда еще не пользовалось столь разнообразными удовольствиями вечера и долго с искренною благодарностью будет вспоминать труд, радушие и гостеприимство распорядительниц, дружную игру любителей-актеров и отзывчивую доброту С.Е. Ладыгина, безмездно предоставившего помещение и дневной репертуар «Модерна».

Один из посетителей.

*(Письмо в редакцию 1914.
9 янв.)*

* * *

Преподаватель физики местной гимназии Н.К. Дингельштедт переводится на службу в Красноярск.

В его лице помимо хорошего преподавателя своего предмета Тобольск теряет хорошего лектора, выступавшего на общедоступных чтениях в му-

зее, его отъезд особенно будет чувствоваться, когда начнет функционировать Тобольское общество внешкольного образования, имеющее в виду организовать ряд систематических чтений по разным предметам.

С именем г. Дингельштедта у тоболяков связано воспоминание о первом кинематографе в Тобольске, маленьком «Лух», который действительно вносил свет в туманную мглу провинциального захолустья своим умело и обдуманно подобранным выбором картин, знакомя с жизнью иных, далеких стран, с их высокой культурой, удобствами жизни и природными красотами. Как часто приходилось слышать тогда от тоболяков фразу: «В «Люксе» хоть на минуту можешь оторваться от нашей неприглядной, нудной тобольской жизни и посмотреть, как в хороших местах люди живут, и отдохнуть душой».

*(Городская хроника.
1915. 13 авг.)*

* * *

В понедельник 9 (22) апреля в электро-театре «Модерн» состоится четвертая лекция по огородничеству; пятая лекция состоится в среду 11 (24) апреля и шестая лекция 13 (26) апреля.

Начало лекции в 4 часа дня. Плата за вход — 30 коп. Читает агроном О.И. Убыткова. Лекции организованы местным женским клубом.

*(Городская хроника.
1918. № 36).*

«Пути Соввласти» и «дорожка Симонова»

Сегодня краеведческое движение находится на подъёме — издаются книги, альманахи, журналы, посвящённые региональной истории и культуре, возрождаются краеведческие организации. Отчасти это напоминает 1920-е годы, когда развитию краеведения уделялось большое внимание на государственном уровне. После разгрома краеведческого движения в к.1920-х гг. традиция изучения местного края надолго прервалась. Современное краеведение нуждается, в первую очередь, в обновлении своей источниковой базы — создании прочного фундамента для дальнейших исследований. Большое значение в связи с этим приобретает изучение опыта предшественников, восстановление прерванной традиции. Много в этом направлении сделано издательством Ю.Л. Мандрики, благодаря которому в последние годы в научный оборот было введено большое количество работ, прежде мало или же совершенно недоступных большинству исследователей. Одна-

ко, за редким исключением, эти публикации относятся к досоветскому периоду, работы исследователей 1920-х гг. по-прежнему пребывают в забвении. Более того, современным краеведам неизвестны сами имена их предшественников, трудившихся в те годы. Исключение составляет ограниченный круг персоналий (П.А. Россомахин, П.А. Городцов и др.), работы которых также, по большей части, много лет не переиздавались либо до сих пор пылятся в архивах.

Несколько больше повезло Георгию Ивановичу Симонову (1890—1923 гг.), одному из наиболее известных и популярных исследователей Тюменского края первой четверти XX века — его жизни и деятельности посвящена статья Л.Г. Улыбиной*. Перед нами встаёт образ учёного-подвижника: энциклопедист, окончивший Ишимское духовное училище и проживавший в Тобольске, в 1920-е годы он развернул активную работу по изучению и популяризации истории родного края — осно-

* Улыбина Л.Г. Служить обществу (О тобольском краеведе Г.И. Симонове)// Тобольский хронограф. Вып.3. Екатеринбург, 1998. С. 314–323.

вал кабинет «тобольскоеведение», выступал с докладами на заседаниях Общества изучения края и Общества изучения Тобольского Севера, опубликовал ряд статей и брошюр. Деятельность Г.И. Симонова получила признание со стороны Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук, членом-корреспондентом которого он был избран в июне 1923 года. Авторитет Георгия Ивановича среди краеведов и интеллигенции Тобольска был необычайно велик. Жизнь его оборвалась трагически — 13 декабря 1923 г. он покончил с собой по невыясненным причинам.

Сегодня мы имеем возможность добавить некоторые штрихи к биографии этого человека, взглянув на события, связанные с его кончиной, глазами негласных осведомителей ОГПУ, на основе донесений

которых составлялись общие сводки о политическом и экономическом состоянии Тобольского округа. Из документа, фрагмент которого мы сегодня публикуем, мы узнаём и некоторые доселе неизвестные стороны его деятельности — так, Георгий Иванович называется известным богословом, приверженцем патриарха Тихона, неоднократно защищавшим позиции церкви на популярных в то время диспутах. Впервые мы узнаём и о его напряжённых взаимоотношениях с властями, следствием чего стало отстранение краеведа от преподавательской работы. Даже дата смерти, упоминаемая в документе (14.12.1923 г.), не совпадает с данными Л.Г. Улыбиной. Словом, вопросов снова больше, чем ответов.

Стиль и орфография оригинала сохранены.

ПП ОГПУ по Уралу

Сводка о состоянии Тобольского округа Уралобласти на 17 декабря 1923 г.

Декабря 14 дня с.г. около 12 ч. дня в складе Комотдела удавился сотрудник последнего Симонов Георгий Иванович, педагог средних и высших учебных заведений, знаток истории Тобольского Севера, в частности Тобольска и известный богослов. Причина этой смерти служит по рассуждениям жителей города Тобольска безвыходное материальное положение, тяжёлая и длительная болезнь жены и дочери, отстра-

нение его от любимой его работы по народному образованию и пр. фактическая причина смерти Симонова не установлена, но активная и глупая половина людей считает смерть Симонова как жертву существующей государственной власти, т.е. иными словами использует факт. Представители медицины будто бы констатировали после смерти Симонова факт психической его ненормальности. Духовенство похо-

ронило Симонова по церковному обряду, несмотря на то, что он удавился. Кроме того, отпевали Симонова в церкви не в обычное время, а в 5 час. вечера, после обедни по примерам похорон великомучеников в былые времена. На похоронах присутствовала тысячная толпа людей с черносотенской идеологией как-то: учительство, учащиеся — приспешники черносотенцев, интеллигенция разных мастей, церковные крикуши, обывательщина и духовенство. Настроение черносотенской толпы и в особенности учительство могильное со злостью по адресу Соввласти и РКП(б). Симонов заядлый сторонник Тихона защищавший свою позицию как богослов, неоднократно на диспутах и пр. Приспешники церкви признают Симонова как мученика за христианство.

Настроенные черносотенным учительством дети школ 2 и 1 ступени пишут стихи о Симонове как мученике Георгие, поют молитвы памяти Георгия и пр. В общем похоронный процесс носил явно демонстративный антисоветский и антикоммунистический характер. По существу смерти Симонова некоторые антисоветские элементы из учительства, духовенства, политссыльных и пр. намерены были произнести речи, но т.к. в последних по их словам нужно было касаться существующей власти, во избежание неприятностей — воздержались. После смерти духо-

венство и некоторое учительство организовало сбор денег на похороны и семье умершего, он дал, видимо, хороший результат. По поводу этого сторонники Соввласти рассуждают, если знали, что Симонов нуждается в средствах, то почему не помогли раньше и проч.

После похорон Симонова, состоялось собрание работников Народного просвещения, посвящённое вопросу об участии учительства в процессе похорон Симонова, на каковом завед. Тобуоно Попов (безпарт., числится как неблагонадёжный в ГПУ), ответ. секретарь Рабпроса Эристов (безпарт.) клеймили грязью учительство за то, что оно приняло активное участие в похоронах Симонова вместе с тихоновцами — т.е. в антисоветской демонстрации и пр. учительство пыталось защитить свою точку зрения, но в результате созналось в своей оплошности. Завсоцком Попов клеймил учительство похорон в особенности в том отношении, что последнее не только не старалось правильно осветить учащимся смерть Симонова как происшедшую по личным обстоятельствам, не связанным с существующей властью, а наоборот затемняло понятие учащихся в этом отношении путём представления его как мученика и пр., в результате чего мы и замечаем стихи мученику Георгию. В этом отношении к учительству предъявлено требование объяснить учащимся смерть Симоно-

ва как происшедшую совсем независимо от власти. Секретарь Тобокружкома между прочим сказал учительству, что, если оно не желает пойти по

пути Соввласти, то пусть отправится по дорожке Симонова.

ТОЦДНИ Ф.30. Оп.1.
Д.21. Л.313–313 об.

А. Крылов, СТГ и И. Словцов (1897–1899 гг.)

Вплоть до появления Временных правил о печати от 24 ноября 1905 г., все периодические издания возникали с дозволения Главного управления по делам печати. Порядок учреждения был следующим. После прошения издателя о разрешении ему создать свою газету или журнал губернатор вел довольно сложную переписку с местным жандармским управлением, окружным исправником «о политической благонадежности» и «нравственном отношении» просителя. Например, в рапорте тобольского полицмейстера об А.А. Крылове — издатель-редакторе «Сибирской торговой газеты» (*далее* — СТГ.) — говорилось, что Александр Александрович «поведения хорошего, под судом и следствием не состоял и ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был»¹.

Местная администрация, следуя предписанию Главного управления — как можно больше использовать губернские и областные ведомости вместо учреждения новых периодических изданий, — поднимала вопрос об

их целесообразности. Так, о необходимости «создания в Тобольской губернии самостоятельной торговой газеты» и компетентности ее редактора — А.А. Крылова шла переписка между тобольским губернатором и редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли. Указателя правительственных распоряжений по Министерству финансов». Последняя отмечала, что «Крылов состоит корреспондентом Министерства финансов более двух лет, причем сообщает сведения о ходе торговли на главнейших рынках Тобольской губернии. Кроме того, ему поручается сообщать подобные сведения о ходе дел на тюменской, ирбитской и других местных ярмарках. Корреспонденции Крылова, который, несомненно, хорошо знаком с местной торговлей, вполне удовлетворяют требованиям редакции, что вместе с его аккуратностью и исполнительностью может дать основание предполагать, что он справится с газетным делом»².

¹ ТФ ГАТО Ф. 152. Оп 36. Д. 40. Л. 3.

² Там же. Л. 7.

Пожалуй, плюсом для Крылова стал и тот факт, что он являлся «постоянным сотрудником и репортером неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей»³.

«Досье» заводилось на каждое разрешенное и даже на неразрешенное издание.

Далее вся собранная документация отправлялась в Главное управление по делам печати, которое решало, — дозволить ли новый печатный орган. В случае положительного ответа Управление выдавало свидетельство в двух экземплярах. Одно — для издателя, другое — для предъявления в типографию (без него издание не могло быть напечатано). Что касается цензуры, то, поскольку в Тобольской губернии не было цензурных комитетов, цензурование периодической печати, согласно действовавшему законодательству (ст. 420 т. II ч. I Св. законов), возлагалось на лиц, которые обладали, «как представители губернской власти, особым доверием, являясь органами административной (а не общей) цензуры»⁴. При этом на цензора всецело падала ответственность за статьи, помещенные в издании. А.А. Крылов,

получив под расписку свидетельства на право издания газеты⁵, попросил назначить ему цензора в Тюмени «ввиду ежедневного издания и неудобства связанного с предоставлением цензуры газетных материалов в Тобольск»⁶.

Цензором «Сибирской торговой газеты» стал директор Тюменского реального Александровского училища И.Я. Словцов. Губернатор аргументировал это тем, что «в Тюмени из числа подведомственных лиц нет таких, которые соответствовали бы требованиям опытного цензора»⁷. Иван Яковлевич был не самодур и невежда (каким мог оказаться провинциальный цензор), а один из образованнейших людей губернии, положивший немало сил на ее развитие. Кстати, обязанности цензора Словцов выполнял бесплатно.

«Сибирская торговая газета» распространялась среди подписчиков (5 рублей в год) и продавалась в розницу (5 копеек за номер). В феврале 1899 г. в еженедельнике отмечалось, что отдельные номера «Сибирской торговой газеты» продавались в магазинах: М.А. Вяткина, Э.В. Бентхен, А.Ф. Аверкиева, в книжном магазине «Польза»⁸. Газета также посылалась в Московскую публичную библиотеку⁹. Всего же, например, в 1898 г. печаталось и расходилось до 2000 экземпляров ежедневника¹⁰.

³ ТФ ГАТО Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 8.

⁴ Там же. Лл. 37–39.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 14 об.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ СТГ. 1899. №45.

⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Лл. 29–31.

¹⁰ Там же. Оп. 35. Д. 457. Л. 231.

Подписка на еженедельник принималась в Санкт-Петербурге, Москве, Тобольске, Омске, Томске, Барнауле, Ачинске, Екатеринбурге, Перми, Челябинске и Кургане¹¹. Контора редакции газеты в Тюмени находилась на Мало-Разъездной улице. Иногда подписчики получали бесплатные приложения. Например, в 1900 г. редакция обещала, что «живущие в Тобольской губернии, получают бесплатно «Тобольский календарь» на 1900 г., а городские — «Справочную книжку» по г. Тюмени»¹².

Рукописи корреспондентов принимались ежедневно. В них необходимо было указать имя, фамилию, обратный адрес и условия, на которых желали печататься авторы. В противном случае материал редакцией не оплачивался.

Объявления из Европейской России принимались «исключительно в Москве, в центральной конторе объявлений торгового дома Л. и Э. Метцль и К° и его отделениях в Санкт-Петербурге». Стоимость рекламного сообщения зависела от его расположения в газете: «впереди текста — 30 копеек строка петита, в конце текста 15 копеек и в середине текста 45 копеек». Объявления занимали в среднем чуть более $\frac{1}{4}$ объема газеты. Обычно еженедельник состоял из 4-х, реже — двух полос. Внизу последней страницы обязательно отмечалось, когда издание «дозволено цензурой», кто редактор, изда-

тель, типография. «Сибирская торговая газета» печаталась в собственной типографии, открытой Крыловым 8 июля 1897 года. Для нее была приобретена скоропечатная машинка одной из лучших полиграфических фабрик «Кениг и Бауэр» в Оберцелле и 1 бостонский пресс¹³. Это давало типографии возможность помимо печатания газеты заниматься переплетными работами (выпускать различные брошюры и книги).

Первый номер «Сибирской торговой газеты» вышел 9 июля 1897 г. Новое издание рассказало о своих задачах в статье под заголовком «От редакции». В ней говорилось, что «вопрос об издании в Сибири такого органа печати, который занялся бы специально исследованием и разработкой торгово-промышленных вопросов края, явился почти три года назад, когда проведение Великой сибирской железной дороги уже в самом начале показало, что Сибирь ждет небывалое оживление, как в торговом, так и промышленном отношении»¹⁴. Автор публикации отмечал, что Сибирь переживает «переходное время», усиливается ее связь с иностранными государствами, поэтому «следить за всеми проявлениями

¹¹ СТГ. 1897. №1 (9 июля)

¹² Бюллетени Тюменского Агента Российского телеграфного агентства. 1899. №179.

¹³ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40.Л. 20.

¹⁴ СТГ. 1897. №1.

торгово-промышленной жизни Сибири — вот главная задача нашей газеты, но мы не будем ограничиваться этими узкими рамками, а, насколько позволяет общество, будем уделять место вопросам общественной жизни нашей окраины». Таким образом, редакция была намерена рассматривать на страницах еженедельника не только экономические, но, вероятно, и политические события.

Программа «Сибирской торговой газеты» была утверждена Министром внутренних дел 30 ноября 1896 г. Она включала в себя: месяцеслов и астрономические сведения; правительственные распоряжения; телеграммы; хронику «городской жизни Тюмени и ближайших к ней городов»; торговый, промышленный и сельскохозяйственный отделы; историю, археологию, этнографию и географию Сибири; переселенческий, миссионерский и школьный отделы; библиографию; судебную хронику; перепечатки из других газет и справочный отдел. Фактически в ежедневнике систематически и в достаточно большом количестве печатались телеграммы (как отечественные, так и зарубежные), события городской жизни, соседних городов и сел.

Регулярной рубрикой «Сибирской торговой газеты» была

«Ответы редакции» на вопросы читателей объемом в 3–10 строк. Обычно это выглядело следующим образом:

«Приславшему №26 с корректурными пометками. Вам, видимо, нечего делать»¹⁵.

«Тюмень. А.К. Голодникову. В вашем сотрудничестве нужды не имеем и просим избавить нас от Ваших посещений».

«Ирбит. Л-ву. Корреспонденция не может быть напечатана не по нашей вине»¹⁶.

«Тюмень. Лучинову. Опровержение написано резко, поэтому помещено не будет»¹⁷.

Обычно небольшие заметки без подписи автора начинались словами «Нам сообщают, что», «Мы слышали, что». Нередко это делалось с целью не разглашать источник, дабы снять ответственность с редакции за размещаемую на страницах газеты информацию. «Сибирская торговая газета» заимствовала материал и из других периодических изданий (как правило, со ссылкой на них): «Тобольские губернские ведомости» слышали, что купец А.А. Сыромятников, в товариществе с одним провизором, намерен открыть в Тобольске аптеку и при ней заведение искусственных минеральных вод». Иногда сообщалось и об изменениях, происходящих в других газетах. Так, в рубрике «Хроника» писалось: «Нам сообщают, что неофициальная часть «Тобольских губернских ведомо-

¹⁵ СТГ. 1897. №29.

¹⁶ Там же. №32.

¹⁷ Там же. №122.

стей» с нового года будет присоединена к официальной»¹⁸.

Согласно ст. 82 Устава о цензуре и печати отчеты о собраниях городских Дум печатались в повременных изданиях с разрешения начальника губернии. В сентябре 1897 года Александр Крылов получил специальное разрешение от Первого отделения Тобольского общего губернского правления «для напечатания в «Сибирской торговой газете» доклада Тюменского городского головы»¹⁹. Чуть ранее Крылов просил поручить просмотр отчетов о заседаниях Тюменской городской Думы местному цензору, поскольку отправка подобных материалов в Тобольск была сопряжена с большой тратой времени, и отчеты могли потеряться «интерес минут»²⁰. Губернатор не обладал достаточными полномочиями для того, чтобы самостоятельно решить такой вопрос, поэтому обратился в Главное управление по делам печати. В ответе значилось, что эту функцию может выполнять один из представителей административной власти в Тюмени, но никак не «лицо учебного ведомства». Таким образом, цензурирование отчетов городской Думы было возложено на Тюменского окружного исправника. Проверка же статей о земских уездных собраниях полагалась местному цензору. И губернатор отсылал обратно такие материалы²¹.

В рубрике — «Хроника городской жизни» — опубликова-

лись различные сведения местного значения. Можно предположить, что материалы, помещенные именно в этом разделе, стали причиной приостановки издания на длительный срок.

В конце 1897 г. между редакцией газеты и тюменской полицией завязался затяжной конфликт. Из рапорта тюменского окружного исправника губернатору в начале сентября 1898 г. следует, что Крылов «нечестно относился к своему делу» и не упустил случая, чтобы в заметках «так или иначе, задеть полицию». Правда, так было не всегда. Изначально исправник «сознавая значение местной печати предоставлял (Крылову) пользоваться материалами и сведениями, имеющимися в делах полиции, могущими интересовать читателей редактируемой им газеты и этим принести посильную помощь обществу». В первое время редактор-издатель относился к действиям полиции вполне корректно. Положение изменилось после стычки Крылова с одним из полицейских чинов в театре. По словам исправника, виноват в ней был Александр Александрович, по сему на месте был составлен протокол, который Крылов просил уничтожить, «предупреждая в противном случае, что отноше-

¹⁸ СТГ. 1897. №27.

¹⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Там же. Лл. 33-35.

ние его в газете изменится». Доложительно неизвестно, что случилось на самом деле, в рапорте же говорится, что «высказанную угрозу он стал приводить в исполнение начал осмеивать действия полиции»²².

Далее тюменский исправник приводил примеры, по его мнению, необъективного подхода Крылова как редактора к издательскому делу. В его рапорте неоднократно высказывал мысль, что Александр Крылов, имея типографию и издавая «Сибирскую торговую газету», преследовал «не общественную пользу, а лично свою, не брезгуя нечестными средствами». Так, например, антрепренер «Дорошенко, содержатель малороссийской труппы «доколе объявления печатались у Крылова — рекламировался в газете; как только объявления были переданы в другую типографию, — появилась в газете брань, возмущившая публику». Приведен и другой случай, когда Александр Крылов, увидев в Приказчиьем клубе объявления, отпечатанные не в его типографии, начал выяснять, почему они печатаются не у него. На следующий день в «Сибирской торговой газете» появилась статья про беспорядки в клубе.

²² ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 109.

²³ Там же. Л. 111.

²⁴ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 109.

²⁵ СТГ. 1898. № 184.

²⁶ Там же. № 194

Подводя итог своим словам, исправник говорил, что «вообще все, имеющие дело с типографией Крылова, застрахованы от преследующих заметок в газете и наоборот»²³.

При этом исправник утверждал, что «не стремится на уста печати молчание о происшествиях и преступлениях, случающихся в городе или о неправильных действиях полиции»²⁴. А их редакция ежедневника находила в избытке.

В номере за 23 августа 1898 г. в одной из заметок описывались питейные заведения и их контингент, среди которого «водятся милые, но падшие создания, полиция не обращает внимания»²⁵. На что блюстители закона парировали, что «борьба с этими учреждениями ведется» и «проведены в Думе обязательные постановления, имеющие целью, насколько возможно, сократить эти заведения».

В № 194 газета делилась с читателями неутешительной картиной преступности в Тюмени. «Кражи стали постоянным явлением, — говорится в заметке, — Кто защитит от дерзких набегов воров, совершенно свободно занимающихся промыслом — кражами». Газета считала виновником в этом руководство полиции, сравнивая с предшественниками: «В бытность исправника Попова было лучше»²⁶. У полиции же на этот счет был иной взгляд. Так, в рапорте окружного исправника отмечалось: «кражи

есть, но принимая во внимание особое положение г. Тюмени: наплыв пришедшего населения, преимущественно ссыльного элемента, отсутствия благотворительности, — кражи эти настолько не часты и мелки, что я радуюсь такому положению и могу доказать фактами, что за последние годы краж и вообще преступлений стало значительно меньше, чем было раньше»²⁷.

Столь же искусно описан и другой эпизод. В № 194 сообщалось о случае с городовым Барановым, который в нетрезвом виде буйствовал в питейном заведении, изображая из себя очень значимого человека. «Конечно, поступок Баранова скверный, — отмечалось в полицейском рапорте, — но что в этом случае особенного для того, чтобы тратить столько труда для изложения заметки в извращенном и так раскрашенном виде: никакого «начальства» Баранов из себя не изображал, а был просто пьяный солдат»²⁸.

По поводу всех этих публикаций тобольский губернатор наставлял цензора Словцова: «Подобные статьи как вредные по их направлению, ибо носят в себе зачатки нарушения общественного спокойствия, и как, наконец, несвободные от очевидно пристрастных отношений автора к чинам местной полиции, ни в каком случае не должны быть допущены в печать, по крайней мере, в такой редакции и в таком тоне». «Такого отношения

к администрации не предусматривает ни программа газеты, ни цензурный устав (ст. 96–100)»²⁹, поэтому «только строгое соблюдение этих требований может располагать к дальнейшему покровительственному отношению к существованию газеты». В противном случае губернатор считал «вполне возможным возбудить ходатайство о цензуровании ее в Тобольске на общем основании с газетой «Сибирский листок»³⁰.

Нередко цензору Словцову попадало от губернской администрации за появление в газете вполне безобидных сообщений о перемещении должностных лиц. В «Хронике» 69-го номера сообщалось: «Мы слышали, что управляющий Тобольской казенной палатой С.Н. Матвеев получил новое назначение на Кавказе». Словцов же в своей объяснительной губернатору писал, что пропустил эту информацию, так как «редактор-издатель сделал сообщение о назначении как сообщение о совершенном факте что таковой перепечатан из официального источника». В действительности заметка начинается словами «мы слышали», что говорит о неполной уверенности автора в ее правдоподобности. А Словцов, видимо, просто пытался снять с себя ответственность. А размещение «на-

²⁷ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 111 об.

²⁸ Там же. Л. 112.

²⁹ Там же. Л. 100.

³⁰ Там же. Л. 99 об.

смешек над целыми должностями государственной службы» считалось «большим упущением со стороны цензора»³¹. С целью сокращения появления в печати нежелательной для широкого обсуждения информации, цензором рассылались специальные секретные списки с указами императора и распоряжениями Сената³².

И.Я. Словцов в служебной переписке с губернатором князем характеризовал Крылова как нерадивого безответственного редактора. По словам Ивана Яковлевича, редактор «Сибирской торговой газеты» доставлял ему «оттиски отдельными не сшитыми лоскутками на бумаге, пропускающей чернила до того, что невозможно писать». При этом корректуры предлагались цензору не накануне выпуска номера газеты, а «часто утром в тот же день когда начинаются служебные занятия». В этих случаях редактору предписывалось «на будущее время [хотя бы. — **Н.Ж.**] присылать рукописи написанные набело»³³. Кроме того, Крылов не представлял для сличения с выпускаемым номером корректурных листов и не брал выпускных билетов, а «однажды

даже номер, не бывший на цензуре, выпустил с отметкой «дозволено цензурой». «Указывал я ему на серьезность последствия за такие нарушения цензурного устава, — пишет Словцов, — но он относится к этому как дитя»³⁴.

Когда сообщение искажало действительность, редакция газеты была обязана публиковать опровержения, что она делала неохотно, прибегая к различным ухищрениям. Иногда, как это было в случае с чиновником Абрютиным, критикуемым за злоупотребления, повлекшие якобы за собой его переход на новую должность, в еженедельнике опровержения печатались, но мелким и очень бледным шрифтом так, «что не всякий решится читать»³⁵. Либо редакция ссылалась на то, что опровержение подано в неправильной форме, и отказывалась его публиковать.

Губернатор наставлял Словцова «следить с особым вниманием за отделом «судебной хроники», где [должно. — **Н.Ж.**] говорить лишь о выдающихся делах, имеющих при том отношение к торгово-промышленной жизни Сибири»³⁶. Возможно, поэтому цензор иногда переусердствовал в своих действиях. Однажды И.Я. Словцов направил князю отношение, в котором он сообщил, что в разделе «Судебная хроника» помещены «в числе дел, решенных тобольским окружным судом, такие каких и в производстве не было»³⁷. Цензор указал на заметку в № 61 о

³¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Лл. 37об.

³² Там же. Лл. 457, 458.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же. Л. 50.

³⁵ Там же; СТГ. 1898. №88.

³⁶ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 40. Л. 38 об.

³⁷ Там же. Л. 117.

деле купца Россошных с Тюменским обществом охотников конского бега³⁸. Губернская администрация не поленилась разобраться в этом вопросе и выяснила, что: во-первых, тяжбы, рассматривавшиеся в Тобольском окружном суде, печатались с разрешения его председателя; во-вторых, «в окружном суде действительно имелось дело по частной жалобе купца Россошных о 141 руб.»³⁹.

Случалось, Александр Крылов, не соглашаясь с мнением цензора, отсылал некоторые статьи на суд губернатора. Например, в мае 1898 г. редактор просил разрешения опубликовать заметку «К отъезду инженера И.М. Бельского», которую «забраквал» Словцов из-за того, что она выходила за пределы программы газеты. Крылов, напротив, считал, что отъезд Бельского стоит отметить, так как он «очень много сделал для Тюмени и пароходства по рекам Западной Сибири»⁴⁰. Губернатор согласился, поскольку «вопрос о путях сообщения имеет непосредственную связь с интересами торгово-промышленного класса»⁴¹. В других случаях они допускались к печати⁴².

Опасения местной администрации по поводу силы печатного слова были небезосновательны. После не пропущенной Словцовым, но, тем не менее, напечатанной в «Сибирской торговой газете» статьи о гадалке, «толпы народа по целым дням

осаждали её квартиру, чтобы узнать свою будущность». Иван Яковлевич пытался запретить подобные материалы, считая, что они рекламировали шарлатанство, роняли «посевы невежества и вводили в заблуждение темное тюменское общество»⁴³.

Тюменский окружной исправник докладывал губернатору, что порицание в газете действий полицейских «не могут не иметь влияния на отношение граждан чинам полиции»⁴⁴. По его мнению, в газете звучал «призыв к обывателям, что на полицию надеяться нечего (№ 184) и что положение тюменского обывателя самое отчаянное (№ 194)», поэтому газета «вредна для общественного спокойствия». Хотя истец, вероятно, занижал оценку изданию, «не видя от него пользы, кроме своевременного получения агентских телеграмм».

Появление на страницах газеты заметок о жизни тюменского общества — сильных и слабых его сторон, — провоцировало читателей задумываться над своей обыденной жизнью. Читатели не только расширяли свой кругозор, но и находили в газете подтверждение своим мыслям или получали пищу для новых размышлений.

³⁸ СТГ. 1899. №61.

³⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 118.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 57.

⁴² Там же. Лл. 59–62.

⁴³ Там же. Лл. 86 об., 87.

⁴⁴ Там же. Л. 109 об.

В марте 1899 г. Словцов в своем отношении к губернатору Князеву писал, что «Крылов по-прежнему делает дополнения к тому, что пропущено цензурой»⁴⁵, что в принципе не допускалось согласно цензурному Уставу. Наивным выглядит объяснение Крылова Словцову: «посылаемые Вам корректуры иногда или бывают зачеркнуты и снабжены надписью или совершенно не возвращаются Вами. Как те, так и другие нами считаются пропущенными Вами»⁴⁶. Трудно поверить, чтобы грамотный, отнюдь не глупый человек — Александр Крылов — не сознавал, что зачеркнутые заметки не подлежат к печати или, по крайней мере, должны быть переработаны. Вообще, Словцов так характеризовал редакторскую деятельность Александра Крылова: «Светильник, зажжённый редактором-издателем «Сибирской торговой газеты», так чадит невежеством и ложью, что, вероятно, рано или поздно придется поставить его под стол»⁴⁷.

Последней каплей стало сообщение в рубрике «Корреспонденции» в № 181 о самоубийстве фельдфебеля 4-й роты Тобольского пехотного резервного батальона из-за «оскорбления покой-

ного одним из офицеров»⁴⁸. Первоначально местная администрация никак не отреагировала на заметку. Чиновники засуетились после того, как тобольскому губернатору пришло отношение Главного управления по делам печати от 9.11.1898 г. за №7636. В нем сообщалось, что командир этого батальона направил в ежедневник соответствующее опровержение согласно ст. 138 Устава о цензуре и печати, редакция же, сославшись на ст. 139 того же Устава, согласилась его опубликовать лишь с доплатой за лишние строки, так как «последнее было больше по объему сообщения газеты»⁴⁹. Главное управление по делам печати просило разобратся, на каком основании цензор пропустил сообщение о самоубийстве, а также напечатать опровержение.

И.Я Словцов же «решительно [не мог. — Н.Ж.] припомнить пропуск или нет к печати маленькую в четыре строки корреспонденцию о самоубийстве фельдфебеля и даже была ли она в корректурных листах». Свое «незнание» Иван Яковлевич объяснял тем, что «сильно был занят в должности директора Тюменского реального училища хлопотливыми обязанностями по организации в начале года учебных занятий, что цензурировать газету приходилось каждый день только ночами»⁵⁰. Словцов просил «снисхождения к неосторожности, хотя бы ввиду ничем не опозоренной 35-летней служ-

⁴⁵ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 117.

⁴⁶ Там же. Л. 91.

⁴⁷ Там же. Л. 87 об.

⁴⁸ СТГ. 1898. №181.

⁴⁹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 69.

⁵⁰ Там же. Л. 78.

бы, ввиду нездоровья» с последующим снятием с него обязанностей цензора⁵¹. По словам Ивана Яковлевича, редакция еженедельника нисколько не шла ему навстречу, а, наоборот, затрудняла его деятельность. Так, вместо корректурных листов секретарь «Сибирской торговой газеты» ответил, что не может это сделать, потому что листы находятся у редактора, который в отъезде — на Ишимской ярмарке⁵².

Тогда Словцов направил в редакцию исполняющего обязанности инспектора училища Силецкого. Инспектор в представленных в редакции листах не нашел информации о самоубийстве фельдфебеля и о болезни директора гимназии Панова, о чем было также напечатано в газете⁵³. Правда, на следующий день, когда цензор запросил их у Крылова официальным путем, тот ответил, что корректуры уничтожены, так как редакция обязана хранить их всего 3 месяца. Иван Яковлевич видел в этом попытку редактора «уклониться от истины»⁵⁴. К тому же Крылов писал губернатору Князеву, что служащие в типографии «готовы засвидетельствовать, что корреспонденция из Тобольска была пропущена ибо ни одна строка не появляется без разрешения» и «цензор не откажется подтвердить, что он пропускал этот номер»⁵⁵. Между тем редактору, думается, было хорошо известно, что Словцов пытался доказать обратное.

На запрос губернатора Князева о причине отказа напечатать опровержение командира батальона Александр Крылов, ссылаясь на статьи Устава о цензуре и печати, ответил следующее. Во-первых, опровержение необходимо подавать начальникам губерний, а, во-вторых, опровержение полковника Крянивоблоцкого «заклучало в себе отвлеченные суждения, не идущие к делу». Исходя из этого редакция и предложила ему напечатать заметку за дополнительную плату⁵⁶.

Получив объяснения от обеих сторон — Словцова и Крылова, тобольский губернатор в первых числах апреля направил в Главное управление по делам печати отпуск, где сообщил, что цензор не отрицал возможности пропуска «по неосмотрительности корреспонденции из Тобольска», но, в то же время, делал предположение, «основанное на знакомстве с характером деятельности Крылова как редактора, что корреспонденция эта не была вовсе внесена в корректурный лист»⁵⁷. В отпуске Князев характеризует Крылова как неспособного издателя-редактора, имеющего «крайне легкомысленный характер». С самого начала гу-

⁵¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Лл. 78, 79.

⁵² Там же. Л. 89.

⁵³ Там же. Л. 82, 90.

⁵⁴ Там же. Л. 81.

⁵⁵ Там же. Л. 92 об.

⁵⁶ Там же. Л. 92.

⁵⁷ Там же. Л. 113 об.

бернатор якобы знал, что предпринятая Александром Крыловым затея с изданием газеты не достигнет успеха. «Не имея средств для привлечения сотрудников, — говорится в отпуске, — Крылов наполнял номера своей газеты перепечатками из других повременных изданий всякую ложь часто совершенно незнакомых ему корреспондентов он печатал без смущения, а за возражения требовал крупную плату, пользуясь незнакомством публики с законами о печати»⁵⁸. Что же касается статей о торгово-промышленной сфере края, «которые должны занимать в газете первое место, то они весьма часто или не верные, или запаздывают»⁵⁹.

Не мудрено, что после такой характеристики А.А. Крылова как редактора министр внутренних дел Горемыкин приостановил выход газеты на 8 месяцев со 2 мая 1899 г., назвав это административной мерой «воздействия на редакцию «Сибирской торговой газеты»⁶⁰.

Крылов, тем не менее, не отказался от издательской деятельности и уже 3 марта просил разрешить ему выпускать

бюллетени Российского телеграфного агентства плюс частные объявления⁶¹. Первый номер «Бюллетеней Тюменского Агента Российского телеграфного агентства» вышел в свет под редакцией А.А. Крылова 9 мая 1899 г. Редакция заверяла читателей, что «подписчики тотчас по возобновлении издания [«Сибирской торговой газеты». — Н.Ж.] будут получать газету самым аккуратным образом, причем внесенная ими подписная плата будет зачтена, и за время приостановки издания они получают соответствующее количество номеров по окончании срока подписки»⁶².

«Бюллетени» состояли из телеграмм и рекламных объявлений, выходили ежедневно, иногда сдвоенными номерами. Внизу четвертой полосы находилась отметка, кем разрешался номер к печати. В основном это были три человека, исполнявших обязанности тюменского уездного исправника — Евсеев, Петухов и Каковский. Издание печаталось в типографии А.А. Крылова. А подписка (25 копеек в месяц) принималась в редакции «Сибирской торговой газеты»⁶³.

14 декабря в «Бюллетенях» было помещено объявление об открытии подписки на «Сибирскую торговую газету» на 1900 г. по той же программе и с прежней периодичностью выхода в свет⁶⁴.

⁵⁸ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 40. Л. 114 об.

⁵⁹ Там же. Л. 87 об.

⁶⁰ Там же. Лл. 116, 121.

⁶¹ Там же. Л. 122.

⁶² Бюллетени Тюменского Агента Российского телеграфного агентства. 1899. №1 (9 мая).

⁶³ Там же. №23.

⁶⁴ Там же. №179.

«Товарища... считать проверенным»*

1918 году был командирован большевиками к товарищу Ленину задание выполнил и спас полковое имущество. По окончании военной службы служил я в Туринске последнее время в Штабе Революционного комитета. При наступлении белых для подпольной работы я с товарищами в количестве 5 человек остались в Тылу. Но скоро часть товарищей были расстреляны меня же схватили и бросили в Тюрьму, но по настоянию населения я был выпущен и началась у меня связь скрестьянами, что сделать востание, но мне не удалось в моих попытках, для скрестья своих следов я пытался убежать в Екатеринбург, но не смог ввиду того что сторожевая охрана мне перегородила путь, возвратился домой и учитель Шубин (противник ревдвижения) меня спрятал на вышке училища где и пробыл до прихода красных.

Во время митинга вечером меня выбирают в Ревком. В ревкоме я заведывал несколькими отделами один и дело шло не хуже чем сейчас в то время как заведуют многие.

В 1919 году я ушел в Армию приступил к формированию полка был комбатом и по болезни выбыл из строя, приедя домой в Туринск работал на общественных работах не смотря на то что

я просился, чтоб меня отправили на фронт все не отправляли и только в Москве на съезде я зашел в Революционный комитет поставил вопрос что хочу итти воевать меня отправили в город Воронеж где сформировал полк участвовал в военных действиях против Мохна, за что и имею заслуги.

В 1921 году комиссия по чистке партии меня признала как участвовавшего в партии меньшевиков, комиссия нашла снять меня с работы ответственной меня сняли после чего я работал на разных общественных работах. Все партийные нагрузки возлагаемые на меня выполнял хлебазаготовки выполнил хорошо.

Вопрос: Как дело обстояло с сохранениями икон в зале Техникума. — Я здесь не много был, верно при мне они были не заклеены но не потому что я верующий, а потому что было упущение, то что говорят что я давал распоряжение, чтобы не замазывать и хранить их как музейную ценность это не верно.

Вопрос: А как дело обстоит с хозобрастанием — жена зубной врач она имеет обстановку, мы же за последнее время за исключением ее обстановки ничего не имеем.

Вопрос: Чем отличить твою революционную работу от эс-

* Окончание. Начало см.: Лукич. 2001. №4. С. 209–212. — Стиль, орфография и пунктуация сохранены.

серовской и меньшевистской — я считаю ее революционной поэтому, что за содержание консперативной квартиры и распространение литературы сажали в тюрьму.

Вопрос: Кто писал в газету «Красное знамя» о школе II-й ступени — писал я.

Вопрос: Какую ведешь партийную работу в Техникуме — никакую ввиду того, что освобожден постановлением ОКК.

Вопрос: С какого времени Вы стали разбираться в большевистских вопросах — с того момента как по бывал у ЛЕНИНА.

Вопрос: С какого времени Вас полиция начала преследовать — с 1908—7 года.

Вопрос: При Колчаке вы остались в Туринске — да был но недолгое время в армии не служил мне помог доктор Вельсон.

Вопрос: Какое волнение было в 1905—6 году в Москве — в Москве было большее, но здесь оно было задавлено.

Вопрос: Почему Вы не состояли в Партии до 1919 года — точно не ответил ответ дал отвлеченный.

Вопрос: Кто есть из ваших родственников — две тетки две дочери.

Вопрос: Что Вас заставляло ходить петь на клирос — я как учитель пения выполнял обязанности.

Вопрос: В каком году были знакомы с Назаровым в 1905—6.

Вопрос: Сколько жена пла-

тит налогу — не знаю и не интересовался.

Вопрос: Происхождение жены — дочь фельдшера она работала в Здравотделе, но в настоящее время инвалид ей надо в течении года 3—4 месяца, а на это ОкрЗдравотдел не соглашается.

Вопрос: Изъяты или нет дома иконы — от стариков еще неизъяты.

Вопрос: Почему дочь не комсомолка — она жила с матерью отдельно и с III-го курса ее не приняли, почему раньше не принимали вина матери.

Вопрос: Какие Ваши взгляды по наступлению на кулака и нэпмана — описал троих их надо драть.

Вопрос: Почему Вы ставили вопрос, чтоб музей наименовать именем «СЛОВЦЕВА» — потому что он был хорош преподаватель и по моему мнению он заслуживает этого, кроме того он был первым ученым по исследованию Тюменского округа.

Ушаков: Когда товарищ объяснял свою революционную работу в квовычках то она ни чем не отличается от меньшевистской он говорит, что вел революционную работу с 1905 года и все же эта работа его не могла сблизить с большевиками до 1919 года. У его характер мягкий отсюда и вывод его слабость в этом дышет мягкотелостью.

Товарищ РАССОМАХИН не наша идея назвать музей имени Словцева он не большевик и ник-

то для нас. По вопросу икон в Техникуме то он не старался устранить это, а считал, что это редкая ценность. В ячейке ни какой партийной работы не несет благодаря наградки Окружкома.

Панин: Он на вопрос где было востание и революционные комитеты 1905 года не ответил, а надо сказать, что Революционный комитет была Красноуфимская школа из ответов видно, что революционную работу не нес.

Вермул: тов. РАССОМАХИН не так понял вопрос он думает что его хотят тут поймать мы хотим не ловить, а выяснить, он линию проводит твердо, но есть мягко-телость. Товарищ говорит что по школе 9-ке его окрКК оправдала, но недавно по докладу ячейка ОкрОНО было выявлено, что в течении ряда лет там был контрреволюционный элемент и Рассомахин тенулся в хвосте этих элементов.

Волохина: Товарищ Рассомахин очень хорошо нельзя признать у его мягкотелость, он иногда бывает очень твердый. По вопросу икон то еще нельзя винить т.к. он был в этом здании будучи Зав.Техникумом несколько дней.

Пышновская: В школе будучи обществоведом тов. Рассомахин больше занимался краеведческой работой чем обществоведческой, но когда копнули в Школе то учителя начали увольняться и он считал, что это неверно делаем, ибо эти учителя хорошие работники. У товарища

есть мягкотелость по ряду вопросов.

Прокшин: Я его знаю будучи учеником в 907 году он среди учеников вел работу антери-лигиозную и нельзя сказать, чтобы он был сейчас религиозный.

Заключение: На ряд выступлений товарищ Рассомахин дал справки.

Выводы: Рассомахин Павел Афонасьевич — считать проверенным константировать, что тов. РАССОМАХИН указывал на ведение революционной работы в дореволюционное время одновременно заявляет к партиям не принадлежал и большевистскую линию стал понимать лишь с 1918 года. Наблюдались случаи оценивать работников не зависимо от революционной деятельности. (Настаивал наименовать Музея именем Словцева ничего революционно не имеющего). Указывал, что вел антирелигиозную работу до революции, а будучи Зав. Техникумом никаких не принял мер к устранению религиозных изображений со стен бывшей церкви в помещении Техникума.

Не достаточно принимал мер к изжитию религиозных обрядов среди родственников живущих в одном доме все это говорит за недостаточную твердую линию как члена партии. Имея место случае нетактичного ведения себя. (Как и имело место на проверочном собрании в реприках на ответы и вопросы).

Дать товарищу РАССОМАХИНУ выговор.

* * *

Уважаемый Владимир Александрович!*

Давно не получал от Вас известий, однако рискую беспокоить. Из новозеландских источников узнал, что у Вас в городе вышли словари рифм Бродского и Цветаевой, а потом, уже из петербургских, что они не слишком хороши, зато с Вашим предисловием. Эти книги мне чрезвычайно нужны, причем срочно. Нет ли возможности их приобрести? И нет ли их в интернете? Пожалуйста, сообщите мне об этом как можно скорее, лучше всего по электронной почте ogli@rsuh.ru. или по телефону (095) 7090373. Сочтемся!

С удовольствием постараюсь быть встречно полезен Вам. Так, в нашем «Вестнике» давно нет информации о ваших конференциях и новых книгах — буду признателен.

Пишите также, если Вам нужно что-нибудь из столичных книг, может быть, поменяемся.

Жив ли Ваш симпатичный журнальчик, о котором мы писали?

Спасибо, что не забываете и выписываете «Вестник».

Добрались ли Вы до электронной почты и интернета? Это лучший способ общения, к тому же очень оперативный.

Всех Вам благ, жду ответа.

Ваш ...

* * *

С Новым годом, дорогой Вл. Рогачев!

В полном восторге от Вашей вступительной статьи к «Словарию рифм Р.Р.» вся наша семья — обе дочери и я, Киреева Алла Борисовна.

Вы здорово поняли Р.И. и замечательно написали о нем. Спасибо Вам!

Мы все желаем Вам здоровья, радости, добра в новом и всех последующих годах.

Счастья Вам.

А. Киреева.

P.S. Анатолий Бочаров умер вскоре после ухода Р.И.

P.P.S. С уважением Алла Киреева. Дайте адрес Ваш, я вышлю новые книги Р.И.

* Оба письма пришли в адрес издательства с пометой: «Для Владимира Александровича Рогачева». Автор первого письма — профессор из Москвы Юрий Борисович Орлицкий. Второе письмо прислала вдова Роберта Рогачевского Алла Киреева.

* * *

Дорогой Юрий, здравствуйте!*

С нескрываемым удовольствием прочел обе книги Николая Коняева («Отголоски-отзвуки» и «Околоток. Перековка»), за что сердечно Вам признателен. Это добротная проза состоявшегося писателя, авторская позиция которого, его отношение к герою, лаконизм и нередко нарочитая простоватость очень мне близки и симпатичны. Знаете, я ведь только «полувеchnый читатель», но не литературовед или критик, да и Вы вряд ли нуждаетесь в исчерпывающем и высокопрофессиональном анализе написанного Н. Коняевым. Вы знаете его и написанное им и без меня. Поэтому я попытаюсь идти эмоционально-косвенным путем, чтобы выразить отношение к прочитанному. Во-первых, позволю себе не согласиться с услышанной в телефонном разговоре с Вами «подсказкой» о некотором впечатлении «вторичности» творчества Николая: оно, вне всякого сомнения, первично и аутентично, он никому не подражает, он весь *в своем* мире, в том, который сам создает и рисует для нас. Но вот круг тем, которые его вдохновляют, круг людей, им показываемых, мир мыслей и поступков этих людей, который огрубленно можно свести к формуле «жизни маленького человека в стране, в которой 99,9% территории — периферия, село, городишко, — социальная норма», не оригинальны для современной русской прозы. Если Вы, Юрий, как профи (но не как пишущий Вам!) тоже постоянно читаете, наверное, и у Вас возникает невольное внутренне-неконтролируемое обобщение о том, что многие настоящие авторы сильно пересекаются в обозначенной «формуле тем». Я хотел бы только отметить традиционность тематики, объединяющей, помимо Н. Коняева, еще целый ряд авторов, среди которых упомяну только тех, кто известен мне (возможно, Вы как профи еще продолжите перечень при условии, что здесь я назову только относительно молодых авторов), это Юрий Кувалдин (1993, «Избушка на елке»), Петр Алешковский (1995, «Старгород», уже переведен на немецкий, как и две последующие его вещи), Андрей Дмитриев (1998, «Поворот реки»), Николай Шадрунов (1998, «Психи»). В этом ряду авторов со сходным кругом тем я, пожалуй, не назвал бы лучшего — все они примерно одного уровня (разве что Ю. Кувалдин несколько слабее других из-за неравнокачественности произведений). Так что здесь мое резюме лишь «старательского»

* В октябре минувшего года на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне Сергей Винтер отобрал два томика прозы, вышедших в тюменском издательстве для перевода в Германии (Анну Неркаги и Николая Коняева). Его жена Кристиана Кёрнер, работавшая много лет в Москве преподавателем иностранного языка, нынче пробует свои силы в переводах русской прозы на немецкий. Это письмо — отзыв о творчестве тюменских авторов.

свойства: в Германии уже перевели «Хорька» и «Старгород», т.е. «ниша» занята. Однако безотносительно к сказанному есть еще одно, наверное, весьма немаловажное «измерение» автора: мне очень хотелось бы когда-нибудь посидеть с Николаем «за чашкой водки» за одним столом, полагаю, он замечательный мужик. И второе: для городка с 40-тысячным населением такой автор — nepозволительная роскошь! Меня угораздило родиться в г. Славянске Донецкой области, мой отец написал три книги, однако спешу заметить, что с 1643 года по сей день для города в 150 тысяч населения известен только Н. Зарембо, написавший стихи к песне «Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю...». Все. А потом еще три с половиной века и по сей день городок не был осчастливлен ни одним стоящим писателем! Так что у Ханты-Мансийска — счастливая судьба! Ведь даже очень избалованные читатели не каждый год имеют счастье прочесть рассказ вроде «Все переврут» (это маленький шедевр!).

Сейчас Кристиана истязает себя переводом сборника рассказов «Современных русских писательниц» (ее третья книга). Даст Бог, за ними еще воспоследуют мужики, среди которых этот рассказ уже обеспечил себе представительство.

Теперь вкратце об Анне Неркаги. Я читал «Илира», Яна — «Белый ягель»: весьма самобытная, добротная и «хорошо темперирующая» проза, может быть, несколько слишком экзотично-узконациональная, я имею в виду эстетические горизонты. К сожалению, немецкая публика уже изрядно «накормлена» Юрием Рытхэу и Чингизом Айтматовым, поэтому, несмотря на то что, на мой взгляд (и наш тоже!), Анна лучше любого из упомянутых, «поезд ушел», и нет даже вялой надежды, что какое-либо из издательств решится издавать эту «русскую экзотику».

Вот так неутешительно вынужден заканчивать письмо к Вам, дорогой Юрий. Как бы там ни было, если Вы решитесь появиться на следующей книжной ярмарке во Франкфурте (кстати, ярмарка 2003 года будет посвящена русской литературе), Вы всегда можете останавливаться у нас. Обнимаю Вас, всего Вам самого доброго, до встречи.

Сергей.

Франкфурт-на-Майне.

2.02.2002.

P.S. Посылаю Вам несколько образчиков деревяшек.

* * *

Здравствуйте Юрий Лукич!

Сегодня случайно узнал, что в Книжной лавке Литературного института промелькнули книги вашего издательства — словари рифм Бродского, Евтушенко и др.

Огромная просьба — выслать наложенным платежом в мой адрес три экземпляра (как минимум два) «Словаря рифм Евгения Евтушенко» или, если Вы будете в Москве, или с оказией, это даже лучше, так как можно встретиться и об этом подробнее поговорить, привезти для меня запрашиваемые экземпляры.

Дело в том, что я, Юрий Сергеевич Нехорошев, являюсь автором одной из шести, включая вашу, книг об этом поэте. Кроме того, я редактировал несколько его книг, в том числе являюсь научным редактором и составителем «Собрания сочинений в восьми томах, три тома вышли (Т. 1 — в 1997 г., Т. 2 — в 1998 г. и Т. 3 — в 2000 г.), подготовлен к печати четвертый, задержка за днягами, практически готовы пятый и шестой.

По «Словарю рифм». Еще в 1990 году такую работу проделал евтушенковед А.Е. Агрест, его рукопись в машинописном виде состоит из пяти томов.

Том первый «Пояснительная записка, теоретические аспекты. Результаты исследований. Приложение».

Том второй «Словарный состав по частоте использования».

Том третий «Частота употребления рифмованных слов, построенных в алфавитном порядке».

Том четвертый «Словарь рифм» (ч. 1, ч. 2 тт. 2 и 3).

Том пятый «Словарь рифм» (результаты обработки трех томов по изданию М. «ХЛ», 1984, ч. 1 и ч. 2).

Исследование было осуществлено в 1986—1990 гг.

Первый экземпляр был в свое время подарен автору (т.е. Евтушенко), с Т. 1 я его приводил к Евг. Сидорову, в бытность ректором Литинститута, т.е. первый том в Литинституте где-то должен быть (или у Е.Ю.). Увы, в 1992 году автор умер.

Если Вас эти сведения интересуют, от меня можно получить более подробную информацию.

Я являюсь составителем библиографии Евтушенко: отдельная книга в соавторстве с А. Штовым, Челябинск, 1981 (если надо, могу снабдить); в кн. «Рус. сов. писатели. Поэты» (Москва: «Книга», 1984. С. 347—489).

Если Вы не посылали эту книгу Евг. Евтушенко, то я готов ему передать эту с дарственной надписью от автора.

Буду очень признателен за ответ и, если Вы изыщете возможность передать мне изданные Вами книги (автор-составитель тоже Вы?), то и, конечно, за эти книги, за труд и за внимание к творчеству поэта.

С пожеланием добра и творческих и деловых успехов.

16 января 2002 г.

P.S. А что Вы еще выпускаете в свет?

* * *

Дорогой Александр Лазаревич!*

Спасибо огромное за словарь. Это — бесценный подарок. И увлекательное занятие для филологов, да и для начинающих поэтов.

Книга красива, изящна, и нам очень приятно было ее изучить.

Позвольте передать вам последнюю, изданную уже без Р.И., книгу и пожелать успехов в ваших изысканиях.

Очень впечатлило предисловие Вл. Рогачева: оно внятно, эмоционально и, на мой взгляд, справедливо. Мне хотелось бы послать ему письмо и книгу, но я не знаю, где его искать. Может, поможете?

Здоровья вам, свершений творческих, счастья!

Алла Киреева,

29 октября 2001 г.

TRIVIA (мелочи)

Я и великие: Из серии «Почти анекдот»

Я пришел работать в секретариат «Тюменского комсомольца» в то время, когда Рафаэль Гольдберг исполнял обязанности редактора. В свои тридцать с небольшим хвостиком он был метром. Мотался по отчетным конференциям, писал быстро и хорошо, успевал вникать во все и везде. Помню, пришла в редакцию женщина и попросила найти свою родственницу. Попытка отправить ее в адресный стол закончился для меня устным выговором: за черствость души... Он готовился стать главным редактором. Поэтому и каждый номер продумывался тщательно. А по окончании рабочего дня все собирались в его кабинете и придумывали всем

коллективом заголовки. Старались. Пока не поняли, что самые лучшие получаются, конечно, только у Рафа...

О нем рассказывали кучу анекдотов. Говорили, что Миша Коллегов целую серию собрал. Начиная с того, в котором у Рафа берут в долг пять копеек на проезд, которые он требует вернуть — даже в течение года не забудет о медяке, и до истории с шампанским, ящик которого он ежегодно везет на своей машине из Крыма, потому что оно там дешевле на пять копеек.

Он и сейчас ни в чем не изменился. Так же во все вникает, а попробуй зайти в кабинет и попроси напоить чаем... Тем более сейчас он не пятак стоит.

* Письмо составителю Словаря рифм А. Бабакину от вдовы Р. Рождественского.

Помню, пили с ним кофе в секретариате (у Рафа была стеклянная кофеварка; я ее нечаянно как-то уронил; весь индустриальный институт в стеклодувной мастерской занимался ее ремонтом, иначе бы мне несдобровать). Чайная ложка была одна. Я, всегда куда-то бегущий, налил кофе, положил сахар, помешал злосчастной ложечкой. Решил попробовать: сладкий или нет. В это время Раф попросил ложку. Остановить движение руки я не успел: ложка с кофе исчезла у меня во рту... Описать радость Рафа было невозможно: «Он облизал ложку», — бегал

будущий кандидат в редакторы по коридору...

С тех пор прошло лет тридцать. Эта история с ложечкой преследовала наши отношения все годы. И я ее почему-то сильно стеснялся. Но года два-три назад, когда в кругу солидных людей я попытался в чем-то возразить Рафу, он вдруг свыска меня оборвал: «Будешь выступать, расскажу всем, как ты ложку облизал...». Первый раз пришлось возразить на коронную фразу Рафа: «А ты лучше расскажи, как я у тебя сало ukrал». — «Какое сало?». Больше о ложечке Раф не вспоминал.

Как я у Рафа сало ukrал

Когда Гольдбергу дали квартиру у драмтеатра, он работал на областном радио. В те времена мы все помогали друг другу. Когда бросили ключ о переезде, нас собралось человек шесть-семь. Все понимали сложность задачи: перезд одной только библиотеки с пятого этажа дома без лифта на одиннадцатый новостройки, где лифт еще не работает, должен был отнять много сил и энергии. Но был конец рабочего дня. Мы все юные, расгульные, голодные, вечно стреляющие три рубля до полочки... А тут Раф пообещал по окончании погрузочно-разгрузочных работ покормить каким-то деликатесным салом. Конечно, с самогоном.

Как мы выносили вещи с пятого этажа — я уже не помню. Проблемы начались при подъе-

ме мебели. Лестницы хотя и не были узкие, но мебель была старенькая — ее еще дедушка Рафаэля ремонтировал, — поэтому она по дороге грозилась рассыпаться. Сделав с десяток ходок вверх-вниз, я пошел договариваться с лифтером, чтобы он включил подъемник. Несколько раз удалось поднять вещи на лифте. Но лифтер хотел, чтобы ему тоже поставили магарыч, и выключил лифт. Раф снова послал меня к нему. Знал: кто музыку заказывает, тот и платит... А когда мы уселись на кухне, завершив последнее восхождение на рафовский Эверест, оказалось, что сала нет. Среди компании хохлом оказался один я. «Это он ukrал...», — изрек Раф.

Так мы и ушли из гостей, как журавль от лисицы.